

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

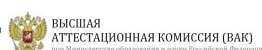
Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 10, No. 3, 2020

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – М.А. Эскиндаров, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, академик Российской академии образования

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, декан Международного финансового факультета Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор, ректор Севастопольского государственного университета;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – А.Б. Шатилов, кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социологии и политологии Финансового университета

Заместитель главного редактора – А.Г. Тюриков, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии, истории и философии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – Я.А. Пляйс, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социологии и политологии по учебной работе и международным связям Финансового университета;

Н.А. Ореховская, доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента социологии, истории и философии по учебно-методической работе Финансового университета

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета;

Д.В. Петросяни, кандидат экономических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

С.В. Расторгуев, доктор политических наук, профессор, заместитель руководителя Департамента политологии и массовых коммуникаций по учебно-методической работе Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Департамента социологии, истории и философии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)

Д. Кьеза, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)

Д.Е. Сорочкин, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Финансового университета, член-корреспондент РАН (Россия)

Ж.-Л. Трюэль, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)

К. Уилкокс, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, КНР

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**,
Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education

S.V. Alekseev, Doctor of History, professor of Department
of history and historical archive science of Moscow State
Institute of Culture, the Chairman of Historical and Educational
Society "The Guardian";

A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director of the Institute
of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma
of the first (1993–1995) and second (1995–1999)
convocations;

A.I. Il'inskij, Doctor of Engineering, Professor, Dean
of the International Financial Faculty, Financial University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and
Defense Policy Council (SWAP), Editor-in-chief of the magazine
"Russia in Global Affairs";

V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor,
Rector of Sevastopol State University;

I.Y. Novitsky, Deputy of the Moscow City Duma (1993–2014),
Head of "State and Municipal Management" Chair, International
University in Moscow;

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Science
and Research Coordinator of the Economic Theory Department
of the Financial University;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director
of the Institute of the Far East, the Russian Academy of Science;

S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director
of the Institute of Economic Policy and Problems of Economic
Security, Financial University;

V.V. Fedorov, Cand. Sci. in Political Science, Director General
of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM),
the supervisor of the faculty "Sociology and Political Sciences";
Financial University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher
at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, Deputy of the State
Duma of the VI convocation from the "United Russia"; member
of the State Duma Committee on the Federal Structure and Local
Government, Member of the International Academy of Social
Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**,
Cand. Sci. in Political Sciences,
Professor, Dean of the "Sociology and Political Science" Faculty,
Financial University

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Social Sciences, Head
of Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University;

Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political
Sciences, Professor of the Department of Political Sciences and Mass
Communications, Financial University;

S. Yu. Belokonev, Cand. Sci. in Political Sciences, Associate Professor,
Head of Department of Political Sciences, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher
of the Department of Insurance and Economy of Social Sphere,
Financial University;

V.V. Kaftan, Doctor in Philosophy, Professor at Department of Political
Sciences, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Sciences, Professor Head of the
"Sociology" Department of Moscow State Linguistic University;

D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean Faculty
of Sociology and Political Sciences for academic work and international
relations, Financial University;

N.A. Orekhovskaya, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy
manager of Department of Sociology, History and Philosophy
on education and methodical work, Financial University

A.V. Pachkalov, Cand. Sci. in History, Associate Professor
of Department of the Economic Theory, Financial University;

D.V. Petrotsyants, Cand. Sci. in Economics, Associate Professor
of Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial
University, Moscow, Russia;

S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head
of the Department of Political Sciences and Mass Communications
on educational and methodical work, Financial University;

G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor, Science and Research
Coordinator of Department of Sociology, History and Philosophy,
Financial University;

K.V. Simonov, Cand. Sci. in Political Sciences, Professor
of Department of political science, Financial University;

A.A. Troshin, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean
for master's degree and career guidance of the "Sociology
and Political Science" Faculty, Financial University

EDITORIAL COUNCIL

E.V. Astakhova, Doctor of History, Professor, Rector of Kharkov University
for Humanities, "People's Ukrainian Academy" (Ukraine)

D. Baychun, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University,
Director of the Cultural Center of the Sino-Russian
Relations (China)

N.M. Dolgoplov, Deputy Editor of the "Russian Newspaper",
a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union
of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers' organizations
(Russia)

T.M. Calvo Martinez, Doctor, Professor, Director of the Paris International
Institute of Philosophy (Spain)

R. Krumm, Director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert
Foundation (Russia)

D. Chiesa, Italian journalist and politician, member of the European
Parliament (2004–2009) (Italy)

B. McBride, Doctor, professor, president of the International
Federation of Philosophical Societies (USA)

I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy
of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law and Politics,
University of Tokyo (Japan)

A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member of the Academy
of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute
of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan
(Kazakhstan)

D.E. Sorokin, Doctor of Economics, Professor, Science
and Research Coordinator Financial University, Corresponding
member of the Russian Academy of Sciences (Russia)

J.-L. Truelle, Doctor, a consultant for the development
of international relations between Russia and CIS countries,
Vice-President of the Association of economists
"Le Cercle Kondratieff"; professor of the University
of Paris-12 (France)

C. Wilcox, Professor, Department of Government, Georgetown
University, Washington, D.C. U.S.

Cui Zheng, Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor,
Deputy Director of The Research Center for the Economics
and Politics of Transitional Countries, Liaoning
University (China)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

<i>Петров К.Е.</i> Образы политических лидеров в условиях современности сквозь призму классических концепций	6
<i>Евгеньева Т.В.</i> «Неведомая земля»: образ Африки в сознании современных россиян	15
<i>Титов В.В.</i> Образы советского прошлого как ресурс формирования национально-государственной идентичности россиян	20
<i>Омарова Л.Б., Музашвили Д.З.</i> Диалектичность понятий «Восток» и «Запад» в условиях глобализационных тенденций современности	25
<i>Калитько И.И.</i> Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана)	29

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Чимирис Е.С.</i> Легитимация власти: к формулированию операциональной модели	37
<i>Аршин К.В.</i> Концептуальные основы регулирования миграционных процессов	45
<i>Герасимов С.В.</i> Онтология гуманитарного знания в условиях информационного общества	52
<i>Асонов Н.В.</i> Становление русского «оцерковленного» государства как новой модели политического устройства	58
<i>Ерохина О.В.</i> Возможности использования методов машинного обучения для решения политических задач	67
<i>Кулакова Н.Н.</i> Экономический рычаг геополитических трансформаций	74

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Мирзаян Г.В.</i> «Сделка века» на перекрестии интересов США, России, Израиля и Палестины	79
<i>Аликперова Н.В.</i> Формирование финансово грамотного поведения населения: риски и условия безопасности	86
<i>Великая К.В., Круглова Е.Л.</i> Культурное потребление как фактор формирования социального статуса студента	92
<i>Доренко К.С.</i> Ключевые показатели развития Российской Федерации: экономический прогресс vs социальный прогресс	97
<i>Маковейчук А.В.</i> Принципы построения и перспективы развития системы цифрового государственного управления в современной России	103
<i>Ильина Ю.И.</i> Роль информационных технологий в продвижении российских интересов на Ближнем Востоке	108
<i>Алексеев Д.В., Копылова П.С.</i> Группы «ВКонтакте» как проводник политологического знания: кейс «Political science library»	113
<i>Кармова М.Р., Максимова О.И.</i> Межэтнический негативизм: в поисках путей выхода	122

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Ковригин Д.Э.</i> Принципы стабильности ресурсов в условиях информационных войн	128
<i>Сейдалин А.Ж.</i> Цифровые инструменты социально-экономического развития региона	132
<i>Курбанова К.М.</i> Трансформация политической элиты Республики Дагестан в 2017–2020 гг.	136
<i>Осинин А.Д.</i> Адаптация национальной экономики к мировому экономическому кризису: банковский сектор РФ VS коронавирус	142
<i>Лукьяненко К.Т.</i> Волонтерство как инструмент вовлечения в систему государственной молодежной политики	147

CONTENTS

COVER STORY: IMAGES AND SYMBOLS IN MODERN POLICY

- Petrov K.E.** Images of Political Leaders in Modern Conditions Through the Prism of Classical Concepts. 6
- Evgenyeva T.V.** "The Unknown Land": the Image of Africa in the Minds of Modern Russians 15
- Titov V.V.** Images of the Soviet Past as a Resource for the Formation of National-State Identity of Russians. 20
- Omarova L.B., Muzashvili D.Z.** The Dialectics of the Concepts of "East" and "West" in the Conditions of Contemporary Globalization Trends 25
- Kalitko I.I.** Russian Pop Music as a Factor of Russia's "Soft Power" in the Post-Soviet Space (on the Example of Belarus and Kazakhstan) 29

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Chimiris E.S.** Power Legitimacy: Towards the Creation of an Operational Model. 37
- Arshin K.V.** Conceptual Ground for the Regulation of Migration Processes 45
- Gerasimov S.V.** Ontology of Humanitarian Knowledge in the Information Society 52
- Asonov N.V.** The Emergence of the Russian State Controlled by the Church as a New Model of a Political Entity. 58
- Erokhina O.V.** Implementation of Machine Learning Methods to Solve Political Problems 67
- Kulakova N.N.** The Economic Lever of Geopolitical Transformations 74

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Mirzayan G.V.** "Deal of the Century" in the Crosshairs of the US, Russia, Israel, and Palestine. 79
- Alikperova N.V.** Formation of Financially Competent Behaviour of the Population: Risks and Security Conditions. 86
- Velikaya K.V., Kruglova E.L.** Cultural Consumption as a Factor in the Formation of a Student's Social Status. 92
- Dorenko K.S.** Key Indicators of Social and Economic Development of the Russian Federation: Economic Progress vs Social Progress 97
- Makoveychuk A.V.** Principles of Construction and Prospects of Development of the Digital Public Administration System in Modern Russia 103
- Ilina Yu.I.** IT as Russian "Soft Power" in the Middle East 108
- Alekseev D.V., Kopylova P.S.** Social Media Communities "BKontakte" as a Source of Political Knowledge: Case "Political Science Library" 113
- Karmova M.R., Maksimova O.I.** Interethnic Negativism: Searching for of Exit Routes 122

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Kovrigin D.E.** Principles of Stability of Resources in the Conditions of Information Wars. 128
- Seidalin A. Zh.** Digital Tools of Socio-Economic Development of the Region 132
- Kurbanova K.M.** Transformation of the Political Elite of the Republic of Dagestan in 2017–2020 136
- Osinin A.D.** Adaptation of the National Economy to the Global Economic Crisis: the Banking Sector of the Russian Federation vs Coronavirus. 142
- Lukianenko K.T.** Volunteering as a Tool for Involvement in the System of State Youth Policy 147

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 10, № 3 (45), 2020

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректоры – **С.Ф. Михайлова,**

Е.В. Маурина

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Оформление подписки
в редакции

по тел.: **8 (499) 943-94-31,**
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 23.06.2020

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 18 усл. п. л.

Заказ № 304

Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreaders – **S.F. Mihaylova,**

E.V. Maurina

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 943-94-31**

e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 23.06.2020

Format 60 x 84 1/8.

Size 18 printer sheets.

Order № 304

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-6-14
УДК 32(045)

Образы политических лидеров в условиях современности сквозь призму классических концепций

К.Е. Петров

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-9136-2717>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются возможности соединения классического подхода к типологии политического лидерства и постюнгианских архетипических типологий, возникших в конце 80-х гг. XX в. и по настоящее время обращенных к вопросам практической эффективности построения востребованных обществом образов. Образы, избираемые политиками для коммуникации с аудиториями в современной сложной и противоречивой медиасреде, с одной стороны, рассматриваются как объект направленного конструирования, а с другой – как неизменно отвечающие текущим потребностям общества и реагирующие на общественный запрос. В конце статьи автор делает вывод о том, какие типажи политиков окажутся в ближайшее время преобладающими.

Ключевые слова: лидерство; типология лидерства; образ политиков; имидж политиков; психология лидерства

Для цитирования: Петров К.Е. Образы политических лидеров в условиях современности сквозь призму классических концепций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):6-14. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-6-14

ORIGINAL PAPER

Images of Political Leaders in Modern Conditions Through the Prism of Classical Concepts

K.E. Petrov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9136-2717>

ABSTRACT

The article considers the possibilities of combining the classical approach to the typology of political leadership and post-Jungian archetypal typologies that arose in the late '80s of the XX century and are still addressed to the issues of the practical effectiveness of building images in demand by society. The images chosen by politicians to communicate with audiences in today's complex and contradictory media environment are viewed as an object of directed construction, on the one hand, and the other – as invariably meeting the current needs of society and responding to public demand. At the end of the article, the author makes a conclusion about which types of politicians will soon prevail.

Keywords: leadership; classification of leadership; the image of politicians; the image of politicians; the psychology of leadership

For citation: Petrov K.E. Images of political leaders in modern conditions through the prism of classical concepts. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):6-14. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-6-14

Представляется поразительным, но после того, как величайший интеллект и скептик начала XX в. Макс Вебер предложил делить всех политических лидеров на три базовых типа в зависимости от особенностей формирования поддержки их статуса в общественных структурах [1], мало что изменилось в социогуманитарном понимании природы лидерства.

Столь долгое доминирование логики разделения харизмы, традиции и рациональности выглядит удивительно. Со времени возникновения теории идеальных типов М. Вебера фактически сменились целые коммуникационные эпохи: появились цифровые и массовые способы передачи информации сперва — радио, а затем — телевидение. С началом XXI в. наступила радикально новая эпоха прямой коммуникации, когда политики могут обращаться к своей аудитории фактически напрямую без посредников в лице профессионалов (журналистов и телевизионщиков), если того пожелают. С помощью социальных медиа и благодаря широкому распространению персональных устройств с доступом в интернет они вольны транслировать свой образ на максимально широкую аудиторию. Эта иллюзорно безбарьерная информационная среда таит в себе не только возможности, но и множество опасностей, порождая своеобразные информационные цунами, грозящие полным расстройством основной функции — собственно передачи информации [2].

Тем не менее классическая теория политического лидерства остается одним из бастионов, который без изменений приводится в качестве азбучной истины в том числе и в российских школьных учебниках по обществознанию. У взгляда М. Вебера есть прочные основания в этнологической сути социальных структур человеческих сообществ. Так, В. Сергеев, отечественный классик политической социологии, справедливо отмечал, что на протяжении человеческой истории внутри социальных иерархий были чаще всего востребованы два типа руководства: «традиционный лидер успешно действует в стабильной социальной среде, харизматик — в условиях кризиса» [3]. Поскольку современные государства к началу XV в. занимали не более 20% территории суши [4], представляется абсолютно логичным, что рациональный тип оправданий претензий

индивидов на общественное лидерство появляется лишь с развитием модерна и структур всесокрушающей современности [5], позднее развитие которого сам М. Вебер метафорически видел как «железную клетку» человечества.

Данная статья пытается соединить веберинский метод выделения чистых типов с современными практически ориентированными подходами к работе с востребованными образами политиков, претендующих на руководство обществом, на лидерство, в том числе через избрание на должности в ходе демократических выборов. Для этих целей я соединяю нарративы [6] трех типов: классический нарратив реалистической политической социологии, начатый М. Вебером, революционный нарратив Ф. Ницше о принципиальной аполлоническо-дионисийской дихотомии внутри культуры греческих полисов, которую мы как европейцы унаследовали [7], и, наконец, постюнгианские практические разработки американских психологов в области архетипических образов героев, политиков и брендов [8–10].

Если такое соединение окажется плодотворным, я могу рассчитывать на создание новой синтетической модели типов политического лидерства, которая позволит чуть более гибко описывать современные претензии на легитимную социальную власть — как с точки зрения практиков политического консультирования, так и с точки зрения теоретиков природы политического лидерства.

Следует оговориться, что в данном контексте я не буду непосредственно применять метод критической генеалогии, созданный Ф. Ницше, но лишь воспользуюсь некоторыми положениями относительно исторического дрейфа оснований человеческой рациональности, исходящими из него.

В основании идей двух наиболее значимых для данной статьи авторов, Джозефа Кэмпбелла и Кэрол Пирсон, лежит разработка или доработка идей Г. Юнга об архетипах [11]. В рамках этой традиции отдельный человек зачастую просто следует образцам из мифов и легенд, а сам миф — форма отражения реальности коллективным сознанием.

Многоликий, но всегда идущий по схожему жизненному пути архетипический герой антрополога и психолога Д. Кэмпбелла описывается как производное от многочисленных мифов, сказаний и религиозных основ

[8]. И везде герой должен завершить похожий жизненный цикл: во-первых, решиться покинуть обыденный мир, чтобы направиться в область удивительного и сверхъестественного, во-вторых, встретится с враждебными или потусторонними силами и одержать победу [8, с. 31]. В-третьих, герой совершает путешествие (неважно, по своей воле или по воле высших сил) в чужие и чуждые миры, чтобы обрести новые способности и вернуться к своему народу с новым знанием, принести благо своим соплеменникам.

Таким образом, можно проследить этапы символического пути героя: этап уединения или исхода, этап испытаний и побед и, наконец, самый сложный этап: возвращение и воссоединение с обществом. Наиболее ярко метаморфозы героя и одновременно его постоянство, на мой взгляд, описаны в сюжетах о странствованиях царя Итаки после Троянской войны [12]. Говоря более современным языком, герой — это мужчина или женщина, которым удалось преодолеть свои личные и исторические ограничения и прийти к универсальным, присущим всему человечеству формам.

Анализируя пути мифологических героев внутри обнаруженного цикла, Кэмпбелл не только обнаруживает кросскультурные параллели между цивилизациями в построении мифологических сюжетов (что составляет основное содержание его труда, делая его перекликающимся с изысканиями отечественного новатора в области исследования структуры волшебной сказки В. Проппа [13]), но также выделяет метаморфозы героя, которые мы могли бы принять за некоторые идеальные типы эманаций героических личностей (будь они смертные люди с особым даром, полубоги-полулюди или боги). В главе III части II своего труда Кэмпбелл выводит следующие архетипы: «божественное дитя», «воин», «любовник», «правитель/тиран», «спаситель», «святой» [8, с. 253].

Запомним эти шесть типов, я еще вернусь к ним позже. Пока же отмечу, что «герой-воин» неизменно попадает в архетипы. Редкий миф обходится без упоминания воинских подвигов и побед протагониста. Так, в мире русских сказок этот архетип традиционно остается за «драконоборцем». Отмечу, что между «героем-воином» и «правителем» на протяжении большей части истории человеческих сообществ

разницы не существовало. Как пишет В. Волков [14, с. 59]: «сугубо гражданский облик главы государства* — это новейшее явление. На протяжении всей истории лидер политического сообщества, за исключением большинства персон женского пола, всегда выступал в образе военного предводителя, при оружии, доспехах или в форме». Более того, продолжает Волков, успешное строительство политического сообщества определялось «инновациями, к которым прибегали лидеры» [14, с. 60]. Таким образом, даже реалистические и критические концепции строительства современных институтов не отрицают важность особых качеств лидера-воина.

Кэмпбелл намечает и важную проблему современности: попытки людей социализироваться через причастность к мифам о героях более не приносят плодов: «смысл существования людей сравнительно стабильных эпох [прошлого] заключался в общности с группой, с великими анонимными формами — а не в самовыражении индивида» [8, с. 307]. Представляется, это наблюдение и отмечает постепенное угасание востребованности архетипа «воина» как главы современного политического сообщества.

Более поздняя разработка идей Юнга об архетипах в практической плоскости психологии и работы с образцами для архетипического подражания привела к созданию Карол Пирсон (Carol Pearson) современной типологии образов героев, живущих внутри каждого из нас [15]. Автор выделила шесть ключевых архетипов, но с отличиями от классической работы Кэмпбелла в ряде деталей. Ниже представлена табл. 1, где показана разница подходов двух авторов.

Для удобства сопоставления я разделил представления архетипов на этапы. Так, Пирсон уделяет чуть больше внимания этапу становления героя (до путешествия во «внешний» мир), отдельно выделяя тип «сирота», в то время как Кэмпбелл соединял качества невинности, избранности и брошенности в «божественном ребенке». Из этапа испытаний в работе Пирсон исчезает архетип «герой-любовник», его заменяет «скиталец». Зато на конечном этапе пути героя — возвращении в мир своего общества — у Пирсон пропадает постоянно фигурирующий

* В данном случае под государством вслед за Волковым следует понимать доминирующую форму организованного людьми политического союза, которая в ходе вооруженной конкуренции к XX в. вытеснила все остальные формы политических союзов.

Таблица 1 / Table 1

Разница подходов К. Пирсон и Дж. Кэмпбелла к архетипам героев / Difference of approaches of K. Pearson and George Campbell to archetypes of heroes

Архетипы героев		Этапы пути
Дж. Кэмпбелл	К. Пирсон (1989 г.)*	
Божественное дитя	Ребенок	Становление
	Сирота	
Воин	Воин	Начало пути и испытания
Любовник	Странник/Скиталец	
Спаситель	Маг/Волшебник	Возвращение в обычный мир
Святой	Мученик	
Правитель/тиран	—	

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

* Оригинальные термины, использованные К. Пирсон: the innocent, the orphan, the martyr, the warrior, the wanderer, the magician.

у Кэмпбелла «тиран-правитель», выражающий один из исходов пути героя к лидерству. «Спаситель» у Пирсон переинтерпретирован как «маг» или «волшебник», но это замена несущественная, ведь спасение в описанных Кэмпбеллом мифах всегда происходит чудесным, иррациональным и необъяснимым образом.

Продолжая работать в русле практического описания образов и архетипов, К. Пирсон в соавторстве с известным маркетологом М. Марк создает расширенную и более утилитарную типологию [10], которая призвана помочь сориентироваться в образах не только людям, ищущим или потерявшим свой идеал, но даже брендам.

Обновленная концепция образов стала более подробной, но ее восприятие усложнилось, так как число архетипов возросло до двенадцати. Ниже, в табл. 2 для удобства читателя я привожу все 12 архетипов.

Для ориентации в их многообразии авторы добавили такой параметр, как цель или основа мироощущения — т.е. то, к чему сознательно или подсознательно стремится тот или иной тип

лидера. Всего таких «маяков» четыре, в табл. 3 я приведу их английские названия и предложу свой перевод на русский язык.

Беглый взгляд на эти построения легко позволяет увидеть в них некоторые веберианские мотивы. Так, нацеленный на свое эго лидер определенно является именно харизматиком, выстраивающим мир под собственные представления о добре и зле. Внутри типологических построений Марк и Пирсон эгоистическим лидерам соответствуют образы: «маг/волшебник», «бунтарь» и «воин». Однако другие архетипы внутри мироощущения, нацеленного на порядок и поиск утраченного рая, кажутся скорее смесью традиционных и рациональных апелляций (табл. 4), в то время как нацеленность лидера на установление социальных связей в архетипах «любовника», «шута» и «мещанина» вообще выпадает из классического веберианского подхода. Ниже я поясню, почему так происходит.

Чтобы понять, в чем сложность применения чистых типов Вебера к подобной современной классификации, нам пригодится критический

Таблица 2 / Table 2

Полный список архетипов по Марк и Пирсон / Complete list of archetypes according to Mark and Pearson**

Двенадцать архетипов	
Творец	Божественное дитя/сирота
Правитель	Мудрец
Святой	Искатель/странник
Мещанин	Бунтарь
Шут	Волшебник (Спаситель)
Любовник	Воин

*Жирным выделены архетипы, встречающиеся у автора «Тысячеликого героя» Д. Кэмпбелла.

** Адаптация перевода к русской культуре сделана автором данной статьи.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 3 / Table 3

Типология лидеров по основам мироощущения / Typology of leaders on the basics of worldview

Основы	Русский эквивалент	Оригинальное название
Основа мироощущения первого типа	Собственное ЭГО – лидер стремится оставить след в истории (в мире)	Ego – Leave a Mark on the World
Основа мироощущения второго типа	Порядок – лидер стремится создать устойчивые правила жизни	Order – Provide Structure to the World
Основа мироощущения третьего типа	Социальность – лидер стремится соединить себя с другими	Social – Connect to others
Основа мироощущения четвертого типа	Потерянный рай – лидер стремится удовлетворить свою тоску по раю	Freedom – Yearn for Paradise

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 4 / Table 4

Архетипы лидеров внутри основ мироощущения порядок и потерянный рай по Пирсон и Марк / Archetypes of leaders within the foundations of the worldview 'order' and 'Paradise lost' according to Pearson and Mark

Основа мироощущения лидера	Составляющие архетипы
Порядок	1. Творец 2. Правитель 3. Заботливый
Потерянный рай	1. Дитя, юродивый, безгрешный 2. Мудрец 3. Искатель

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

темпоральный метод Ф. Ницше. Ведь именно он одним из первых увидел, как изменчива рациональность в зависимости от контекста социальных отношений. Для разъяснения здесь могут помочь два типа рассуждений. Согласно первому, привычная нам рациональность родилась не так уж давно, вместе с современностью, поэтому мы сейчас воспринимаем как рационально-ориентированные те архетипы, где внутри целей стала возможна бюрократизация — в первую очередь речь идет о переинтерпретации целей лидерства, ориентированного на мироощущение порядка.

Более того, сложность описания архетипов, основанных на мироощущении свободы и поиска утерянного рая, в терминах рациональности и традиционности как раз и отражает поднятую Ницше дилемму. Ведь архетипы претендуют на то, чтобы быть вневременными ориентирами для человеческого поведения, тогда как основания рациональности меняются по мере развития человеческих сообществ. Возможно, перед нами — своеобразная смена полюсов. Бывший раньше вполне рациональным призыв к свободе и обретению рая через религиозное чувство, который мы находим уже в философии Платона, стал в условиях современности традиционным, тогда как ранее бывшее скорее традиционным желание структурировать жизнь людей стало в условиях современности рациональным мотивом, нацеленным на креативность, порядок или заботу. Эти традиционные стремления были бюрократизированы и максимально обезличены внутри властных механизмов национальных государств. Обычно, представляя свою типологию, американские авторы показывали ее разделенной на четыре сектора целей и мироощущений, где вверху находились ориентации на порядок и свободу (в смысле поиска утерянного рая), а внизу — на построение крепких связей внутри социума и эгоизм — желание вписать себя в историю человечества (см. рисунок).

Подобная типология лидеров делает крайне продуктивным применение самой главной ницшеанской дихотомии. На рисунке, где изображено адаптированное мной ядро разработанной ими типологии, можно отчетливо различить, что верхний полукруг отведен строгому и ориентированному на знания аполлоническому началу, а нижний — творческому и бунтующему дионисийскому началу, призванному соеди-

Рис./ Fig. Мироощущения, представленные как сектора / Worldviews represented as sectors

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

нять людей поверх социальных барьеров. Такой способ понимания, во-первых, приближает нас к веберовской классической модели лидерства, а, во-вторых, дает ответ на уже вероятно возникший вопрос по поводу лидеров, ориентированных на создание максимального числа личных связей, который, очевидно, является тут четвертым элементом и точно не подходит ни к традиционному, ни к харизматическому, ни к рациональному способу легитимации господства.

Этот особый тип лидерства встречается в слабо иерархизированных сообществах. Например, такой институт руководства чем-то напоминает структуры безгосударственных сообществ высокогорной Зомии, описанные Дж. Скоттом в его книге «Искусство быть неподвластным» [16]. Принципиальная нацеленность этих сообществ на ограничение самого появления протогосударственных институтов (в том числе наследственных иерархий и даже письменности), которая могла бы жестко зафиксировать социальный статус члена общины, выдвигала на первый план лидеров с высоким личным социальным капиталом. Полученный в личном качестве авторитет лидера невозможно было передать по наследству, он легко оспаривался соплеменниками в случае необходимости, а попытки его насильственного удержания заканчивались либо бунтом, либо переходом сообщества на другое место жи-

тельства, где лидера не было. В экспертных и научных изданиях конца XX — начала XXI в. такой тип лидерства называется «laiser-faire» или маркируется оксюмороном «лидерство избегания» (avoidance leadership). В частности, именно такой тип лидерства включен как базовый в так называемую FRLM-концепцию — Full Range of Leadership Model [17, 18] как наименее активный вид лидерства, позволяющий условным подчиненным делать то, что они сами считают нужным.

Я нашел внутри современной типологии архетипических образов все предложенные Вебером идеальные типы, а также дополнил классический веберовский подход недостающим элементом. Так называемое «лидерство избегания», несомненно, было частью культуры и управления в слабо дифференцированных сообществах. Оно передается через архетипы, выделенные Марк и Пирсон: «мещанин/обыватель», «шут» и «любownik».

Выводы

В свете рассмотренной выше типологии образов представляется, что в современной ситуации роль персональных качеств лидеров будет только возрастать. Что такое правящая в Германии правоцентристская ХДС/ХСС без Ангелы Меркель с ее ориентацией на контроль и заботу? Особая роль персональных качеств лидеров внутри политических систем также поддерживается рядом факторов, присущих современности. Во-первых, отметим фактический распад стройных партийных систем, деливших западные общества по оси «правый-левый» и потерю системообразующими партиями стран индустриальной демократии значительной части своих традиционных избирателей [19, 20], во-вторых — значимый рост антиэлитных настроений [21]. В-третьих — глубокую трансформацию средств массовой коммуникации, требующую от политиков невиданного ранее уровня открытости или умелой игры в нее в рамках «новой искренности».

Представляется, что в ближайшее время преобладающими успешными типажам окажутся дионисийские архетипы, способные или к харизматическому управлению доверием своих сторонников (уверенная и бескомпромиссная ориентация на собственное эго) на основе ранее полученной широкой известности (медийность), или — к выражению про-

стой человеческой близости к обычным людям (ориентация на создание социальных связей). Иногда можно видеть смешанный тип реакции лидеров на кризис, связанный с распространением коронавирусной инфекции. Например, премьер-министр Бельгии Софи Вильмес в своей речи от 5 апреля 2020 г. подчеркивала, что бельгийцам необходимо оставаться сильными и быть вместе. Отдельно она сказала про то, что необходимо демонстрировать солидарность в трудные времена. Однако сами меры по выходу из карантина все же пошли через директивные решения правительства под руководством Вильмес и были приняты в рамках расширенных заседаний Совета Национальной Безопасности Бельгии. Таким образом, политик сочетала ориентации на расширение человеческого диалога и на управленческие решения, основанные на харизматическом лидерстве.

И те и другие типы могут быть описаны как эмоциональные и демонстрирующие близость к чаяниям обычных людей. Кроме того, «дионисийцы» обещают скорые и безболезненные прорывы и чудеса, чего трудно ожидать от аполлонических лидеров, ориентированных на традицию и рациональность. И за последние годы мы действительно увидели несколько ярких взлетов на вершины политического Олимпа именно таких лидеров. Эффективность использования архетипа «волшебника» (спасителя) показал лидер, по сути, виртуального французского движения «Вперед, в путь!» Э. Макрон, который за год не только лично переиграл лидеров системных и антисистемных партий, но и сформировал в парламенте устойчивое большинство в свою поддержку. Этим же путем прошел и новый лидер Украины В. Зеленский, который разгромил всех конкурентов на президентских и парламентских выборах 2019 г., используя эмотивные образы «шута» и «простого парня-мещанина», а также накопившееся раздражение старыми элитами. Образы «эгоистичного бунтаря» были прекрасно использованы Д. Трампом в США и Б. Джонсоном в Великобритании не только для электорального успеха, но первоначально — для навязывания своих правил игры и своего политического языка партийным элитам. Впрочем, заметим, что мотивы апелляции к потерянному раю в их коммуникации также встречаются, что не позволяет отнести их к одному чистому типу: попытки их противников

представить этих политиков как полностью иррациональных (и даже ненормальных) не увенчались успехом.

Сообщество экспертов и ученых пока только на пороге объяснения данных электоральных феноменов. Я бы отметил, что влияние на голосование за дионисийские архетипы оказывает и само направление развития человеческих сообществ. Ведь сейчас потребность в устойчивых и безопасных общественных структурах во многом удовлетворена: рамок, ограничивающих и защищающих обычного че-

ловека, стало даже чересчур много. Дионисийцы не предлагают ничего кардинально нового в этом отношении, они лишь умело переводят фокус внимания на наиболее раздражающие механизмы, предлагая то усилить, то ослабить некоторые из них. Вера в возможность вернуться в потерянный рай сохраняется, но странным образом мало кто хочет идти путем духовного поиска, аскезы и самоограничений, зато многие хотят простых и волшебных рецептов, на которые так щедр востребованные сейчас архетипы героев от политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: Рипол Классик; 2018.
2. Стулова Е. Четыре всадника информационного апокалипсиса. Краткое пособие по управлению репутацией политика в условиях новой информационной реальности. Екатеринбург: Лазурь; 2020.
3. Сергеев В. М. Демократия как переговорный процесс / Моск. Обществ. Науч. Фонд. М.; 1999.
4. Jared Diamond. "Guns, germs, and steel: the fates of human societies." NY: W. W. Norton; 1999.
5. Anthony Giddens. The Consequences of Modernity. Stanford University Press, 1990.
6. Жан-Франсуа Лиотар. Состояние постмодерна (1979). СПб.: Алетейя; 1998.
7. Фридрих Ницше: Рождение трагедии, Или: эллинизм и пессимизм. М.: Издательство «Академический проект»; 2007.
8. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой = The Hero with thousand faces, СПб.: Питер; 2018.
9. Pearson, Carol S. The Hero Within: Six Archetypes We Live By (expanded edition). Harper San Francisco, New York, New York, U.S.A.; 1989.
10. Pearson C., Mark M. The hero and the outlaw: Building extraordinary brands through the power of archetypes. New York: McGraw-Hill; 2001.
11. Карл Юнг: Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ; 2019.
12. Гомер. Одиссея. СПб.: Лениздат; 2014.
13. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ; 1986.
14. Волков В. Государство или Цена порядка. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2018.
15. White L. M. The Hero Within; Six Archetypes We Live By. Art Therapy, 1989;6(1):33–34.
16. Scott James C. The art of not being governed: An anarchist history of upland Southeast Asia. Nus Press; 2010.
17. Sosik John J. Full range leadership: Model, research, extensions and training. In Inspiring leaders, pp. 49–82. Routledge; 2006.
18. Avolio Bruce J. Full leadership development: Building the vital forces in organizations. Sage; 1999.
19. Сергеев В. М., Казанцев А. А., Петров К. Е. Политика «мейнстрима» и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике?» *Политические исследования*. 2017;(3):8–29.
20. Fukuyama F. The Future of History: Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? *Foreign Affairs*. 2012;91(1):53–61.
21. Сергеев В. М., Казанцев А. А., Петров К. Е., Медведева С. М. Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: причины и характеристики. *Политические исследования*. 2018;(2):130–149.

REFERENCES

1. Weber M. Politics as a vocation and profession. Moscow: Ripoll Classic; 2018. (In Russ.).
2. Stulova E. Four horse riders of the information Apocalypse. A brief guide to managing the reputation of a politician in the new information reality. Yekaterinburg: Lazur; 2020. (In Russ.).

3. Sergeev V.M. Democracy as a negotiation process. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation; 1999. (In Russ.).
4. Jared Diamond. "Guns, germs, and steel: the fates of human societies." NY: W.W. Norton; 1999.
5. Anthony Giddens. The Consequences of Modernity. Stanford University Press, 1990.
6. Jean-Francois Lyotard. The state of postmodernity (1979). Saint Petersburg: Aleteia; 1998. (In Russ.).
7. Nietzsche Friedrich. The Birth of tragedy, Or: Hellenism and pessimism. Moscow: Publishing House "Academic project"; 2007. (In Russ.).
8. Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Saint Petersburg: Piter; 2018. (In Russ.).
9. Pearson Carol S. The Hero Within. Six Archetypes We Live By. Expanded edition. San Francisco, New York: Harper; 1989.
10. Pearson C., Mark M. The hero and the outlaw: Building extraordinary brands through the power of archetypes. New York: McGraw-Hill; 2001.
11. Jung Karl: Archetypes and the collective unconscious. Moscow: AST; 2019. (In Russ.).
12. Homer. Odyssey. Saint Petersburg: Lenizdat; 2014. (In Russ.).
13. Propp V. Historical roots of the fairy tale. Leningrad: Publishing House Leningrad State University; 1986. (In Russ.).
14. Volkov V. State or price of the order. Saint Petersburg: European University Press in Saint Petersburg; 2018. (In Russ.).
15. White L.M. The Hero Within. Six Archetypes We Live By. *Art Therapy*, 1989;6(1):33–34.
16. Scott James C. The art of not being governed: An anarchist history of upland Southeast Asia. Nus Press; 2010.
17. Sosik John J. Full range leadership: Model, research, extensions and training In: Inspiring leaders, pp. 49–82. Routledge; 2006.
18. Avolio Bruce J. Full leadership development. Building the vital forces in organizations. Sage; 1999.
19. Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Petrov K.E. "Mainstream" politics and its alternatives in the modern Western world: on the way from the global economic crisis to "impossible politics?" *Polis*. 2017;(3):8–29. (In Russ.).
20. Fukuyama F. The Future of History: Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? *Foreign Affairs*. 2012;91(1):53–61.
21. Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Petrov K.E., Medvedeva S.M. the Crisis of the party-political system in the USA and EU countries: causes and characteristics. *Polis*. 2018;(2):130–149. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирилл Евгеньевич Петров — кандидат политических наук, доцент ДПиМК, Финансовый университет; старший научный сотрудник ИМИ МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия
orkir@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kirill E. Petrov — Cand. Sci. (Political sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University; Senior Researcher, IMI MGIMO (University) of MFA, Moscow, Russia
orkir@mail.ru

Статья поступила 20.04.2020; принята к публикации 10.05.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.04.2020; accepted for publication on 10.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-15-19
УДК 32.019.52(045)

«Неведомая земля»: образ Африки в сознании современных россиян

Т.В. Евгеньева

Финансовый университет; Институт Африки РАН; Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4711-5476>

АННОТАЦИЯ

В течение нескольких последних лет многовекторный характер российской политики, заявленный в качестве альтернативы однополярному миру, приобретает более конкретное измерение. В политическом дискурсе актуализируются образы «забытых» в 90-е гг. союзников и друзей. Однако эти страны и связанные с ними события нашли очень слабое отражение в сознании рядовых российских граждан. В определенной степени эту ситуацию можно объяснить отсутствием сколько-нибудь системной информации об этом регионе в российских средствах массовой информации. В связи с этим более подробное исследование образа Африки в целом и отдельных стран представляется актуальным как с теоретической, так и с прикладной, политической, точки зрения, так как сегодня возникает необходимость обеспечить задачу расширения пространства взаимодействия России со странами Африки адекватной информационной политикой. В таком контексте целью исследования стало выявление и анализ основных факторов формирования и специфики символической репрезентации образа Африки и отдельных африканских стран, их места в мировой политике и во взаимоотношениях с Россией в сознании российских граждан. Теоретической базой исследования стал политико-психологический подход к изучению политических представлений граждан, который предполагает обращение не только к рациональным, но и к неосознаваемым аспектам процесса восприятия. Этот подход потребовал использования качественных политико-психологических методов, дающих возможность выявить не до конца осознаваемые респондентом образы и ассоциации.

Ключевые слова: образ Африки; политическое восприятие; образы государств; ассоциативные методы; проективные тесты; коммуникативный фактор

Для цитирования: Евгеньева Т.В. «Неведомая земля»: образ Африки в сознании современных россиян. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):15-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-15-19

ORIGINAL PAPER

“The Unknown Land”: the Image of Africa in the Minds of Modern Russians

T.V. Evgenyeva

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences; Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4711-5476>

ABSTRACT

Over the past few years, the multi-vector nature of Russian politics, declared as an alternative to a unipolar world, has taken on a more specific dimension. In the political discourse, the images of allies and friends “forgotten” in the 90s are actualized. However, these countries and related events are very weakly reflected in the minds of ordinary Russian citizens. To a certain extent, this situation can be explained by the lack of any systematic information about this region in the Russian media. In this regard, a more detailed study of the image of Africa as a whole and individual countries seems relevant both from a theoretical and an applied political point of view. It is so since today; there is a need to provide the task of expanding the space of interaction between Russia and these countries with adequate information policy. In this context, the study aimed to identify and analyze the main factors of formation and the specifics of the figurative and symbolic representation of the image of Africa and individual African countries, their place in world politics as a whole and relations with Russia in the minds of Russian citizens. The theoretical basis of the study was the political and psychological approach to the study of political ideas of citizens, developed at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. This approach involves not only rational but also unconscious aspects of the perception process. This approach requires the use of a combination of qualitative political and psychological methods that make it possible to identify images and associations that are not fully understood by the respondent.

Keywords: image of Africa; political perception; images of states; associative methods; projective tests; communicative factor

For citation: Evgenyeva T.V. “The Unknown Land”: The image of Africa in the minds of modern Russians. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):15-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-15-19

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Теоретической базой исследования стал политико-психологический подход к изучению политических представлений граждан, разработанный на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством профессора Е.Б. Шестопаля [1]. Политико-психологическая модель анализа процесса политического восприятия может успешно применяться к изучению как образов отдельных политических акторов, так и более сложных объектов, таких как государства и их объединения [2]. Отдельное направление исследований представляет изучение символов, служащих инструментом репрезентации политических образов (в том числе, образов стран) в индивидуальном и массовом сознании граждан [3].

При анализе международных аспектов восприятия стран были использованы подходы, предложенные как современными российскими исследователями [4, 5], так и западными авторами [6, 7].

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
И МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Спецификой политико-психологического подхода к исследованию восприятия стран и регионов является учет не столько объективных оснований формирования образов (геополитические закономерности взаимоотношений между странами, их историко-культурные особенности), сколько субъективных факторов — индивидуального и коллективного опыта взаимодействия с объектом, совокупности символов и стереотипов массового сознания.

Предложенный подход предполагает обращение не только к рациональным, но и к неосознаваемым аспектам процесса восприятия.

Этот подход требует использования совокупности качественных политико-психологических методов, дающих возможность выявить не до конца осознаваемые респондентом образы и ассоциации, определяющие процесс восприятия, таких как:

- Метод формализованного интервью. Объем выборочной совокупности — 100 респондентов в Москве и Московской области. Столичный регион был выбран потому, что его жители имеют доступ к большому и более разнообразному количеству источников информации, и, по статистике, совершают больше путешествий за рубеж.

- Проективные методики (рисунок Африки), которые направлены на выявление неосознаваемых характеристик образов.

**АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ
Анализ фокусированных интервью**

Данные, полученные по результатам фокусированных интервью, в которых респондент отвечал на конкретные вопросы об Африке, можно разделить на три основных блока: вопросы, ориентированные на наличие у респондента некоторой содержательной информации об Африке в целом или отдельных странах; открытые вопросы, связанные с ассоциативными характеристиками этих объектов, и открытые вопросы, предлагающие дать некоторые оценочные характеристики объектов.

Отвечая на вопрос об известных им странах Африки, большинство респондентов в основном называют 3–8 повторяющихся стран. На первом месте — Египет и близкие к нему страны Северной Африки, ассоциирующиеся с туристическими направлениями. С туризмом ассоциируются также Сейшелы, Кения, Танзания и частично ЮАР.

Некоторые молодые респонденты отнесли к африканским такие страны как ОАЭ и Йемен, очевидно, по факту территориальной близости.

На просьбу привести какие-либо факты о названных странах были получены два типа ответов. Представители большей группы предлагали вместо фактов различные ассоциативные образы и символы (жара, бананы, обезьяны, бедность), либо очень общие сведения из сферы географии, экономики или политики, часто вне связи с какими-то конкретными странами (река Нил, пирамиды, пустыня, нефть, алмазы, вооруженные конфликты). Лишь у 5% респондентов в ответах появляется информация о фактах или событиях в конкретных странах (смена руководства Ливии, арабская весна, чемпионат мира по футболу в ЮАР, геноцид в Руанде, режим апартеида в ЮАР).

В перечне известных исторических личностей в половине ответов присутствует южноафриканский политический деятель Нельсон Мандела, что можно соотнести с большим количеством информации о нем в СМИ. Можно увидеть и некоторые поколенческие различия. Представители старшего поколения вспоминают Патриса Лумумбу, Гамалю Абдель Насера, Кофи Аннана, а также активистку движения «Черные пантеры» в США Анджелу Дэвис, по-видимому, по ассоциации с ее цветом кожи и борьбой за права афроамериканцев. Среди молодежи достаточно распространены персонажи, взятые из школьного учебника истории Древнего Египта за отсутствием каких-либо представлений о более

современной истории Африки. Любители спорта называют имена африканских спортсменов.

В ответах на вопрос о современных политических лидерах стран Африки респонденты часто отказываются отвечать или повторяют имена, присутствовавшие в коммуникативном пространстве (Нельсон Мандела, Кофи Аннан, Хосни Мубарак, Муамар Каддафи). О действующих современных африканских политиках большинству просто негде получить информацию.

Интересно отметить заметные различия в ответах на открытые и закрытые вопросы интервью. Несмотря на скудность информации, респонденты уверенно отвечают на вопрос о том, что, по их мнению, является сильными и слабыми сторонами стран Африки. Среди сильных сторон они выделяют природные ресурсы, историю и культуру (69, 61 и 56%). Что касается ответов на уточняющие вопросы, то, если примеры каких-либо природных ресурсов появляются (как правило, это нефть и алмазы), значимые факты из истории или культуры этих стран респонденты назвать затрудняются. Слабыми сторонами стран Африки они называют экономику и финансы, образование и науку (67 и 59%), но привести какие-либо примеры не готовы.

То есть когнитивная составляющая образа Африки в сознании большинства респондентов является бедной, содержащей плохо связанные между собой нечеткие образы.

Большинство (2/3) в ответ на вопрос «Что слово «Африка» означает для вас?» определяют ее в качестве материка или континента. Оставшаяся треть называет несколько ассоциативных природно-климатических символов (жара, море, бананы, пальмы, бегемоты) и совсем немногие (около 5%) обращают внимание на социально-экономические характеристики (нищета, голод, отсталость, рабство, война). Общее представление об Африке основывается не на содержательных элементах образа, а на ассоциативных связях со случайно полученной информацией. Интересный ответ, отражающий специфику образа, принадлежит респонденту среднего возраста, никогда африканские страны не посещавшему: «Очень далекое и странное место».

Символическое пространство образа Африки также оказалось достаточно бедным. Образы, фигурирующие в ответах респондентов, можно разделить на три группы:

- В первую, наиболее многочисленную, вошли уже встречавшиеся в ответе на первый вопрос интервью образы природы, растительного и животного мира.

- Вторая, небольшая группа, назвала культурно-туристические достопримечательности.

- Третья, тоже небольшая — экономическое положение (бедность) и природные ресурсы (нефть).

Отдельные респонденты снова называли известных личностей (Нельсон Мандела, спортсмены), значимые исторические события (деколонизация Африки, геноцид в Руанде).

Хотелось бы отметить, что в перечне символов практически не присутствует население стран Африки. Получается, что в восприятии большинства Африка предстает скорее территорией с набором природных и исторических достопримечательностей, чем совокупностью стран, в которых живут граждане.

Особенно это заметно в ответах на вопрос «Кто такие для Вас африканцы?» Ответы колеблются между «обычные люди, живущие в другой части света» или «бедные, необразованные люди» до «люди со «странными» обычаями и традициями». Эти определения свидетельствуют об отсутствии у респондентов какого-либо образа жителей Африки.

5% респондентов обладают определенными знаниями о политической ситуации в отдельных африканских государствах и на основании этого оценивают систему власти.

Большинство ответов воспроизводят стереотипы, транслируемые средствами массовой информации («слышала, что там много диктаторов», «что-то типа монархии»).

Наибольшие трудности вызвали у респондентов вопросы, когда нужно было высказать свое мнение по поводу настоящего и будущего Африки.

Половина респондентов в принципе не смогли ответить на вопрос о будущем континента в целом. Ответившие же предлагали три возможных варианта: «ничего не изменится» или «не представляю» (около 1/4); оптимистичный вариант с надеждой на природные ресурсы или развитие туризма (1/4 ответов); скорее, ухудшение экономической ситуации (1/2).

Второй трудный вопрос — о значимости отношений с Африкой для России. В своих ответах о месте Африки по отношению к России большинство выбирало позицию друга или партнера (80%). Однако лишь 5% смогли обосновать свой ответ («развитие экономических отношений», в том числе с упоминанием членства ЮАР в объединении БРИКС).

Таким образом, на основании анализа ответов на вопросы фокусированного интервью, можно сделать вывод о том, что образ Африки в сознании респондентов когнитивно бедный.

В ответах на содержательные вопросы значительная часть респондентов предлагает ассоциативные образы и символы, не представляющие каких-либо рациональных знаний о странах. Лишь у 5% ответы основаны на знании конкретных фактов, связанных со странами Африки, или событий, происходящих в них.

Анализ проективных тестов

Метод проективных тестов позволил выявить неосознаваемые или слабо осознаваемые респондентами установки относительно образа Африки.

Полученные рисунки можно разделить на пять различных по количеству групп. Самый большой объем (27, 38, 22%) составили три из них: географическая карта, образы природы (пустыня, животные, растения) или природа и пирамиды.

Для значительной части молодых и среднего возраста респондентов Африка — это, прежде всего, Египет. Всей остальной Африки в их системе представлений просто не существует, а страны, которые появлялись в ответах на вопросы, не вызывают никаких визуальных ассоциаций.

Все изображения природы похожи. На фоне пальм — животные из стандартного набора: жирафы, слоны, обезьяны, крокодилы. То есть более 1/3 представляет Африку в качестве исключительно природного пространства, населенного дикими животными. Иногда на рисунках появляются люди (8%). Это либо схематичные «мультишные» персонажи, либо стереотипизированные «дикари», знакомые по детской литературе и фильмам.

Всего на трех рисунках респонденты постарались изобразить портрет африканца, и только на одном он изображен на фоне современного городского здания. Еще на двух рисунках появляются автомобили, и это единственные образы, связанные с современной городской цивилизацией.

Похожий результат получается при анализе изображения Африки в виде географической карты. Респонденты из этой группы воспринимают Африку в качестве известной и привычной картинке. Лишь на двух картах появляются рисунок условных границ. То есть два человека из опрошенных на неосознаваемом уровне помнят, что Африка — это не просто единое природное пространство, но и существующие на ее территории государства.

Наконец, есть 5% рисунков, в которых респонденты символически изобразили отдельные экономические характеристики стран Африки или присутствующие в них социальные и экономические проблемы.

То есть и на рациональном, и на неосознаваемом уровне образ Африки у абсолютного большинства респондентов (95%) — это большое природное пространство без государственных институтов, городов, добываемых природных ресурсов, промышленности, сельского хозяйства, на котором растут пальмы, живут стереотипизированные дикие животные и стереотипизированные «дикие» люди.

Выводы

По объяснениям респондентов можно понять, что они не проявляют интереса к Африке, прежде всего, в связи с тем, что не видят места этого континента и расположенных на нем стран в жизни своей страны или в своей собственной.

В этом контексте респонденты (за исключением 5%, о которых говорилось в анализе) не готовы интересоваться историей, политикой или культурой этих стран, а в своих ответах презентуют совокупность коммуникативных стереотипов, доминирующих в коммуникативном дискурсе.

Ответы респондентов подтверждают гипотезу о значимой роли коммуникативного фактора в формировании образа Африки. Они отмечают, что в последние годы в СМИ почти не попадалось интересной информации об африканских странах, кроме информации природно-географического характера в специализированных изданиях или на телевизионных каналах. Эта специфика коммуникативного пространства лучше всего отражена в рисунках.

У многих граждан формируется представление о странах Африки, как о туристическом пространстве. Отсюда и основные ассоциации с Африкой: природа, экзотические животные, море, песок, солнце и туристические достопримечательности.

Если оценивать полученные результаты в контексте современных российских геополитических стратегий, нацеленных на расширение международного сотрудничества, выявленные когнитивно и символически бедные представления граждан об африканских государствах могут стать серьезным препятствием для понимания ими смысла принимаемых политических или экономических решений в отношении этого региона.

С учетом повышения значимости коммуникативного фактора в формировании политических представлений следует подчеркнуть необходимость серьезного внимания к информационной политике государства, направленной на формирование адекватных образов стран Африки в сознании российских граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Психология политического восприятия в современной России. Е.Б. Шестопа́л, ред. М.: РОССПЭН; 2012. 432 с.
2. Шестопа́л Е.Б., Смутькина Н.В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе. *Полис. Политические исследования*. 2018;(1):26–44.
3. Евгеньева Т.В., Усманова З.Р. «Свои» и «чужие»: образы зарубежных государств в контексте восприятия России ее гражданами. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2018;(2):57–75.
4. Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: опыт применения методов «критической геополитики». «Критическое» направление в геополитике: стала ли, наконец, геополитика наукой? СПб.: Изд-во «ВВМ»; 2011.
5. Киселёв И.Ю., Смирнова А.Г. Особенности восприятия населением результатов внешней политики. *Вестник Института социологии*. 2016;(19):136–154.
6. Feldman S. Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes. *Oxford Handbook of Political Psychology*; 2003.
7. Noll van der J., Dekker H. A comparative analysis of Chinese urban citizens' attitudes towards the EU, the United States, Russia and Japan. *International Relations*. 2016;30(4):456–472.

REFERENCES

1. The psychology of political perception in modern Russia. E.B. Shestopal, ed. Moscow: ROSSPEN; 2012. (In Russ.).
2. Shestopal E.B., Smulkina N.V. Factors of perception of post-Soviet countries in modern society. *Polis*. 2018;1:26–44. (In Russ.).
3. Evgenieva T.V., Usmanova Z.R. “Own” and “alien”: images of foreign states in the context of the perception of Russia by its citizens. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2018;(2):57–75. (In Russ.).
4. Kolosov V.A., Zotova M.V. Geopolitical vision of the world by Russian citizens: the experience of applying the methods of “critical geopolitics”. The “critical” direction in geopolitics: has geopolitics finally become a science? In: *Geographical space of Russia: image and modernization*. St. Petersburg: VVM Publishing House. 2011;92–114. (In Russ.).
5. Kiselev I. Yu., Smirnova A. G. Features of public perception of the results of foreign policy. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2016;(19):136–154. (In Russ.).
6. Feldman S. Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes. In: *Oxford Handbook of Political Psychology*; 2003:477–508.
7. Noll van der J., Dekker H. A comparative analysis of Chinese urban citizens' attitudes towards the EU, the United States, Russia and Japan. *International Relations*. 2016;30(4):456–472.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Васильевна Евгеньева — кандидат исторических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет; старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, Москва, Россия
etv133@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Evgenyeva — Cand. Sci. (History), Professor, Political Science and Communication Department, Financial University; Senior researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
etv133@mail.ru

Статья поступила 15.03.2020; принята к публикации 05.04.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.03.2020; accepted for publication on 05.04.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-20-24
УДК 323(045)

Образы советского прошлого как ресурс формирования национально-государственной идентичности россиян

В.В. Титов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

АННОТАЦИЯ

В рамках представленного исследования анализируется вопрос о роли образов советского прошлого в формировании национально-государственной идентичности россиян. Целью исследования является выявление проблем и оценка перспектив трансформации национально-государственной идентичности граждан РФ путем формирования образа прошлого как основного элемента коллективной социальной памяти. Методологическая база исследования сочетает в себе элементы дескриптивного политико-культурного анализа и систематизации опубликованных данных социологических изысканий. Автор приходит к выводу о том, что попытки разрушения героической составляющей советского символического наследия и замещения его нарративом, связанным с дореволюционным периодом, приводят к размыванию ценностно-символических оснований ингруппового фаворитизма в российском обществе, что вызывает сопротивление со стороны широкого круга носителей советской и российской идентичности. В свете этого наиболее разумным вариантом использования образов прошлого для укрепления национально-государственной идентичности россиян представляется синтез символического наследия советской и дореволюционной эпох на базе признания универсальных ценностей и исторической преемственности в развитии российского государства.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность; образ прошлого; исторический миф; легитимация; исторический нарратив; проблемы; перспективы

Для цитирования: Титов В.В. Образы советского прошлого как ресурс формирования национально-государственной идентичности россиян. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):20-24. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-20-24

ORIGINAL PAPER

Images of the Soviet Past as a Resource for the Formation of National-state Identity of Russians

V.V. Titov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

ABSTRACT

In the framework of the presented study, the author analyses the question of the role of images of the Soviet past in the formation of the national-state identity of Russians. The purpose of the study is to identify problems and perspectives for the transformation of the national-state identity of citizens of the Russian Federation by forming the image of the past as the main element of collective social memory. The methodological base of the research combines the features of descriptive political-cultural analysis and systematization of published big data of sociological surveys. The author concluded that attempts to destroy the heroic component of the Soviet symbolic heritage and replace it with a narrative associated with the pre-revolutionary period lead to the erosion of the value-symbolic foundations of group favouritism in Russian society, which causes resistance from carriers of Soviet and Russian identity. The synthesis of the symbolic heritage of the Soviet and pre-revolutionary eras based on the recognition of universal values, and historical

continuity in the development of the Russian state seems to be the most reasonable option for using images of the past to strengthen the national-state identity of Russians.

Keywords: national-state identity; the image of the past; historic myth; legitimation; historical narrative; problems; perspectives

For citation: Titov V.V. Images of the Soviet past as a resource for the formation of national-state identity of Russians. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):20-24. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-20-24

ВВЕДЕНИЕ

Формирование национально-государственной идентичности российских граждан традиционно относится к одной из тем, наиболее активно обсуждаемых в отечественном экспертном сообществе. На протяжении последних десятилетий гражданская модель российской идентичности продолжает конкурировать с элементами советской, «имперской» системы самоопределения, этническими и конфессиональными вариациями самоидентификации. На практике это выражается в периодически возникающих конфликтах межэтнического и межконфессионального характера, сохранении высокой степени политической поляризации общества, четко выраженной в массовой культуре ностальгии по «имперскому» периоду прошлого (не важно, идет ли речь о дореволюционной эпохе или периоде существования СССР). В относительно краткий период после присоединения Крыма к России мы наблюдали сглаживание соответствующих противоречий, однако продолжительное падение уровня жизни граждан и проведение ряда непопулярных реформ способствовало созданию условий, благоприятных для воспроизводства кризисных явлений в сфере формирования национально-государственной идентичности.

Целью представленного исследования является оценка проблем и перспектив трансформации национально-государственной идентичности россиян посредством формирования образа прошлого в рамках социальной памяти.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Первые научные представления о роли образа коллективного прошлого в процессе формирования идентичности были сформулированы в рамках объяснительной модели, разработанной Э. Дюркгеймом. Он приписывал макросоциальным группам наличие коллективного сознания, выступающего в роли фактора, регулирующего поведение членов сообщества.

Формой выражения коллективного сознания, согласно концепции Э. Дюркгейма, служат общие для макросоциальной группы системы представлений — нормы морали, мифология, различные верования и т.д. Они выполняют функцию обеспечения стабильности общества, способствуя выработке у членов корпорации чувства солидарности. К формам проявления коллективного сознания французский социолог относил также представление о преемственности поколений, формирование которого предполагает выработку общей системы взглядов на прошлое. При этом, как подчеркивал Э. Дюркгейм, речь не идет о достоверной реконструкции событий. Напротив, исторический нарратив выстраивается в соответствии с принципом «мемориального конформизма»: представители сообщества должны придерживаться единой системы взглядов относительно событий прошлого, вне зависимости от того, насколько ее содержание соответствует историческим фактам [1].

Впоследствии идеи Э. Дюркгейма нашли развитие в научном творчестве М. Хальбвакса. Он пришел к выводу, что символическая основа коллективного образа прошлого является одним из ключевых элементов процесса воспроизводства модели мировосприятия и системы поведенческих норм макросоциальных групп, поскольку сакрализованный мемориальный нарратив выступает в качестве основания их легитимизации. Одновременно общий образ прошлого позволяет усилить интегративный потенциал корпорации, в том числе — за счет эмоциональной составляющей образов «значимых других» [2].

Существенную роль системы коллективных представлений о прошлом в рамках формирования макросоциальной идентичности отмечал и Я. Ассман. Внутри социальной памяти исследователь выделял культурный компонент, включающий в себя комплекс представлений ценностно-мифологического характера [3].

(Под мифом в данном случае понимается упрощенная и лишенная внутренних противоречий система представлений о каком-либо объекте, доступная для понимания максимально широкой аудитории) [4].

Концепции, разработанные теоретиками, убедительно подтверждает политическая практика последних десятилетий. Однако она также указывает на иные закономерности. Манипуляции с историческим нарративом позволяют уничтожать одни модели национально-государственной идентичности и формировать другие. Помимо этого, изменение социальной структуры, выход на авансцену политики новых поколений влечет за собой снижение эффективности устоявшихся коммеморативных практик и появление альтернативных моделей интерпретации коллективного прошлого.

Так, в постсоветских государствах и в бывших странах соцлагеря смена модели национально-государственной идентичности сопровождалась ревизией доминирующего варианта исторического нарратива. Примером в данном случае может служить героизация «проклятых солдат» Армии Крайовой в Польше и ОУН-УПА на Украине.

Достаточно интересен и опыт СССР 1960-х — 1970-х гг. Рост благосостояния советских граждан в этот период способствовал «революции потребительских запросов», возникновению массового среднего класса и «этнической» интеллигенции (для которой был характерен высокий уровень национализма). Результатом этого стала трансформация системы ценностей и повседневных социокультурных интересов значительной части граждан СССР, в силу чего историческая мифология советского государства начала стремительно терять свою эффективность [5–7].

Образы советского прошлого активно используются политическими акторами современной России для формирования национально-государственной идентичности россиян. Наиболее ярко это отображается на примере позиционирования в публичном пространстве событий Великой Отечественной войны, революции 1917 г., Гражданской войны, коллективизации и «большого террора» 1930-х гг.

События Великой Отечественной войны в исторической ретроспективе отдалены от современного момента на глубину, не пре-

вышающую границ действия «естественной» коллективной памяти, воспроизводимой современниками или, в форме пересказа, их детьми. Это обеспечивает высокий уровень эмпатии по отношению к «поколению победителей» — членам семьи, с которыми значительная часть россиян имела возможность общаться лично. Как следствие, возрастает степень значимости соответствующих событий с точки зрения эмоционального восприятия [8]. Помимо этого, история Великой Отечественной войны включает в себя одновременно компоненты коллективной трагедии и общего триумфа. Осознание значимости вклада СССР в разгром нацистской Германии не только подтверждает статус постсоветской России как исторического наследника Советского Союза, но и служит одним из парадигмальных элементов системы представлений о наличии у России особой моральной и геополитической роли в современном мире [9].

Вместе с тем, нередко задачи, формируемые политической конъюнктурой, вступают в противоречие со стратегическими целями конструирования российской национально-государственной идентичности. Наиболее наглядно это проявляется на примере восприятия широкими массами фигуры И. В. Сталина. В рамках официального исторического нарратива последний позиционируется преимущественно негативно. Однако в ходе опроса ВЦИОМ, проведенного в июле 2017 г., 62% респондентов высказались в поддержку идеи размещения мемориальных объектов, содержащих упоминания о достижениях И. В. Сталина. Особо следует отметить, что наибольшую поддержку эта идея нашла среди представителей молодежи в возрасте 18–24 лет: соответствующий вариант выбрали 77% респондентов, относящихся к данной возрастной группе. Одновременно 65% опрошенных негативно оценили идею установки памятных знаков, сообщающих о неудачах или «преступлениях» И. В. Сталина*.

Согласно нашей гипотезе, достаточно высокий уровень позитива в адрес ряда деятелей революции (прежде всего, И. В. Сталина и В. И. Ленина), несмотря на их негативное позиционирование со стороны официальных властей, во многом обусловлен воздействием

* Память о Сталине: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323>.

на общественное мнение текущей ситуации, складывающейся во всех сферах жизни российского общества. Нарастание социально-экономической дифференциации, негативные эффекты процесса оптимизации социальной инфраструктуры, проблемы в работе механизмов вертикальной мобильности, затяжное падение реальных доходов граждан, начавшееся в ноябре 2014 г. — все это способствовало росту популярности СССР и советских политических деятелей.

Тенденции положительного отношения россиян к И. В. Сталину и (в меньшей степени) В. И. Ленину закрепляются воздействием эффекта относительной депривации среди представителей как старшего поколения, так и молодежи. И «перестройка», и «демократизация» начала 1990-х гг., и «сытые нулевые» спровоцировали внутри общества масштабные всплески позитивных ожиданий, которые впоследствии не были реализованы [10–12].

ВЫВОДЫ

Можно констатировать, что потенциал развития существующей модели российской политики идентичности в рамках выработки

образов коллективного прошлого изначально был серьезно ограничен и на сегодняшний день во многом исчерпан. При этом значительная часть его функционала фактически утратила актуальность: в отличие от начала 1990-х гг., проблема легитимации новых моделей политического и социально-экономического устройства потеряла былую остроту. При этом в сознании существенной части граждан отсутствуют прочные ассоциации между нынешним истеблишментом и правящими элитами 1990-х гг. Напротив, текущий период политического развития воспринимается во многом как противоположность «лихим девяностым». Поэтому у нынешних политических элит отсутствует необходимость легитимировать сложившийся политический порядок посредством ретроспективных «войн памяти» с историческим наследием СССР. Следовательно, возникает «окно возможностей» в плане синтеза позитивных образов СССР и дореволюционной эпохи в рамках формирования нового, консолидирующего исторического нарратива, способствующего укреплению, а не размыванию национально-государственной идентичности российских граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука; 1991. 575 с.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство; 2007. 348 с.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры; 2004. 368 с.
4. Edelman M. Myths, metaphors and political conformity. *Psychiatry*. 1967;(3):217–228.
5. Евгеньева Т. В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России. *Ценности и смыслы*. 2012;(5):27–36.
6. Замараева Е. И. Проблема национальной идентичности в условиях глобализации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2013;(3):129–136.
7. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. *The psychology of intergroup relations*. Chicago; 1986. P. 7–24.
8. Комаровский В. С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России. *Власть*. 2017;(1):5–11.
9. Лубский Р. А. Проекты nation-building и формирование национально-государственной идентичности в России. *Социально-гуманитарные знания*. 2014;(7):35–41.
10. Герштейн И. З., Казаков М. А. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2016;(6):36–42.
11. Кашаф Ш. Р. Полисубъектное конструирование национально-государственной идентичности в новых границах политического сообщества России: крымский казус. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2014;(2):64–71.
12. Регнацкий В. В. Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015;(1):39–46.

REFERENCES

1. Durkheim E. On the division of social labor. The method of sociology. Moscow: Nauka; 1991. (In Russ.).
2. Halbwax M. Social framework of memory. Moscow: New Publishing House; 2007. (In Russ.).
3. Assman I. Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow: Languages of Slavic culture; 2004. (In Russ.).
4. Edelman M. Myths, metaphors, and political conformity. *Psychiatry*. 1967;(3):217–228.
5. Evgenieva T.V. Historical memory and national-state identity in modern Russia. *Tsennosti i smysly*. 2012;(5):27–36. (In Russ.).
6. Zamaraeva E. I. The problem of national identity in the context of globalization. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2013;(3):129–136. (In Russ.).
7. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. In: *The psychology of intergroup relations*. Chicago; 1986:7–24.
8. Komarovskiy V.S. Poverty and inequality as challenges to national-state identity and the formation of the civil nation of Russia. *Vlast*. 2017;(1):5–11. (In Russ.).
9. Lubsky R.A. Projects nation-building and the formation of national-state identity in Russia. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2014;(7):35–41. (In Russ.).
10. Gershtein I.Z., Kazakov M.A. National-state identity: historical evolution of models and modern typology. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2016;6:36–42. (In Russ.).
11. Kashaf Sh.R. Multisubjective construction of national-state identity in the new borders of the political community of Russia: Crimean incident. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik*. 2014;(2):64–71. (In Russ.).
12. Regnatskiy V.V. National-State Identity in Russia: A Theoretical Model of Learning. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2015;(1):39–46. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Валериевич Титов — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
VVTitov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Titov — Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Researcher, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
VVTitov@fa.ru

Статья поступила 10.04.2020; принята к публикации 30.04.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.04.2020; accepted for publication on 30.04.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-25-28
УДК 141.201(045)

Диалектичность понятий «Восток» и «Запад» в условиях глобализационных тенденций современности

Л.Б. Омарова^а, Д.З. Музашвили^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-1150-762X>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7500-1513>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются актуальные вопросы соотношения восточного и западного мировоззрения. Рассматривается проблема Востока и Запада через призму сознания и самосознания современного общества. Цель работы – оценка современного восприятия западного и восточного мировоззрения и культуры, попытка раскрыть монолитность и целостность диалога культур Востока и Запада. Приоритетными задачами определены рассмотрение исторического понимания западной и восточной культуры, изменений духовной и социальной жизни в процессе глобализации. В основу исследования вложено сопоставление важнейших понятий «Запад» и «Восток», которые характеризуют историческое сосуществование цивилизаций. В статье обосновывается влияние цивилизаций Востока и Запада на современное общество. Дан сравнительный анализ восточной и западной культуры. Сделан вывод о том, что в современном культурном контексте нельзя рассматривать Восток и Запад как два отдельных полюса, – они могут сосуществовать только в гармоничном сочетании.

Ключевые слова: Запад; Восток; культура; цивилизация; глобализация; контекст; история; бытие

Для цитирования: Омарова Л.Б., Музашвили Д.З. Диалектичность понятий «Восток» «Запад» в условиях глобализационных тенденций современности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):25-28. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-25-28

ORIGINAL PAPER

The Dialectics of the Concepts of “East” and “West” in the Conditions of Contemporary Globalization Trends

L.B. Omarova^а, D.Z. Muzashvili^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-1150-762X>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7500-1513>

ABSTRACT

The article examines the current issues of the ratio of eastern and western worldviews. The problem of East and West through the prism of consciousness and self-consciousness of modern society is considered. The subject of research is a holistic unity of eastern and western culture. The purpose of the work is to assess the modern perception of the Western and Eastern worldview and culture, and an attempt to reveal the monolithic and expediency of the dialogue of cultures of East and West. The priority tasks are determined by the consideration of the historical understanding of Western and Eastern culture, changes in spiritual and social life in the process of globalization. The study is based on a comparison of the essential concepts “West” and “East”, which characterize the historical coexistence of civilizations. The article substantiates the mutual influence of enlightenment of the East and West on modern society. A comparative analysis of Eastern culture and Western culture. We concluded that in the contemporary cultural context, East and West could not be considered as two separate poles, they can coexist only in a harmonious combination.

Keywords: West; East; culture; civilization; globalization; context; history; being

For citation: Omarova L.B., Muzashvili D.Z. The dialectics of the concepts of “East” and “West” in the conditions of contemporary globalization trends. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):25-28. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-25-28

Культуры Запада и Востока — это в первую очередь разная ментальность, которая включает в себя отличные друг от друга методы познания мира, эстетические, научные, религиозные, духовные и художественные ценности, различные мировоззренческие установки.

В современном понимании западная культура — это европейская культура, к которой относятся и американская, к восточной же культуре мы причисляем Азию — Центральную и Юго-Восточную, Северную Африку, а также ближневосточные страны.

Западная культура и мировоззренческие ориентиры направлены на совершенствование социума с включением ценностей технологического развития. Ее ключевые характеристики — динамичность и развитие всех сфер жизни. Индивидуализированность, постоянное стремление к инновациям — основа западной культуры. Занимая сторону материалистического бытия, она ведет постоянный поиск новых форм познания, который приводит, с одной стороны, к разрушению постоянства и ограниченности как материальной, так и духовной жизни, а, с другой — к определенной дисгармонии, так как уничтожает традиционные устои, каноны и нормы.

С античных времен в западной культуре заложена важная черта — склонность к рациональным методам познания и научному исследованию мира. Западная наука пытается создать сложные сети методологических исследований и эмпирических экспертиз, через призму которых рассматривает и понимает природу изучаемого объекта. Японский философ и психолог XX в. Дайсэцу Судзуки дал такую характеристику этой тенденции: «Какими бы мелкими не были ячейки сети, пока есть сеть, имеется и то, что сквозь нее ускользает, а именно то, что не может быть каким-либо образом измерено. Числа уходят в бесконечность, и однажды науки признаются в собственной неспособности заманить реальность в свою сеть» [1].

Восточный тип мировоззрения и миропонимания отрицает возможность постижения тайны жизни с помощью датчиков, приборов, микроскопов. Восток — это спокойствие, непротivление, недеяние, дабы не разрушить гармонию хрупкой природы. Человек в восточной культуре должен занимать позицию созерцателя бесконечного бытия, который не вмешивается в процесс развития мира. Восток можно сравнить с воплощением

женского начала, неотступающим от духовных заповедей идеального мира. В жертву духовному приносится материальное для сохранения гармонии и равновесия. В традициях Востока — сохранять устоявшийся старый уклад и стремиться уберечь нажитое веками от разрушительной силы инноваций.

Восточная философия и психология ищут пути усовершенствования мира через осознание цельности и гармоничности бытия и личностного «Я». Восточная культура не воспринимает научные технологии как средство общения с природой, она стремится сохранить ее естественность. Глубина, сжатость, тишина — вот главные характерные черты Востока. Только отождествление и слияние с миром — принцип его познания.

Центральные принципы познания в восточной философии — это «У-вэй» (недеяние) и «Шуньята» (пустота). Они не отрицают познание, а, напротив, раскрывают сущность единственной реальности, которая одновременно может быть и обыденной, и запредельной сверхреальностью.

У Востока и Запада совершенно противоположные ценностные ориентации, политическое устройство и религиозные взгляды.

С древних времен и до сих пор Восток представляет собой целостное, неделимое и единое и движется в единственном эсхатологическом направлении. В истории развития восточной цивилизации можно условно выделить три направления: хвалебное или панегирическое, критическое и исламское. Первое направление представляет Восток, в частности древний Китай и Индию, как край просвещенности, образец мудрости во всем. Второе акцентирует внимание на деспотизме древневосточных государств (Персия, Египет). Третье представляет Восток как арабо-мусульманскую цивилизацию, где превалируют морально-этические нормы, а также как колыбель развития точных наук (алгебра, медицина, психология, астрономия и др.).

Но в современных условиях необходимо другое научно-историческое понимание Востока и восточной цивилизации, основанное на принципе культурного плюрализма, т.е. толерантном уважительном отношении ко всем культурам. Современные процессы глобализации должны привести человечество к отказу от нахождения преимуществ в той или иной культуре, к отрицанию, с одной стороны, европоцентризма, а, с другой — превосходства культуры Востока.

Проблема Запада и Востока рассматривалась во все времена многими философами. Гегель дал наиболее полное определение этим феноменам. Гегелевское видение культуры Востока в контексте всемирной истории продиктовано его пониманием личности и сущности человека как носителя рефлексирующего духа. Он писал: «Восток и Запад присущи каждой вещи» [2]. Наша планета подобна большому магниту, а полюса этого магнита — это специфические модальности мироотношений. Т.П. Григорьева пишет о Востоке и Западе, сравнивая их с функциональной асимметрией полушарий человеческого головного мозга: «правое, более древнее, отвечает за более целостное видение, интуицию, единство; левое — за логику, анализ и синтез. Но лишь вместе они обеспечивают жизнедеятельность Целого» [3]. Только сочетание восточной глубины, мудрости, духовности с западным практицизмом и материализмом дает возможность познавать многогранный мир самого человека и развивать общество и культуру.

В процессе культурной глобализации, происходящей в настоящее время, главным составляющим является дихотомия «Запад-Восток» и наоборот — «Восток-Запад».

Как уже говорилось выше, Запад и Восток являются антиномичными формами мироощущения и мировоззрения, которая выражена в различных способах бытия в мире. Это две противоположности, имеющие разные типологические эпистемы культуры: одна деятельна, интеллектуально-рациональна, активно-прогрессивна, прагматична — другая созерцательна, образно-поэтична, сдержанно-консервативна [4].

Под понятиями «восточная культура» и «западная культура» подразумеваются, в первую очередь, особенные и относительно закрытые системы бытия человека, которые самостоятельны и автономны.

Но если мы рассмотрим эти два понятия, выделив ключевой элемент любой культуры — человека, противопоставление «Запада» и «Востока» неверно, так как культуру человечества необходимо рассматривать как единое целое. Если отбросить содержательные различия запада и востока и погрузиться в глубину каждой из этих культур — понять эссенцию и экзистенцию человека, формирующую культуру, то мы обнаружим единое начало всей мировой культуры.

Говоря о Западе, Востоке, западной и восточной культуре как о противоположностях и отмечая их существенные отличия, мы правы лишь

до определенных границ. Последующая антитеза культур, попытка показывать их принципиальные различия, отличия человека Запада от человека Востока по самым глубоким человеческим изменениям (а именно это лежит в основе содержания и сущности как западной, так и восточной культуры) сомнительны и неверны.

Самосознание и саморефлексия культуры не может поспеть за ее быстротечным развитием. Человек сегодня начинает понимать, что существует в абсолютно иной ситуации, когда понятия «мировая культура», «мировое искусство» приобретает неподлежащую сомнению эстетическую реальность. Именно эта динамически формирующаяся всемирность культурно-эстетического развития является обложкой, за которой окончательно формируется глобальное экономическое пространство, революция средств информации и мобильности. Мир и земной шар, которые казались когда-то бесконечными и невообразимыми, сегодня предстают перед нами как малая планета, в любую точку которой можно попасть за несколько часов, а благодаря цифровым технологиям — увидеть и услышать, что там происходит. Глобальные проблемы и осознание незащищенности нашей планеты от военных действий или экологических катастроф объединяют человечество.

Современный научно-технический прогресс, ставший основным фактором культурной диффузии, порождает новую культуру, стремящуюся охватить и включить в себя всю вселенную, объединить Запад и Восток, создать этический и эстетический идеал человеческого сообщества. Утопические мечтания сливаются с мифопоэтическими образами первоначального единства человечества до вавилонского столпотворения.

Воздействие восточных философско-религиозных традиций на мировоззрение представителей западной культуры, а также влияние западных политико-экономических и культурных процессов на Восток и, главное, стремительное развитие международных коммуникаций и цифровизации всех сфер деятельности превращает межкультурный и межцивилизационный диалог в несомненную реальность современной общественной жизни. Все вышеперечисленные изменения являются не только составляющими общественных отношений, но также проникают в более глубокие слои жизни человека. По мере приобщенности народов к новой культуре, с проникновением элементов мировой культуры в различные сферы

жизни человека (хотя, конечно, само общество должно выбирать, что ему в мировой культуре подходит, а что нет) создается общий пласт деятельности для представителей различных географических и культурных сообществ. Это может помочь найти общий язык, который является необходимым условием любого диалога.

Межкультурное взаимодействие — многоплановое явление, которое может протекать как диалог или конфликт. Именно диалог является собой продуктивный обмен элементами культуры без выраженной доминанты одной из сторон и позитивно влияет на развитие общества [5].

Современное информационно-цифровое общество с соответствующей универсальной культурой формирует высокую коммуникативность,

порожденную насыщенным информационным обменом. В таких реалиях можно утверждать, что происходит продуктивное распространение знаний о «Другом», но в то же время такой коммуникативный базис — межцивилизационные универсальные культурные единицы, которые могут ассимилировать в локальных социокультурных организациях. Это может стать условием формирования единого пространства, уравнивающего культурный плюрализм, которому можно противостоять, поддерживая самобытность локальных культур. Следовательно, в сознании индивида происходит признание дихотомии «Запад — Восток» не как внутреннего антагонизма, а как позитивно продуктивного неомогенного культурного материала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Судзуки Д.Т. Наука Дзен — Ум Дзен. К.: Преса України; 1992. 176 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: Изд-во «Мысль»; 1998. 1072 с.
3. Григорьева Т.П. Дао и Логос (Встреча культур). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН; 1992.
4. Нысанбаев А. Глобализация и диалог культур. *Евразийское сообщество*. 2002;(1):113–118.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ»; 2005. 276 с.

REFERENCES

1. Suzuki D.T. Zen Science — The Zen Mind. Kyiv: Presa Ukraini; 1992. (In Russ.).
2. Hegel G.V.F. Science of logic. Moscow: Publishing House “Mysl”; 1998. (In Russ.).
3. Grigoryeva T.P. Tao and Logos (Meeting of cultures). Moscow: Vostochnaya literatura; 1992. (In Russ.).
4. Nysanbaev A. Globalization and dialogue of cultures. *Eurasian Community*. 2002;(1):113–118. (In Russ.).
5. Huntington S. The Clash of Civilizations. Moscow: Publishing House AST; 2005. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лейла Бунияминовна Омарова — кандидат философских наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
lomarova@fa.ru

Диана Зурабовна Музашвили — кандидат философских наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
DZMuzashvili@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Leila B. Omarova — Associate Professor, Department of Sociology, History, and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
lomarova@fa.ru

Diana Z. Muzashvili — Associate Professor, Department of Sociology, History, and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
DZMuzashvili@fa.ru

Статья поступила 15.04.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.04.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-29-36
УДК 327.83(045)

Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана)

И.И. Калитко

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9729-0408>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению потенциала масс-культурных факторов «мягкой силы» современной российской эстрады в странах постсоветского пространства. После распада СССР ключевыми целями для России стали восстановление и укрепление российского политического влияния на постсоветском пространстве, а также сохранение социокультурного пространства «русского мира». Политика «мягкой силы», в особенности ее культурные аспекты, являются эффективным инструментом для достижения данных целей. Сегодня сфера шоу-бизнеса и музыкальная эстрада становятся наиболее доступными и действенными инструментами продвижения российской политики «мягкой силы». В статье рассматриваются перспективы российского внешнеполитического влияния и роль «мягкой силы» российской музыкальной эстрады, проводится анализ популярности российских исполнителей в странах постсоветского пространства – Беларуси и Казахстане.

Ключевые слова: «мягкая сила»; внешняя политика; массовая культура; российская эстрада; русский язык; Беларусь; Казахстан

Для цитирования: Калитко И.И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):29-36. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-29-36

ORIGINAL PAPER

Russian Pop Music as a Factor of Russia's "Soft Power" in the Post-Soviet Space (on the Example of Belarus and Kazakhstan)

I.I. Kalitko

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9729-0408>

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the potential of mass-cultural factors of "soft power" of modern Russian pop music in the post-Soviet countries. After the collapse of the USSR, Russia's key goals were to restore and strengthen its political influence in the post-Soviet space, as well as to preserve the socio-cultural space of the "Russian world". Soft power policies, especially their cultural aspects, are a useful tool for achieving these goals. Today, the sphere of show business and the musical stage are becoming the most accessible and practical tools for promoting the Russian policy of "soft power". The article examines the prospects of Russian foreign policy influence and the role of the Russian musical variety "soft power", using the analysis of the popularity of Russian performers in the post-Soviet countries, on the example of Belarus and Kazakhstan.

Keywords: soft power; foreign policy; mass culture; Russian pop; Russian language; Belarus; Kazakhstan

For citation: Kalitko I.I. Russian pop music as a factor of Russia's "soft power" in the post-Soviet space (on the example of Belarus and Kazakhstan). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):29-36. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-29-36

Представители российского шоу-бизнеса и звезды российской эстрады сегодня активно проводят свою гастрольную деятельность не только на территории России, но и в странах ближнего зарубежья, бывших республиках СССР. Эта ситуация стала возможной благодаря общему культурно-историческому наследию. В советский период именно русская (российская) культура являлась общей и доминирующей для всех жителей Союза. Однако, если в XX в. российское культурное влияние и общность языка были естественными в силу существования единого государства, то после его распада перед Российской Федерацией возникла серьезная проблема сохранения влияния на пространстве СНГ. Кроме того, в последние годы для России большое значение имеет создание позитивного имиджа страны и «пула доброжелателей из числа зарубежной общности» [1]. И в этом контексте весьма важной является политика «мягкой силы». В рамках культурной «мягкой силы» приобретают большое значение массовые события, такие как концерты, празднования и совместные фестивали (например «Славянский базар», традиционно проводящийся в Беларуси при активном участии России). Присутствие российских звезд в странах СНГ, исполнение песен на русском языке способствуют росту популярности современной российской культуры и русского языка, консолидации русскоязычного населения в этих странах, повышению лояльности во властных кругах, усилению российского политического влияния.

Звезды российской эстрады регулярно принимают участие в благотворительных и праздничных концертах, посвященных Дню Победы, национальным праздникам, приезжают в рамках международных фестивалей, культурного сотрудничества и самостоятельных гастрольных туров. Наиболее активное присутствие российской эстрады наблюдается в Беларуси и Казахстане.

В Беларуси существует самостоятельная эстрада, но ее популярность относительно невысока. В государственных концертах в День Победы или День независимости Беларуси (Квітней мая Беларусь!) участвуют преимущественно белорусские «звезды». Такие концерты транслируются по центральным каналам, а российских звезд на подобных празднованиях практически нет. Исключением могут быть исполнители белорусского происхождения (Дмитрий Колдун, Алек-

сандр Рыбак), или «звезды» советского времени (Ринат Ибрагимов, Лев Лещенко). Тем не менее при анализе концертной афиши Минска¹ за 2 месяца (ноябрь-декабрь 2019 г.) преобладание российских звезд очевидно: в среднем на 45 концертов приходится 30 (75%) сольных концертов представителей российской эстрады (Григорий Лепс, Баста, «Ленинград», Полина Гагарина и др.). Это демонстрирует наличие высокого спроса на российскую эстраду, поскольку промоутеры организуют концерты зарубежных звезд только при условии окупаемости. При этом представители белорусского шоу-бизнеса обеспокоены активной экспансией российских «звезд». Рынок переполнен «русскими», а белорусам не остается места для работы с аудиторией: количество российских выступлений и спрос на них значительно выше, особенно ярко это видно на примере малых городов Беларуси [2]. Местные представители шоу-бизнеса называют сложившуюся ситуацию «засильем российской попсы» [3].

Уровень популярности российских исполнителей в Беларуси можно проанализировать по количеству поисковых запросов в системе «Яндекс». Наиболее популярные белорусские исполнители значительно проигрывают российским «звездам» в популярности среди местного населения (табл. 1).

Аналогичный результат демонстрирует и анализ трендов в Google (табл. 2 и рис. 1).

Кроме того, прослеживается поддержка российских концертов со стороны властей Беларуси, в том числе Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. В 2016 г., по данным СМИ, «Лукашенко передал роскошный букет для Филиппа Киркорова» [4], когда он выступал в Минске с шоу «Я». 12 января 2018 г. на торжественный президентский прием для представителей СМИ и творческой интеллигенции были приглашены для выступления Наташа Королева, Таисия Повалий, Григорий Лепс, Николай Басков². 12 октября 2019 г. юбилейный вечер Игоря Крутого в Минске проходил в сопровождении Президентского оркестра и при участии многих российских звезд: Ирины Аллегровой, Филиппа Киркорова, Ани

¹ Концерты: афиша и билеты на концерт в Минске. URL: <https://www.kvitki.by/rus/bileti/muzyka/page:2/> (дата обращения: 22.10.2019).

² На прием Лукашенко из Москвы выписали Лепса, Баскова и Наташу Королеву. Наша Ніва. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=203198&mo=7092f2a3910edcf71141273275af6cbdf9d03b1a&lang=ru> (дата обращения: 22.10.2019).

Таблица 1 / Table 1

Сравнение популярности российских и белорусских исполнителей на основе данных о поисковых запросах в Яндекс в Беларуси / A comparison of the popularity of Russian and Belarusian performers based on search requests in Yandex in Belarus

	Исполнитель	Количество поисковых запросов в месяц
	Поп-певец	
Российский исполнитель	Филипп Киркоров	7022
Белорусский исполнитель	Руслан Алехно	1323
	Рок-группа	
Российский исполнитель	Би-2	20023
Белорусский исполнитель	Дай Дорогу!	587
	Поп-исполнитель, участник Евровидения	
Российский исполнитель	Полина Гагарина	13476
Белорусский исполнитель	Александр Рыбак	1060

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author

Таблица 2 / Table 2

Анализ трендов: сравнение популярности российских и белорусских рок-групп в Беларуси на основе данных о поисковых запросах в Google за последние 12 месяцев / Trend analysis: comparing the popularity of Russian and Belarusian rock bands in Belarus based on Google search queries over the past 12 months

	Уровень интереса к теме за последние 12 месяцев, в %				
	Российские группы		Белорусские группы		
Субрегион	Би-2	Сплин	Дай дарогу!	Без билета	N.R.M.
Могилевская область	69	24	4	3	0
Гомельская область	63	25	4	6	2
Витебская область	66	24	3	5	2
Брестская область	57	23	15	3	2
Минская область	61	25	4	7	3
Гродненская область	57	31	6	4	2
Средний % по стране	62,16	25,3	6	4,6	1,8

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

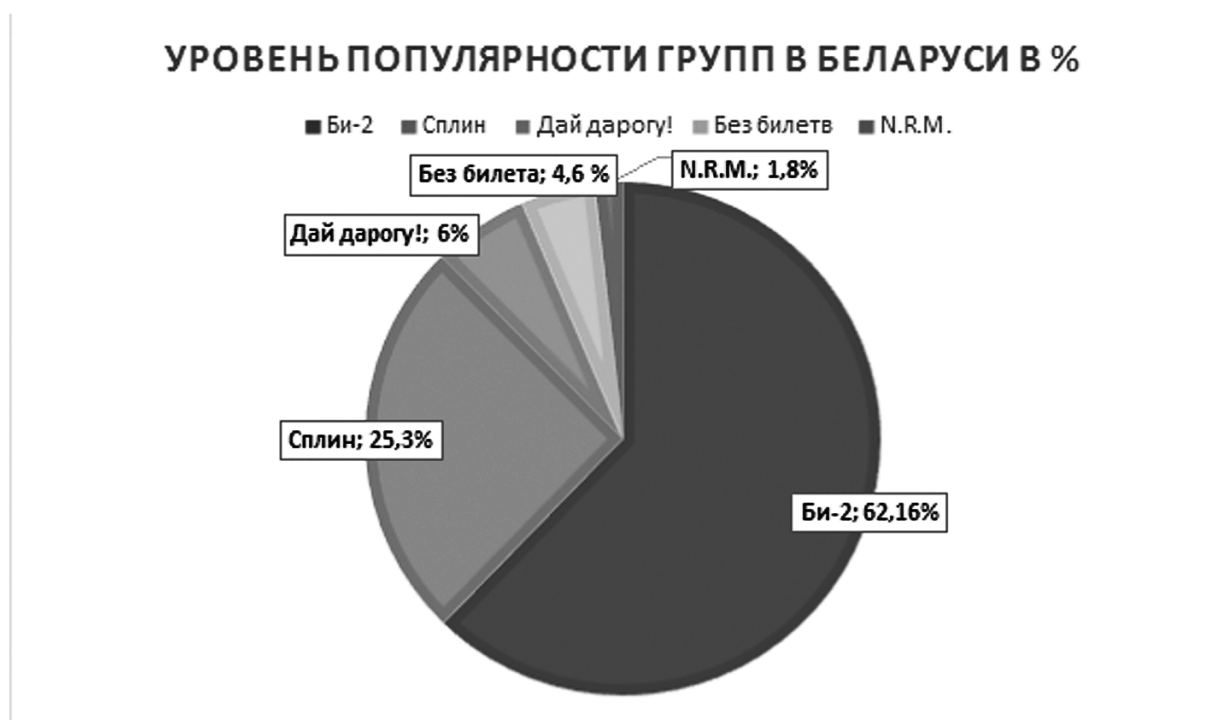

Рис. 1 / Fig. 1. Уровень популярности российских и белорусских рок-групп в Беларуси на основе данных табл. 2 / Level of popularity of Russian and Belarusian rock bands in Belarus based on Table 2 data

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Лорак, Николая Баскова, Жасмин, Сергея Лазарева, Димы Билана [5].

Творчество российских исполнителей оказывает позитивное влияние с точки зрения сохранения и популяризации русского языка в Беларуси: около 70% говорят на русском и только 27% используют белорусский для повседневного общения. Из 18 театров Беларуси русскоязычными являются 14. Русский язык также преобладает в белорусских СМИ (особенно на телевидении), книгоиздании, делопроизводстве, работе органов государственной власти [6]. По итогам 2016 г., количество книг и брошюр на русском языке составило почти 80% от всех изданных в Беларуси. После придания русскому языку статуса государственного он стал вытеснять белорусский язык из всех сфер общественной жизни в Беларуси. Однако, несмотря на то, что для 70% русскоговорящего населения присутствие российских исполнителей — позитивный показатель, существует и отрицательная сторона вопроса — недовольство представителей белорусского творческого сообщества (выдвигаются инициативы по ограничению российского гастрольного присутствия), активизация белорусских националистов, для которых постоянное

присутствие россиян и иногда их пренебрежительное отношение к белорусской аудитории (выступления в нетрезвом виде, работа под фонограмму, скандалы и т.д.) [3] срабатывают как триггер.

В Казахстане ситуация несколько иная. Местная эстрада, на первый взгляд, гораздо слабее в сравнении с российской. Однако в 2016 г. ввиду кризиса происходит падение интереса населения к крупным концертам в целом и особенно — российских «звезд», поскольку цены на их концерты выше, чем на выступления казахстанских «звезд». Тем не менее спрос на российских исполнителей в крупных городах и столице остался на прежнем уровне: такие «звезды» как Валерий Меладзе, «Ленинград», «Звери», Стас Михайлов, Баста, исполнители лейбла «Black Star» продолжают выступать для местных политических и бизнес-элит [7].

По данным казахстанских промоутерских агентств, до 2016 г. высокий спрос был на концерты «Би-2», «Руки Вверх», «Серебро», «Black Star», а сегодня происходит их замещение, но не только местными исполнителями, а более дешевыми русскоязычными вокальными коллективами, исполняющими каверы или собственные песни на русском языке [7].

Таблица 3 / Table 3

Сравнение популярности российских и казахстанских исполнителей на основе данных о поисковых запросах в Яндекс в Казахстане за 2019 г. / Comparison of the popularity of Russian and Kazakh performers based on data on Yandex search queries in Kazakhstan for 2019

	Исполнитель	Количество поисковых запросов в месяц
Поп-певица		
Российский исполнитель	Ани Лорак	20 408
Казахстанский исполнитель	Жанар Дугалова	6
Поп-исполнитель		
Российский исполнитель	Стас Михайлов	34 040
Казахстанский исполнитель	Кайрат Нуртас	114
Поп-исполнитель с высоким рейтингом за 2019 г.		
Российский исполнитель	Дима Билан	11 841
Казахстанский исполнитель	Димаш Кудайбергенов	4 166

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

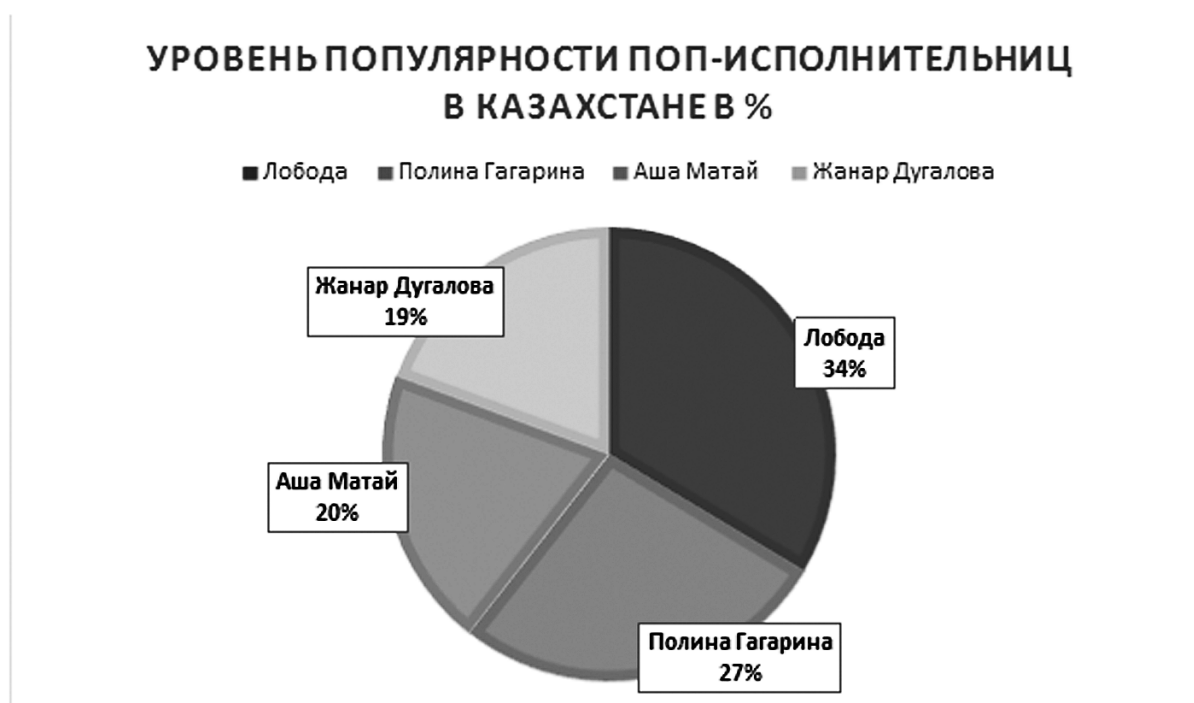

Рис. 2 / Fig. 2. Анализ трендов: сравнение популярности российских и казахстанских поп-исполнительниц в Казахстане на основе данных о поисковых запросах в Google за последние 5 лет / Trend analysis: comparing the popularity of Russian and Kazakh pop artists in Kazakhstan based on data on Google search queries over the past 5 years

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Рис. 3 / Fig. 3. Анализ трендов: сравнение популярности российских и казахстанских исполнителей в Казахстане на основе данных о поисковых запросах в Google за последние 12 месяцев / Trend analysis: comparing the popularity of Russian and Kazakh artists in Kazakhstan based on Google search query data for the past 12 months

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Если говорить о сравнении популярности казахстанских и российских артистов при помощи Яндекс-метрики, мы увидим следующее (табл. 3).

Однако более популярной поисковой системой для Казахстана является Google, потому анализ google-трендов будет более объективным (рис. 2, 3).

За последние 5 лет популярность российских и казахстанских исполнителей одной категории находится почти на одинаковом уровне (см. рис. 2). Однако казахстанские «звезды», вышедшие на мировой рынок в последний год, имеют значительно большую популярность, чем российские исполнители (см. рис. 3). Казахстан проводит жесткую национальную политику — политику «казахизации», направленную на возрождение «национальных, культурных, языковых ценностей», усиление роли казахского языка и влияния казахоязычных кадров в государственном управлении. В частности «сверху» оказывается активная поддержка отечественной эстраде и исполнителям. В силу этого, а также экономического кризиса в последние несколько лет, воздействие российской «мягкой силы» в сфере эстрады снизилось. С падением доходов спрос на концерты

российских звезд уменьшился, а государственные концерты, транслируемые по телевидению, задействуют только казахстанских «звезд». Тем не менее 84% населения Казахстана говорят на русском, потому отечественные исполнители исполняют песни не только на казахском, но и на «великом и могучем», правда, значительно реже.

В отношении государственных концертов позиция схожа с Беларусью: на национальных и государственных праздниках преобладают казахстанские исполнители. Однако на крупных фестивалях, таких, как Big Love Show и ежегодная премия Муз-ТВ, проходящих в Нурсултане (Астане), в основном задействован российский «контингент».

Исходя из проведенного анализа, мы можем сделать вывод, что и для Беларуси, и для Казахстана характерны:

1. Высокая популярность российских исполнителей.
2. Регулярные гастроли российских звезд, проведение крупных «негосударственных» концертов, российских или совместных с Россией фестивалей на территориях стран СНГ.

3. Лояльность местных властных и бизнес-элит к российским исполнителям.

Все это свидетельствует о возможности использования «звезд» российского шоу-бизнеса в качестве инструмента культурной «мягкой силы», однако вряд ли мы можем говорить о сознательном и направленном использовании данного инструмента сегодня. Частота и территории гастрольных туров определяются исходными данными: большим количеством русскоязычного населения в странах СНГ, наличием исторической памяти (период общей культуры и единой эстрады в СССР), территориальной близостью, имеющимися партнерскими связями в промьюшен-среде и у представителей шоу-бизнеса.

Успех внешнего воздействия на местное население зависит от характера национальной политики государства: так, в Казахстане популярность российских «звезд» ниже, чем в Беларуси, в силу целенаправленной политики «казахизации», а в Беларуси, при более мягкой национальной политике, влияние российской эстрады значительно выше.

Важно отметить изменение характера отношений России и Беларуси в 2020 г. ввиду нефтяного конфликта. Не найдя взаимовыгодного решения по условиям поставок нефти из России в Беларусь, страны перешли к конфронтационной модели взаимодействия, что отразилось на экономической и политической сферах. Негативная риторика в адрес России президента Беларуси Г. Лукашенко и его стремление заместить российскую нефть альтернативной, безусловно, сказываются на отношениях двух стран. Одним из главных рисков (кроме экономических) для России в этой ситуации является рост антироссийских настроений в Беларуси, и, как следствие, потеря официального союзника и возможное повторение украинского сценария.

В подобных условиях одним из приоритетных интересов России становится активизация политики «мягкой силы» в Беларуси с целью предупреждения подобных рисков и сглаживания последствий российско-белорусского конфликта. Гастроли российских звезд, формально остающихся вне политики, будут способствовать сохранению памяти об исторических основах российско-белорусской дружбы, укреплению симпатий и лояльности к России у белорусов.

Таким образом, выступления звезд российского шоу-бизнеса в республиках бывшего Советского Союза обладают потенциалом «мягкой

силы» России, способствуют сохранению и продвижению русского языка во внешней среде. Однако на данный момент воздействие данного фактора в некоторых странах СНГ снижается в силу характера национальной политики этих государств и социально-экономического положения населения. Для эффективного воздействия на зарубежную аудиторию российская эстрада должна искать новые сегменты и формы присутствия. Пока эффективной формой влияния являются лишь совместные фестивали и конкурсы (премия Муз-ТВ, Славянский базар, Big Love Show, Новая волна). При этом имеется возможность привлечь аудиторию к русскоязычному творчеству за счет увеличения доступности контента в сети Интернет, особенно в соцсетях (возможность бесплатного прослушивания и скачивания альбомов/композиций; просмотра и скачивания клипов). Подобная работа должна проводиться не только в российском сегменте глобальной сети, но и вне его. В том же Казахстане основной поисковой системой является Google, в Беларуси ее популярность также стремительно растет.

В целях предупреждения потери культурного влияния в странах СНГ и сглаживания последствий конфликтов и агрессивной политики лидеров этих стран необходимо укреплять культурные связи, в том числе посредством сферы шоу-бизнеса, заранее. Так, создание совместных долгосрочных проектов, проведение конкурсов и фестивалей со значительной долей участия представителей российской эстрады поможет закрепить культурные связи. Особенно сильный эффект могут дать мероприятия, направленные на поддержку местных талантов и представителей других стран СНГ (по примеру «Новой волны»). Укрепление российского влияния посредством сохранения и популяризации русского языка и культуры на постсоветском пространстве также возможно при помощи создания аналога «Евровидения», только для стран СНГ. Главной особенностью такого аналога станет использование русского языка как основного языка исполнения для всех конкурсантов. Участие российских «звезд» в качестве наставников и жюри также станет элементом проведения культурного обмена между всеми участниками конкурса. Таким образом, при участии представителей российского шоу-бизнеса станет возможным создание эффективного фактора культурной «мягкой силы» России на постсоветском пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шатилов А.Б. Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках политики «мягкой силы» Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):10–13.
2. Пепеляев В. Что мешает нашим артистам зарабатывать гастроями. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.sb.by%2Farticles%2Fcherez-tsennik-k-zvezdam-.html>.
3. Яновская О. Почему белорусская попса проиграла российской собственную сцену. URL: https://naviny.by/rubrics/culture/2016/04/25/ic_articles_117_191525.
4. Сацюк С. «Люди, я иду к вам». Филипп Киркоров еще раз показал Минску свое «Я» URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fnaviny.by%2Farticle%2F20171022%2F1508620927-lyudi-ya-idu-k-vam-filipp-kirkorov-eshche-raz-pokazal-minsku-svoe-ya>.
5. Тан Ю. Русский язык в Белоруссии: проблемы и перспективы. URL: <https://moluch.ru/archive/269/61799/>.
6. Хомичев Т. Юбилейный вечер Игоря Крутого в Минске: какие звезды будут выступать. URL: <https://www.belnovosti.by/kultura/yubileyny-vecher-igorya-krutogo-v-minske-kakie-zvezdy-budut-vystupat>.
7. Тойшибекова А. Интерес к концертам в Казахстане снизился, но звезды по-прежнему частые гости на закрытых вечеринках. URL: <https://vlast.kz/biznes/17135-interes-k-koncertam-v-kazahstane-snizilsa-no-zvezdy-po-preznemu-castye-gosti-na-zakrytyh-vecerinkah.html>.

REFERENCES

1. Shatilov A.B. Academic Mobility of Foreign students in Humanities and social studies as a Component of the “soft Power” Policy of the Russian Federation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):10–13. (In Russ.).
2. Pepelyaev V. What prevents our artists from earning money on tour. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.sb.by%2Farticles%2Fcherez-tsennik-k-zvezdam-.html>. (In Russ.).
3. Yanovskaya O. Why Belarusian pop music lost its own stage to Russia. URL: https://naviny.by/rubrics/culture/2016/04/25/ic_articles_117_191525. (In Russ.).
4. Satsyuk S. “People, I’m coming to you”. Philip Kirkorov once again showed Minsk his “I”. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fnaviny.by%2Farticle%2F20171022%2F1508620927-lyudi-ya-idu-k-vam-filipp-kirkorov-eshche-raz-pokazal-minsku-svoe-ya>. (In Russ.).
5. Tan Yu. Russian language in Belarus: problems and prospects. URL: <https://moluch.ru/archive/269/61799/>. (In Russ.).
6. Fomichev T. The Anniversary evening of Igor Krutoy in Minsk: What the stars will play. URL: <https://www.belnovosti.by/kultura/yubileyny-vecher-igorya-krutogo-v-minske-kakie-zvezdy-budut-vystupat>. (In Russ.).
7. Toychubekova A. The interest in concerts has decreased in Kazakhstan, but the stars are still frequent guests at private parties. URL: <https://vlast.kz/biznes/17135-interes-k-koncertam-v-kazahstane-snizilsa-no-zvezdy-po-preznemu-castye-gosti-na-zakrytyh-vecerinkah.html>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Игоревна Калитко — студент-бакалавр 4-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
kalitko.ira@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Kalitko — 4th year bachelor course, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
kalitko.ira@mail.ru

Статья поступила 20.03.2020; принята к публикации 10.04.2020.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.03.2020; accepted for publication on 10.04.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-37-44
УДК 32.019.51(045)

Легитимация власти: к формулированию операциональной модели

Е.С. Чимирис

Финансовый университет, Россия, Москва
<https://orcid.org/0000-0002-9837-8014>

АННОТАЦИЯ

Легитимность власти сложно поддается оценке и прогнозированию, в связи с этим автор статьи ставит перед собой задачу сформулировать операциональную модель описания легитимности власти и предлагает использовать для этого дискурсивный подход к анализу политических процессов. Использование дискурсивных методов позволяет не ограничиваться проведением социологических опросов. Разработка подобной модели откроет путь к формированию инструмента для оценки уровня легитимности власти и прогнозирования кризисов легитимности в конкретном государстве. Обращение к дискурсивному измерению легитимности позволяет обозначить конкретные переменные и произвести их описание и оценку. В качестве основного методологического концепта автор предлагает использовать идеализированные когнитивные модели в терминологии Дж. Лакоффа (фреймы, образно-схематической структуры, метафоры и метонимии). Далее, основываясь на традициях исследования легитимности власти в политической и социальной науке, а также применяя дискурсивный подход, автор формулирует операциональную модель легитимации, состоящую из трех основных элементов: институциональный порядок, лидеры, традиции. Формулировка базовой гипотезы строится на предположении, что совпадение моделей легитимации власти, тех, что сформулированы политическими лидерами, и тех, которые восприняты и интерпретированы населением, будет способствовать росту поддержки власти. Способность приблизиться к формированию инструментария для оценки и прогнозирования кризисов легитимности может быть полезна как для описания и прогнозирования внутренней политики, так и для оценки политических рисков инвестиций и сотрудничества с другими странами.

Ключевые слова: легитимность; дискурс; власть; метафора; фрейм; модель; кризис; революция

Для цитирования: Чимирис Е.С. Легитимация власти: к формулированию операциональной модели. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):37-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-37-44

ORIGINAL PAPER

Power Legitimacy: Towards the Creation of an Operational Model

E.S. Chimiris

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9837-8014>

ABSTRACT

The legitimacy of power is difficult to assess and predict, so the author of the article sets himself the task of formulating an operational model for describing the legitimacy of power and suggests using a discursive approach to the analysis of political processes. The use of discursive methods allows using not only sociological surveys but also to find cheaper and more effective methods of analysing opinions and ideas. The development of such a model will open the way to the formation of a tool for assessing the level of legitimacy of power and forecasting crises of legitimacy in a particular state. Turning to the discursive dimension of the description of legitimacy allows us to designate specific variables and to describe and evaluate them. As the main methodological concept, the author suggests using idealised cognitive models in the terminology of J. Lakoff (frames, figurative-schematic structures, metaphors and metonyms). Further, based on the traditions of studying the legitimacy of power in political and social science, as well as applying a discursive approach, the author formulates an operational model of legitimation consisting of three main elements: institutional order, leaders and elites, historical and cultural traditions. The formulation of the primary hypothesis is based on the assumption that the coincidence of the models of legitimation of power formulated by political leaders and perceived by the population will contribute to increased support for the authorities. The ability to approach the formation of tools for assessing and predicting crises of legitimacy can be useful both for describing and forecasting domestic policy and for evaluating the political risks of investments and cooperation with other countries.

Keywords: legitimacy; discourse; power; metaphor; frame; model; crisis; revolution

For citation: Chimiris E.S. Power legitimacy: Towards the creation of an operational model. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):37-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-37-44

ВВЕДЕНИЕ

Легитимность власти — это постоянная категория, которая появилась вместе с зарождением властных отношений и обострилась в связи отходом от прямых методов управления в сторону сложной представительной власти. В связи с текущими глобальными угрозами и расширением зон киберпространства, дальнейшим отрывом властных институтов от прямой коммуникации с населением, увеличением количества промежуточных инстанций и инструментов, вопрос поддержки власти со стороны населения становится все более актуальным. Легитимность — фактор, который делает отправление властных полномочий эффективным и снижает издержки на применение насилия. Но феномен с трудом поддается измерению. Чаще всего для этого используют социологические опросы, которые во многом сами оказывают влияние на уровень легитимности (будучи озвученными в публичном пространстве, результаты социологических опросов моделируют общественное мнение и уровень поддержки власти). Возникает задача поиска более точных методик для замера уровня легитимности и ее оценки. Выявление проблем легитимности власти на ранних стадиях позволит формулировать соответствующие рекомендации правительствам с целью не допустить дестабилизации ситуации. Задача данной статьи — операционализировать концепт «легитимирующая модель», показать возможности моделирования легитимности на дискурсивном уровне и обозначить переменные для анализа.

**КОНЦЕПТ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Кризис легитимности затрагивает многие сферы общества, препятствует осуществлению политической власти, внедрению инноваций, экономическому прогрессу и т.п. Поиск путей преодоления кризиса легитимности и создания устойчивой и стабильно развивающейся политической системы — одна из центральных проблем современной политической науки.

Крайняя степень отсутствия легитимности — революция — изучена всесторонне, как в теоретическом, так и в практическом смысле [1–3]. Варианты типологии революций были в свое время предложены как самим автором, так и другими учеными [4–6]. Основываясь на предыдущих исследованиях, мы можем в целом охарактеризовать революцию как смену социальной парадигмы, институциональной структуры и организации политической жизни.

Соответственно, в результате происходит смена модели легитимации, внедряется кардинально другая система социального и политического устройства, иные основы государственности.

Для целей настоящей статьи определим легитимность как добровольное подчинение и признание правомерности властных полномочий, которое основано на общих представлениях об обычном праве и ценностях, принятых в данном обществе. Племенные сообщества, а затем и ранние государства имели более простую структуру институтов и отношений, соответственно, и процесс легитимации власти происходил с опорой на меньшее количество факторов: магические культы, традиции, религия и т.п. [7–9]. Со временем структура общества усложнялась, и появилась модель рационального выбора.

В центре внимания теорий рационального действия находится индивид, который, как предполагается, разумно и самостоятельно просчитывает все позитивные и негативные последствия своих действий, видит возможные стратегии развития ситуации [10, 11]. Что немаловажно, с точки зрения этой теории, в процессе подчинения власти рациональный индивид действует только во имя своей выгоды (получения благ), и никогда не будет действовать вопреки ей [12, с. 376]. В отношении процесса легитимности механизм действий рационального индивида основывается на стремлении избежать возможных санкций от государства за выполнение или невыполнение им определенных действий. Однако постоянная реальная угроза санкций требует больших издержек со стороны государства и редко осуществима в течение длительного периода времени.

Исследователи пришли к выводу, что в процессе легитимации важнее не угроза применения санкций, а вера в истинность законов и правил, установленных государством и общественной системой [13, с. 280]. Э. Дюркгейм показал, что правильное поведение человека в обществе зависит не столько от реальной угрозы наказанием, сколько от силы социального факта (продукта коллективного сознания) и имеет принудительную силу над индивидом [14]. Фактически продолжая эту традицию, К. Хорн анализирует легитимность не как индивидуальную установку, а как социальную норму, которая обязывает индивидов к послушанию и поддержке лидера. В свою очередь, эти нормы обеспечиваются угрозой социальных санкций за невыполнение [15, с. 400]. Т.Р. Тайлер пишет о том, что ключевой детерминантой легитимности государства является восприятие процесса принятия

решений как справедливого. Опыт справедливых процедур создает социальные ценности, и они побуждают людей чувствовать длительную личную обязанность следовать установленным правилам [16, с. 416; 17, с. 375]. Политическая функция власти по управлению обществом легитимна в том случае, когда она отражает идентичность общества [18, с. 17]. Б. Ротстайн доказывает, что институты электоральной демократии являются не единственной детерминантой легитимности. Многие этнические меньшинства никогда не получают электоральное большинство в демократиях, но, тем не менее, продолжают считать правительство легитимным. Поэтому решающую роль играет не процедура избрания правительства, а осуществление им честной политики [19, с. 311].

Кроме того, важную роль в формировании легитимности играют элиты и лидеры. Р. Баркер называет процесс достижения элитами особого статуса по сравнению с остальными людьми эндогенной легитимацией [20, с. 9]. Иными словами, лидеры и элиты самостоятельно выстраивают такую систему отношений, в которой они занимают особое положение, и это является важным признаком легитимности их власти. Каждый политический режим стремится развивать веру в то, что его политика является верной, четкой и легитимной. Выделим факторы легитимности, которые влияют на этот процесс:

1. **Институциональный порядок**, т.е. честные и справедливые институты, которые занимаются осуществлением политики и распределением ресурсов.

2. **Лидер**, который благодаря своему статусу и идеям вызывает доверие у людей и побуждает их следовать установленным правилам.

3. **Традиции** (историческая память, культурные ценности и нормы) рассказывают гражданам, как сформировался текущий социальный и политический порядок, и почему он правильный.

В силу того, что современное общество — это сложно организованная система, все перечисленные факторы в разной мере могут влиять на процесс легитимации. Чтобы установленный порядок был легитимен, он должен соответствовать системе ценностей и верований населения. Ценности (или смыслы и понятия), согласно теории П. Бурдьё, производятся лидерами, и они монополизируют это право [21, с. 162].

П. Бергер и Т. Лукман пишут о том, что легитимация «объясняет» институциональный порядок, оправдывает его и придает нормативный характер

[22, 23]. Однако, по мнению авторов, легитимация — это не только вопрос ценностей, но и формирование системы знания о социальной системе. Знание о социальных ролях, о правильном и неправильном, в свою очередь, формирует ценностную картину мира. Знания и ценности отображены в *категориях языка*, в связи с этим представляется важным обратить внимание на дискурсивные аспекты отображения социального знания и понимания.

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВЫ ЛЕГИТИМАЦИИ

В рамках разработки данной модели сделаем допущение, что легитимирующие модели основываются на базовых идеализированных когнитивных моделях (ИКМ) (по терминологии Дж. Лакоффа), которые носят когнитивную (познавательную) функцию, а также объясняют существующий в обществе институциональный порядок. ИКМ непосредственно связаны со способностью человека воспринимать и оценивать окружающую действительность [24, с. 98]. Мы можем и не иметь специальных научных знаний о различных явлениях жизни, однако, в любом случае мы обладаем набором теорий, касающихся всех важнейших сторон нашей деятельности. Идеализированные когнитивные модели бывают нескольких видов: пропозиционная структура (фрейм); образно-схематическая структура; метафорическое отображение; метонимическое отображение.

Пропозиционные структуры (фреймы)

Большинство авторов определяют *фрейм*, как некую структуру в сознании человека, с помощью которой он воспринимает действительность и ориентируется в окружающем его мире. В частности, М. Минский понимает фрейм как структуру данных для представления стереотипных ситуаций [25]. В понимании Т. ван Дейка, фреймы — это, во-первых, единицы, организованные вокруг некоторого концепта, заложенного в тексте. Во-вторых, эти единицы содержат основную типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с концептом. Наконец, фрейм имеет конвенциональную природу и способен определять и описывать, что в данном обществе является характерным и дозволенным [26, с. 18]. За каждым типическим социальным контекстом закреплен набор возможных фреймов, которые задают множества позиций, функций, свойств и отношений для участников коммуникации. М. Минский предлагает представить фрейм в виде многоуровневой сети с «узлами» и «связями» (рис. 1).

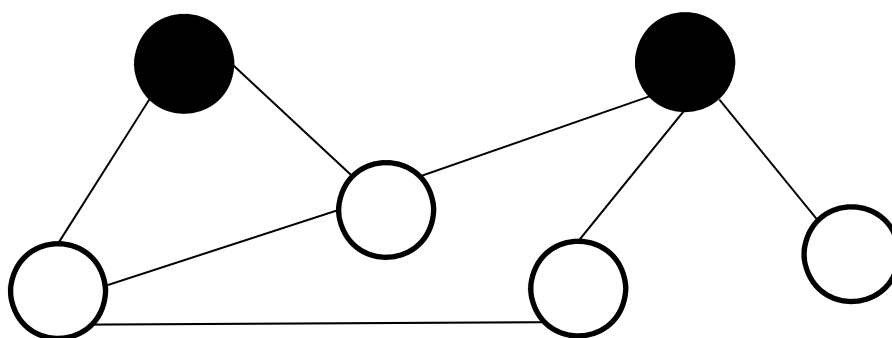

Рис. 1 / Fig. 1. Структура фрейма / Frame Structure

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

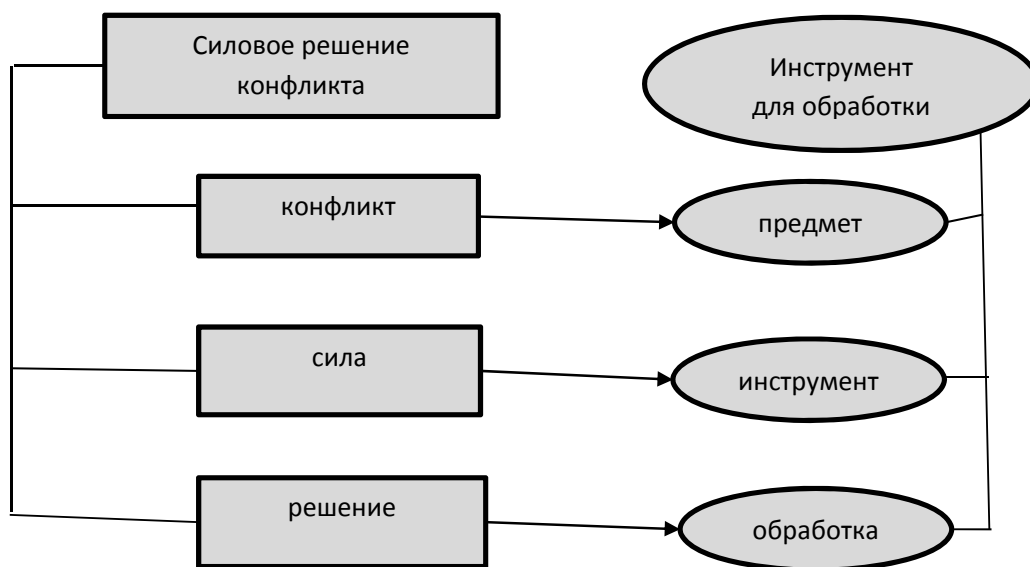

Рис. 2 / Fig. 2. Пример образно-схематической структуры / Figurative-Schematic Structures

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Заштрихованные круги — это абстрактные структуры, содержащие четко определенную информацию, справедливую для каждой конкретной ситуации. Незаштрихованные круги — это «ячейки» с конкретными примерами и данными о каждой отдельной ситуации. Линии между кругами означают связи между «узлами» фрейма. В ситуации, когда частный конкретный случай содержит элементы, для которых нет места в общей абстрактной структуре, абстрактная схема чаще всего усложняется новым элементом, а фрейм обновляется. Важно отметить, что один и тот же фрейм может присутствовать в структуре знания целой группы людей. Это отмечает И. Гофман: «взятые вместе, первичные системы фреймов определенной социальной группы конституируют центральный элемент ее культуры, особенно в той мере, в какой порождаются образцы человеческого понимания, сопряженные с основными схемами восприятия,

соотношениями этих типов и всеми возможными силами и агентами, которые только допускаются этими интерпретативными формами» [27, с. 87].

Образно-схематические структуры

Рассмотрим несколько подробнее, каким образом автор теории когнитивных моделей видит структуру человеческого познания. На базовом уровне человек воспринимает мир в целостных образах (или образных схемах). Р.У. Лангаккер также говорит о некоем ментальном опыте человека, который «охватывает не только твердо установленные концепты, но также новые концепции и впечатления в момент их появления» [28, с. 10]. Этот опыт включает как абстрактные концепции, так и сенсорное, кинестетическое восприятие человеком окружающей среды. Концепт, установленный посредством ментального опыта, является шаблоном или моделью для построения лингвистических выражений.

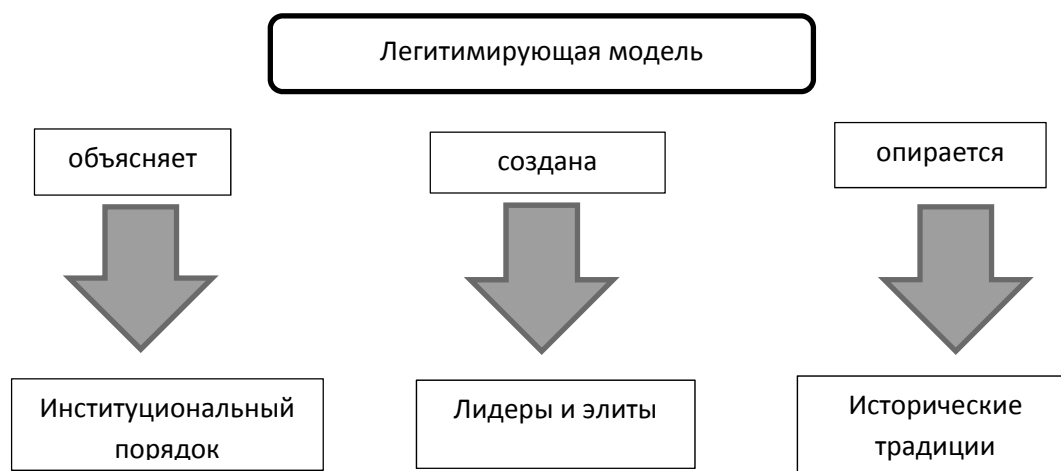

Рис. 3 / Fig. 3. Легитимирующая модель / Legitimacy Model

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

На рис. 2 показан пример, как конкретный эмпирический опыт соотносится с моделью. Встречая предмет в действительности, для того, чтобы начать его использовать, мы соотносим его с абстрактным шаблоном, который сформировался, опять-таки, на основе предыдущего эмпирического опыта. У разных культур сам набор таких шаблонов может существенно отличаться друг от друга.

Метафорическое отображение

Обратимся непосредственно к теории метафоры, предложенной Дж. Лакоффом, который считает, что индивид воспринимает окружающий мир посредством существующих в его сознании схем и концептов. Такие категории чаще всего воспринимаются посредством метафор. Именно поэтому автор утверждает, что «наша обычная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [29, с. 25]. Метафора по Лакоффу, это не только художественный троп, это трактовка одного понятия через термины сущности другого. Метафоры основаны на корреляциях между явлениями, которые закреплены в нашем опыте.

Метонимическое отображение

Метонимия отличается от метафоры тем, что она «обращает внимание на индивидуализированную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других сопresentствующих с ним предметов, метафора же дает сущностную характеристику объекта» [30, с. 5]. Дж. Лакофф выводит правило метонимической модели: «При том, что имеется ИКМ с некоторыми исходными условиями (например, организация расположена в некотором месте),

существует отношение «замещает», которое может установиться между двумя элементами А и Б, такое, что один элемент ИКМ, Б, может заместить другой элемент, А» [24, с. 111]. При этом Б — это место расположения организации, А — сама организация.

ЛЕГИТИМИРУЮЩАЯ МОДЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА

Опираясь на концепцию власти Бергера и Лукмана и отмечая, что легитимен тот порядок, который эффективно объясняет происходящее в обществе, а также задает параметры правильного и неправильного поведения, мы сможем интегрировать знания о легитимности и наработки в области дискурса. Результатом такого симбиоза может стать понятие **легитимирующей модели**, под которой мы понимаем модель, состоящую из базовых идеализированных когнитивных моделей (по терминологии Дж. Лакоффа), задающих принципы понимания социального мира, формирующих ценности и тем самым определяющих процесс легитимации власти.

Легитимирующая модель (рис. 3) содержит ряд важных знаний и представлений, которые объясняют социальные институты, принципы их функционирования. Это могут быть знания исторического, геополитического, культурного характера. Также эти знания могут содержать элементы идентичности, определяющие границы сообщества, принадлежность к нему, роли индивида в этом сообществе. Создание новых легитимирующих моделей — это, в первую очередь, прерогатива лидеров и элит. В свою очередь, вновь созданные метафоры легитимирующей модели должны опираться на уже существующую традицию легитимности. Создание

слишком большого количества новых метафор, не подкрепленных традицией, может привести к нарушению коммуникации между населением и властью, а также способствовать к кризису легитимности [31, с. 106]. Источник новых смыслов и правил может оказаться в изоляции, и его модель не будет воспринята должным образом.

При помощи языковых средств власть задает необходимый тон коммуникации, определяет терминологию. Формирование легитимности посредством дискурса — это сложный механизм, основанный не только на личных предпочтениях политической элиты, но и на исторических традициях и культурных ценностях. Внедрение новых институтов, приход нового лидера часто сопровождается формированием нового дискурсивного поля легитимации, принятии новых легитимирующих моделей [32, с. 91].

Во время кризиса легитимирующая модель утрачивает свойства объяснять институциональный порядок. Часто кризис легитимности сопровождается формированием новой легитимирующей модели, которая предлагает свое объяснение необходимости институциональных перемен или смены лидера.

Вне зависимости от того, какую природу носят сегменты общества (этническую, религиозную, идеологическую), в ситуации отсутствия общей легитимирующей модели невозможно наладить переговорный процесс между элитами для поддержания стабильного политического процесса. Внедрение институтов демократического представительства не будет являться достаточным для установления этого процесса. Помимо институтов, необходимо создание минимального консенсуса, который опирается на единую легитимирующую модель.

ВЫВОДЫ

Для анализа и оценки уровня легитимности в данной статье была предложена операциональная модель легитимации. Такая модель для применения ее на практике должна содержать два крупных блока: модель легитимности в сознании элит и аналогичную модель на уровне массового сознания. Если совпадения между этими моделями велико, значит, ситуация более или менее стабильна. Если же есть значимые расхождения в моделях, то это может быть предвестником надвигающегося кризиса. При

этом чаще всего для предотвращения кризиса достаточно провести корректировку на символическом дискурсивном уровне.

Источником информации для моделирования должны выступать, в первую очередь, неформальные или полупоформальные тексты — от вполне очевидных источников (вроде высказываний политиков и лидеров общественного мнения по поводу существующего порядка вещей) до кинематографа и телевидения. Мощный источниковый ресурс для анализа легитимности — тексты в социальных сетях, однако привлечение этих источников будет означать необходимость использования специального программного обеспечения.

Задача анализа в рамках оценки легитимирующей модели — выявить ряд **концептов** относительно текущего политического и социального порядка, выраженных в разных дискурсивных формах (метафорах, метонимиях, фреймах, образно-схематических структурах, иными словами — в ИКМ), которые объясняют правильность и справедливость существующего порядка. Модель предполагает, что также будут установлены логические взаимосвязи между этими концептами.

Использование форм дискурса как единиц анализа позволяет операционализировать анализ и оценку легитимности, дает возможности сравнения и прогнозирования развития ситуации. Также анализ дискурсивных практик непосредственно укоренен в повседневном опыте (в том числе, в опыте взаимодействия с властью и институтами). Привлечение большого объема данных снижает риск искажения восприятия информации (население не может массово обманывать нас в своих высказываниях, в отличие от социологических опросов, в которых есть риск, что ответы по поводу поддержки власти будут не совсем честными).

Часто важно понимать, какие элитные группы стали авторами и запустили эти концепты в оборот, так как их социальный политический бэкграунд накладывает определенный отпечаток на концепт. Также концепт так или иначе имеет инновационную и традиционную составляющую — смотрит в будущее и укоренен в традиции. Дальнейшее сравнение понимания и интерпретации концептов и их действующей силы на уровне элит и на уровне общества позволит выявить кризисные тенденции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: НИУ ВШЭ; 2019.
2. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс; 1999.

3. Skocpol Th. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press; 1979.
4. Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В. Революционные волны второй половины XX в.: взаимосвязь геополитики, насилия и легитимности. *Полис. Политические исследования*. 2019;(2):24–40.
5. Шульц Э.Э. К вопросу о классификации революций. *Полития*. 2018;2(89):137–155.
6. Чимирус Е.С. Революция. Опыт когнитивного осмысления понятия. *Полития*. 2008;(1):126–141.
7. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика; 1999.
8. Леви-Стросс К. Печальные тропики. Львов: Инициатива; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; 1999.
9. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Эксмо; 2006.
10. Olson M. The Logic of Collective Action. London, Harvard University Press; 1965.
11. Hirschman A. Exit, Voice and Loyalty. Cambridge; 1970.
12. Hegtvedt K.A., Johnson C. Power and Justice: Toward an Understanding of Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):376–399.
13. Hechter M. Legitimacy in the Modern World. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):279–288.
14. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон; 1996.
15. Horne C. A Social Norms Approach to Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):400–415.
16. Tyler T.R. A psychological perspective on the legitimacy of institutions and authorities. URL: https://www.researchgate.net/publication/7449571_Psychological_Perspectives_on_Legitimacy_and_Legitimation.
17. Tyler T.R. Psychological perspectives on legitimacy and legitimation. *Annual Review of Psychology*. 2006;(57):375–400.
18. Coicaud J.M. Legitimacy and Politics. A Contribution to the Study of Political Right and Political Responsibility. Cambridge; 1997.
19. Rothstein B. Creating Political Legitimacy. Electoral Democracy Versus Quality of Government. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):311–330.
20. Barker R. Legitimizing Identities. The Self-Presentation of Rulers and Subjects. Cambridge; 2001.
21. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Алетейя; 2007.
22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995.
23. Шмерлина И.А. «Социальная форма»: контуры концепта. *Полития*. 2019;3(94):6–27.
24. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры; 2004.
25. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия; 1979.
26. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс; 1989.
27. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, ФОМ; 2003.
28. Лангаккер Р.У. Когнитивная грамматика. М.: ИНИОН АН СССР; 1992.
29. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС; 2004.
30. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. М. Прогресс; 1990.
31. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти. Язык и моделирование социального взаимодействия. Сб. статей. М.: Прогресс; 1987.
32. Leeuwen T.V. Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse & Communication*. 2007;1(1):91–112.

REFERENCES

1. Tilly Ch. From mobilisation to revolution. Moscow: HSE; 2019. (In Russ.).
2. Eisenstadt Sh. Revolution and transformation of societies. Comparative study of civilisations. Moscow: Aspect Press; 1999. (In Russ.).
3. Skocpol Th. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press; 1979.
4. Rozov N.S., Pustovoit Yu.A., Filippov S.I., Tsygankov V.V. Revolutionary waves of the second half of the twentieth century: the relationship of geopolitics, violence, and legitimacy. *Polis*. 2019;(2):24–40. (In Russ.).
5. Schultz E.E. To the question about the classification of revolutions. *Polity*. 2018;2(89):137–155. (In Russ.).
6. Chimiris E.S. Revolution. Experience of cognitive understanding of the concept. *Polity*. 2008;(1):126–141. (In Russ.).
7. Levi-Strauss K. Primitive thinking. Moscow: TERRA-Book club; Republic; 1999. (In Russ.).

8. Levi-Strauss K. Sad tropics. Moscow: ACT Publishing House; 1999. (In Russ.).
9. Fraser J.J. The Golden bough: a Study of magic and religion. Moscow: Eksmo; 2006. (In Russ.).
10. Olson M. The Logic of Collective Action. London, Harvard University Press; 1965.
11. Hirschman A. Exit, Voice and Loyalty. Cambridge; 1970.
12. Hegtvedt K.A., Johnson C. Power and Justice: Toward an Understanding of Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):376–399.
13. Hechter M. Legitimacy in the Modern World. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):279–288.
14. Durkheim E. On the division of social labour. Moscow: Canon; 1996. (In Russ.).
15. Horne C. A Social Norms Approach to Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):400–415.
16. Tyler T.R. A psychological perspective on the legitimacy of institutions and authorities. URL: https://www.researchgate.net/publication/7449571_Psychological_Perspectives_on_Legitimacy_and_Legitimation.
17. Tyler T.R. Psychological perspectives on legitimacy and legitimation. *Annual Review of Psychology*. 2006;(57):375–400.
18. Coicaud J.M. Legitimacy and Politics. A Contribution to the Study of Political Right and Political Responsibility. Cambridge; 1997.
19. Rothstein B. Creating Political Legitimacy. Electoral Democracy Versus Quality of Government. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):311–330.
20. Barker R. Legitimizing Identities. The Self-Presentation of Rulers and Subjects. Cambridge; 2001.
21. Bourdieu P. Sociology of social space. Moscow: Aleteia; 2007. (In Russ.).
22. Berger P., Lukman T. Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. (In Russ.).
23. Shmerlina I.A. “Social form”: contours of the concept. *Polity*. 2019;3(94):6–27. (In Russ.).
24. Lakoff J. Women, fire, and dangerous things: what language categories tell us about thinking. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2004. (In Russ.).
25. Minsky M. Frames for knowledge representation. Moscow: Energiya; 1979. (In Russ.).
26. van Dyck T. Language. Knowledge. Communication. Moscow: Progress; 1989. (In Russ.).
27. Hoffman I. Analysis of frames: essays on the organisation of everyday experience. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2003. (In Russ.).
28. Langakker R.U. Theoretical grammar. Moscow: INION of the USSR Academy of Sciences; 1992. (In Russ.).
29. Lakoff J., Johnson M. Metaphors that we live by. Moscow: URSS; 2004. (In Russ.).
30. Arutyunova N.D. Metaphor and discourse. Metaphor theory. Moscow: Progress; 1990. (In Russ.).
31. Blakar R.M. Language as a tool of social power. Language and modelling of social interaction. Collection of articles. Moscow: Progress; 1987. (In Russ.).
32. Leeuwen T.V. Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse & Communication*. 2007;1(1):91–112.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Сергеевна Чимирус — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
chimiris@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Chimiris — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia
chimiris@gmail.com

Статья поступила 25.04.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.04.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-45-51
УДК 325.14(045)

Концептуальные основы регулирования миграционных процессов*

К.В. Аршин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>

АННОТАЦИЯ

В статье описываются концептуальные принципы, лежащие в основе оптимального регулирования миграционных процессов. С учетом мирового опыта, нашедшего свое выражение в социологических, политологических теориях, теориях международных отношений и теориях государственного управления, автором выделяются наиболее общие характеристики системы миграционной политики, свойственной развитым государствам. Их реализация позволяет государствам эффективно решать наиболее острые вопросы, касающиеся регулирования взаимоотношений между мигрантами и принимающим сообществом.

Ключевые слова: миграция; моделирование; культура; система; прагматизм

Для цитирования: Аршин К.В. Концептуальные основы регулирования миграционных процессов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):45-51. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-45-51

ORIGINAL PAPER

Conceptual Ground for the Regulation of Migration Processes*

K.V. Arshin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>

ABSTRACT

The article describes the conceptual principles underlying the optimal regulation of migration processes. Taking into account world experience, which finds expression in sociological, political science theories, theories of international relations and theories of public administration, the author identifies the most general characteristics of the migration policy system that is characteristic of developed states. Their observance allows states to effectively address the most pressing issues regarding the regulation of relations between migrants and the host community.

Keywords: migration; modelling; culture; system; pragmatism

For citation: Arshin K.V. Conceptual ground for the regulation of migration processes. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):45-51. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-45-51

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on a state assignment to the Financial University.

В современном публицистическом и политическом дискурсах миграция зачастую рассматривается как угроза национальной идентичности, суверенитету и экономическому развитию. Мигранты маркируются в качестве «паразитов», которые «высасывают все соки» из системы государственного обеспечения страны-реципиента, носителей экстремистской идеологии, основной причины ухудшения криминогенной обстановки и роста конфликтности в государствах-реципиентах [1]. Однако не менее остро звучат голоса тех, кто указывает на необходимость миграции, демонстрируя ее вклад в демографическое и экономическое развитие, повышение технического развития государства-реципиента, его ВВП и уровня жизни коренного населения, которое обогащается как материально, так и духовно, осваивая новые привносимые мигрантами социокультурные практики.

В связи с тем, что при сохранении существующей глобальной системы общественно-экономических отношений масштабы международной миграции будут только нарастать, указанные споры, очевидно, будут звучать все более громко и, вероятно, служить основой для формирования правового режима, ограничивающего миграцию и дискриминирующего отдельные категории мигрантов. Характерно, что подобные практики в течение длительного времени уже реализуются в ряде стран мира. Безусловно, данные государства не имеют длительной традиции демократии и не могут быть названы либеральными. Однако и некоторые демократические государства (прежде всего США) предпринимают ряд мер, нацеленных на ограничение притока мигрантов на свою территорию. Масштабные кризисные миграции 2014–2016 гг. спровоцировали во многих странах Евросоюза всплески антииммигрантских выступлений, подвигнувших политический класс указанных государств к принятию ограничительных мер в отношении мигрантов. Так, 9 государств Европы (Словакия, Греция, Дания, Италия, Мальта, Чехия, Польша, Венгрия и Австрия) открыто отказались принимать прибывающих их стран Северной Африки и Ближнего Востока беженцев. Франция отклонила уже согласованный с ФРГ механизм перераспределения квот для соискателей убежища в странах Европейского союза. В Германии значительную поддержку населения приобрела политиче-

ская партия «Альтернатива для Германии», чья программа содержит меры по ограничению иммиграции в страну.

Вместе с тем следует отметить, что государства-реципиенты международных миграционных потоков активно реализуют меры, направленные на привлечение отдельных категорий мигрантов, в частности — высококвалифицированных специалистов, при одновременной либерализации правил осуществления миграции в качестве элемента межрегиональной, прежде всего — экономической интеграции.

В Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции представлены основные принципы, на основе которых должны выстраиваться международные стандарты регулирования миграционных процессов. К таковым отнесены:

- ориентированность на интересы людей, т.е. обеспечение интересов мигрантов, жителей стран исхода, транзита и назначения;
- международное сотрудничество, т.е. необходимость вовлечения в диалог по проблемам миграции как глобального явления как можно большего числа стран;
- национальный суверенитет, т.е. право каждой страны в рамках собственных границ проводить национальную миграционную политику и регулировать миграцию;
- верховенство права и соблюдение правовых процедур, т.е. соблюдение государствами, общественными организациями и отдельными людьми правовых норм государства пребывания, а также соответствие этих норм международным нормам;
- устойчивое развитие, т.е. утверждение позитивной роли миграции в устойчивом развитии стран при надлежащем управлении миграционными процессами;
- права человека, т.е. требование к государствам обеспечить уважение, защиту и осуществление прав человека любого мигранта, независимо от его миграционного статуса, на всех этапах миграционного цикла;
- учет гендерных аспектов, т.е. учет гендерного равенства и обеспечения всех потребностей мигрантов на всех этапах миграционного цикла вне зависимости от пола мигранта;
- учет интересов детей, т.е. реализация принципа приоритетного обеспечения интересов детей как имеющих первостепенное значение при любых обстоятельствах;

- вовлечение всех государственных структур, т.е. участие всех государственных органов в разработке и реализации эффективных программных установок и практических мер в сфере миграции;

- вовлечение в процессы регулирования миграции как самих мигрантов и формируемых ими диаспор, так и коренных жителей, институтов гражданского общества, политических партий, научных кругов, средств массовой информации, а также иных институтов* [2].

Указанные принципы, безусловно, отражают характер документа, в котором они изложены, и общий вектор направления развития глобальной миграционной системы. Тем не менее прослеживающийся акцент на интересах мигрантов при недостаточном внимании к интересам коренного населения стран — реципиентов миграционных потоков (что объясняется самим характером документа), а также его излишняя идеологичность не позволяют рассматривать указанные принципы в качестве концептуальных основ выстраивания политики регулирования миграции, имеющих универсальное значение и готовых быть востребованными в рамках существующих миграционных систем. Для обеспечения подобной востребованности в них необходимо внести ряд изменений. В первую очередь, это касается определения основного понятия, которое должно быть положено в основу данного принципа.

Прежде всего, необходимо указать, что сфера миграции подавляющего большинства стран мира носит характер открытой системы. Особенностью открытой системы является ее взаимодействие с окружающим миром, который состоит из подобных систем. Более того, такое отношение выступает как конститутивное для образования и функционирования открытой системы. Это обуславливает тот факт, что все происходящее одновременно относится и к самой системе, и к окружающему ее миру. Иными словами, наблюдается взаимозависимость системы и окружающего мира. При этом следует учитывать, что окружающий мир для каждой системы уникален, а единство окружающего мира складывается благодаря самой системе. Как следствие, «окружающий мир» рассматривается такой системой как «все остальное», т.е. то, что системой не является. В этом смысле

открытая система тотализирует саму себя, рассматривает себя как более комплексный, более сложный феномен. Однако делает она это лишь в противостоянии с окружающим миром.

Поскольку в окружающем мире возможно существование нескольких подобных открытых систем, они могут взаимно обнаружить друг друга. В этом случае выстраиваются межсистемные отношения, которые необходимо отличать от отношений системы и окружающего мира. Межсистемные отношения строятся на принципе проникновения и взаимопроникновения. Характер этих взаимоотношений наиболее полно отразил один из ведущих современных социологов, создатель теории социальных систем Н. Луман: «Мы будем говорить о проникновении, если одна система предоставляет в распоряжение собственную комплексность (а вместе с ней неопределенность, контингентность и принуждение к отбору) для построения другой системы. <...> Взаимопроникновение, соответственно, имеет место в том случае, когда такое положение вещей имеет место взаимно, таким образом, если обе системы содействуют друг другу благодаря тому, что всякий раз вносят свою собственную, уже конструировавшуюся, комплексность в другую» [2, с. 286]. Указанные принципы межсистемных взаимоотношений хорошо иллюстрируются историей миграционных потоков. Так, проникновение очевидно имело место при формировании иммигрантских государств Нового света, Австралии и Новой Зеландии, когда массы иммигрантов по сути дела переносили на новое место жительства те принципы политического и социального устройства, которые господствовали в государствах исхода. В рамках существующих взаимоотношений, очевидно, господствует взаимопроникновение, предполагающее взаимообогащение, строящееся на принципах прагматизма.

Принцип прагматизма следует рассматривать в качестве еще одной концептуальной основы системы регулирования миграционных процессов. В данном случае прагматизм не следует понимать в его обыденной трактовке как позицию, основанную на формировании поведения, построенного на принципе практической пользы и ориентированного на получение позитивных результатов. В рамках описания концептуальных основ управления миграционными процессами полезным будет обратиться к наследию американского социального философа Дж.Г. Мида, для которого «прагматизм» выступал в качестве

* Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. 22.01.2020. URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.231/3>.

универсального методологического инструмента разрешения конкретной проблемной ситуации, которая, в свою очередь, рассматривалась в качестве детерминанты смыслов высказываний о ней, познавательных инструментов, используемых для ее изучения и, как следствие, предполагаемых результатов ее разрешения. Иными словами, по мысли Мида, любая проблемная ситуация создается в процессе взаимодействия между людьми в процессе их деятельности, реализации ими каких-либо практик. Сами эти практики рождаются сознанием индивида в процессе действий, ориентированных на других людей, и взаимодействий с ними. Соответственно, прагматизм как методологический принцип требует обращения именно к причинам, породившим проблему, анализа тех практик, которые к ней привели, и в конечном счете тех интересов, которыми руководствовался индивид. В рамках исследуемой темы принцип прагматизма требует рассматривать процесс регулирования миграции как ситуацию выстраивания практик коммуникации с целью определения интересов, которые лежат в основе принятия тех или иных управленческих решений, выбора инструментария реализации этих решений, а также расчета их конечного результата с учетом всех позитивных и негативных последствий — как для инициатора решения, так и для всех вовлеченных в него. Данный методологический принцип одинаково применим как на национальном, так и на глобальном уровне управления.

Использование принципа прагматизма ставит вопрос о принципе интереса как движущей силе управления миграционными процессами. В формулировании трактовки принципа интереса, лежащего в основе управления миграционными процессами, автор данного исследования полагает эвристически правильным обратиться к понятию «национальный интерес», широко используемому в современном дискурсе международных отношений. Указанное обращение оправдано, поскольку международные миграционные потоки выступают фактором, оказывающим существенное влияние на развитие современных международных отношений. В данном случае обратимся к пониманию термина «национальный интерес» одним из основателей науки о международных отношениях — Гансом Моргентау. В своей работе «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» он дал следующее определение этому термину: «Многолетний стандарт, в соответствии с которым оцениваются и на-

правляются политические действия» [3]. Данное понятие помогает рационализировать действия государства на международной арене, поскольку выступает абстрактным выражением интереса государства, а не позиции определенного политика, обусловленной его личными философскими или политическими взглядами. Важно отметить, что носителем национального интереса всегда выступает государство. Данное обстоятельство заставило последователей Моргентау внести в его концепцию определенные новации. Так, социолог Фрэнк Сороф, апеллируя к распространенности демократической формы правления, предложил заменить термин «национальный интерес» термином «общественный интерес» [4], поскольку, с его точки зрения, последний более четко отражает реалии современности, когда именно общество определяет направления развития государства и его приоритеты.

В рамках указанной статьи полагаем корректным использовать оба термина, разграничив их применение и вложив в них следующее содержание. В случае если речь идет о взаимодействии государств (что имеет место при установлении общих правил регулирования миграционных потоков), то следует говорить о «национальном интересе» как стандарте, отражающем на международной арене сформированный в рамках внутривнутриполитических дискуссий «общественный интерес». В этом плане «национальный интерес» является сугубо рациональным конструктом. Он не несет в себе ценностной окраски и представляет собой консолидированную позицию, рожденную в рамках внутривнутриполитических дискуссий. В свою очередь, «общественный интерес» — более сложное понятие. Он всегда имеет ценностную окраску, поскольку формируется как результат столкновения различных социальных групп. Проблема выработки «общественного интереса» обусловлена тем, что современные государства представляют собой конгломерат соперничающих социальных групп и групп по интересам, отражающих размежевание по политическим, экономическим, социальным, этническим, культурным и многим иным основаниям. И, соответственно, то, что может быть выгодно для одних групп, другие группы могут рассматривать как попрание своих интересов. Сфера миграции в данном случае предоставляет множество примеров того, как подобные интересы сталкиваются. Так, крупному бизнесу в целях снижения издержек на производство

продукции может быть выгодно привлечение большого числа иностранных рабочих; «синим воротничкам» это, напротив, невыгодно, так как заставляет их конкурировать с мигрантами за рабочие места, а также снижает уровень заработной платы. Представители политических партий могут поддерживать крупный бизнес, так как предоставление права гражданства мигрантам увеличивает электоральную базу. Напротив, коренное население может выражать недовольство из-за увеличивающегося количества иностранцев, которых оно рассматривает в качестве источника ухудшения криминогенной ситуации. В столкновении подобных стремлений и ориентаций и формируется «общественный интерес».

В значительной степени на форму и содержание «общественного интереса» влияет культура сообщества. В данном случае под культурой понимается совокупность накопленных знаний, норм поведения и психологических установок, которые имеют исторические, контекстуальные и эпистемологические корни и формируют иерархию идентичностей. Культуру также следует признать одной из концептуальных основ регулирования миграции. Несмотря на тот факт, что ее в значительной мере недооценивают, именно культура служит основой формирования шаблонов поведения человека, определяет устойчивость его идентичности, модель его жизни и, как следствие, модель функционирования социума в целом. Условно можно говорить о существовании двух типов культур — закрытых и открытых. Первые характеризуются ригидностью по отношению к новациям и ориентированы на стабильность и воспроизводство образцов, выработанных в течение прошедших десятилетий (или столетий), в зависимости от длительности существования государства). Вторые характеризуются готовностью к адаптации и развитию в соответствии с меняющимися условиями среды. Многочисленные исследования, проведенные американским политологом Р. Инглхартом, свидетельствуют, что первый тип культур свойственен бедным странам и государствам со средними доходами, в то время как второй — богатым государствам [5]. В приложении к проблематике миграции, это означает, что страны-доноры и страны-транзитеры характеризуются закрытыми культурами, в то время как страны-реципиенты миграционных потоков относятся к государствам с открытыми культурами. Одним из результатов этого становится усложнение процессов выработки едино-

го «общественного интереса» в силу дробления коренного населения на более мелкие группы из-за неравной предрасположенности отдельных людей к инкорпорации новых культурных ценностей в свое мировоззрение, появления новых сфер занятости и т.д., а также увеличения числа мигрантов, которые, в свою очередь, также делятся на группы. В силу этого политические и культурные элиты «приватизируют» процесс выработки «общественного интереса» как выражения совокупного интереса большей части граждан страны, подменяя его идеологическими постулатами. Результатом этого становится рост ксенофобских и антииммигрантских настроений, политическая мобилизация и рост числа сторонников партий, выступающих с антииммигрантскими лозунгами.

Исходя из изложенного, можно определить еще один концептуальный принцип, который должен лежать в основе регулирования миграционных процессов — деидеологизация. Процесс выработки управленческих решений в сфере миграции, выбор инструментов их реализации должен быть принципиально лишен идеологической окраски. Причина этого в том, что наличие идеологии накладывает определенные ограничения на содержание указанных решений. К примеру, идеология прав человека в либеральной трактовке требует установления свободы передвижения, отказа от виз и паспортов, предоставления каждому права селиться там, где он хочет, и работать по той специальности, по которой он хочет. Указанный принцип реализуется в рамках национальных границ. Однако либеральная идеология требует реализации принципа свободы перемещения и в рамках межгосударственных отношений, но государства, полагаящие себя либеральными демократиями, отказываются реализовать принцип открытых границ на межгосударственном уровне, аргументируя это тем, что их экономики не выдержат массового наплыва мигрантов. Это было подтверждено в рамках Европейского миграционного кризиса 2014–2016 гг., в рамках которого была осуществлена попытка реализации на практике либеральных идеологических постулатов. В результате произошел значительный рост уровня антииммигрантских настроений. Похожий пример демонстрирует Саудовская Аравия: в рамках существующей идеологической модели осуществляется крайне жесткий контроль над мигрантами, следствием чего становятся мигрантские бунты, что способ-

ствуется принятию еще более жестких мер. При этом и европейские страны, и Саудовская Аравия нуждаются в мигрантах для реализации программ экономического развития. Приведенные выше примеры демонстрируют негативную роль, которую играют идеологические постулаты при выработке управленческих решений. При этом необходимо отметить, что отказ от идеологии не означает исключение аксиологического элемента из процесса регулирования миграционных процессов. При отсутствии данного элемента сам процесс сводится к экономическому расчету, что в среднесрочной и долгосрочной перспективах может иметь негативные последствия. Пример подобных негативных последствий был изложен немецким политиком Тило Сарацином в книге «Германия. Самоликвидация»: «Повсюду в Европе поначалу исходили <...> из того, что эти мигранты [мусульмане] будут разделять западно-европейскую систему ценностей <...> Этого не произошло, напротив: среди въехавших мусульман и их потомства усиливается тенденция культурной и пространственной самоизоляции. Европейская социальная система не способствовала интеграции в рынок труда и облегчала возможность оставаться среди своих — за счет европейских социальных касс. <...> Это привело к тому, что во всех затронутых европейских странах росла агрессия автохтонного большинства населения против этой чуждой группы» [6, с. 233].

Наконец, важным принципом регулирования миграционных процессов следует признать их моделирование. В данном случае моделирование трактуется как паттерн, обеспечивающий возможность на основе анализа существующих причинно-следственных связей установить наиболее оптимальные формы и методы реализации миграционной политики, оценить влияние ее содержания на состояние социума, направления его движения к открытому или закрытому типу культуры. При моделировании важную роль играет подход к причинно-следственным связям. В данном случае их нельзя воспринимать как линейный феномен. Напротив, они представляют собой сложную сеть, в которой причина и следствие находятся в постоянной взаимозависимости, подменяя друг друга.

Проведенный выше анализ позволил установить следующие концептуальные основы регулирования миграционных процессов:

1. Миграционная система каждого государства является открытой и находится в постоянном

взаимодействии с иными подобными системами. Указанные миграционные системы строятся на основе принципа взаимопроникновения, что предполагает взаимообогащение в экономическом, культурном и социальном плане.

2. Регулирование степени взаимопроникновения и взаимообогащения должно подчиняться принципу прагматизма, опирающегося на практики коммуникации для определения оптимальных управленческих решений, которые бы способствовали реализации интересов большей части граждан государства.

3. Указанные интересы формулируются в виде национальных и общественных интересов. Первые служат отражением вторых, в свою очередь, общественный интерес формулируется в рамках столкновения и соперничества социальных групп внутри государства.

4. Значительное влияние на форму и содержание общественного интереса оказывает тип культуры, преобладающий в стране. Закрытый тип культуры позволяет снизить социальные затраты на формулирование общественного интереса, но он характерен для государств — доноров миграционных потоков. Открытый тип культуры, наоборот, повышает социальные затраты на формулирование национального интереса, и, как следствие, в ситуации динамичного развития, требующего достаточно быстрых решений, общественный интерес часто подменяется идеологическими постулатами. Это, в свою очередь, негативно влияет на миграционную систему в целом, способствует формированию условий для меньшего ее взаимодействия с окружающей средой и иными системами.

5. Процесс разработки решений в сфере управления миграционными процессами должен быть принципиально деидеологизирован. При этом он должен быть принципиально аксиологическим, т.е. строиться с учетом тех ценностей, которые исповедует общество и которые близки большей его части.

6. В целях оценки всех позитивных и негативных последствий принятия мер при управлении миграционными процессами следует использовать метод моделирования, поскольку он позволяет оценить влияние данных мер на общество, возможные изменения содержания общественного интереса, траектории движения к открытому или закрытому типу культуры, а следовательно — рост ксенофобских и антииммигрантских настроений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Менц Г. «Полезные гастарбайтеры», обременительные беженцы и вторая волна сокращений социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния. *Прогнозис*. 2007;1(9):117–141.
2. Луман Н. Социальные системы. М.: Наука; 2007. 641 с.
3. Моргантау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир. *Социально-политический журнал*. 1997;(2):189–201.
4. Sarauf F. Public Interest. Reconsidered. *The Journal of Politics*. 1957;19(4):616–639.
5. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как меняются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль; 2018. 347 с.
6. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: Рид Групп; 2012. 400 с.

REFERENCES

1. Menz G. “Useful migrant workers”, burdensome refugees, and the second wave of cuts in social spending: the relationship between migration and the welfare state. *Prognosis*. 2007;1(9):117–141. (In Russ.).
2. Luman N. Social systems. Moscow: Nauka; 2007. (In Russ.).
3. Morgenthau G. Political relations between nations. The struggle for power and peace. *Sotsialno-politicheskii zhurnal*. 1997;(2):189–201. (In Russ.).
4. Sarauf F. Public Interest. Reconsidered. *The Journal of Politics*. 1957;19(4):616–639.
5. Inglehart R. Cultural evolution. How human motivations are changing and how this is changing the world. Moscow: Mysl; 2018. (In Russ.).
6. Sarracin T. Germany: self-destruction. Moscow: Read Group; 2012. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Валерьевич Аршин — старший научный сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Kosta-10@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Arshin — Senior Researcher, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
Kosta-10@yandex.ru

Статья поступила 03.03.2020; принята к публикации 30.03.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 03.03.2020; accepted for publication on 30.03.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Онтология гуманитарного знания в условиях информационного общества

С.В. Герасимов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-2303-8816>

АННОТАЦИЯ

Гуманитарные науки на всем формировании культурного опыта человечества зависели от среды, в которой они развивались, и от представлений о реальности, которые преобладали в этой среде. Современные гуманитарные науки находятся в состоянии ролевой неопределенности, в том числе связанной со стремительной эволюцией современного информационного общества. Целью статьи является преодоление такой неопределенности. Автор приводит основные этапы эволюции взаимодействия и онтология гуманитарного знания в цифровом обществе в последние два десятилетия. Статья является частичной репрезентацией результатов межвузовского исследования, проводимого в 2019 г. в СПбГУ на Факультете свободных наук и искусств: «Нарративы публичных коммуникаций в современной России». Процесс исследования онтологии гуманитарного знания в цифровой среде продолжается в связи с тем, что реальность динамически изменяется. Исследователи находятся в двойственной ситуации: возможно изучение и обобщение наблюдаемых результатов за рассматриваемый период перехода от постиндустриального социума к современной концепции реальности и моделирование будущей концептосферы как множества сущностей и категорий, находящихся в событийном взаимодействии как коммуникативной среды с заранее заданными параметрами. При этом необходимо учитывать тот факт, что социальная реальность современного общества уже сформировала свою междисциплинарную специфику, которая подлежит онтологическому осмыслению.

Ключевые слова: информационное общество; социальная реальность; моделирование реальности; концептосфера; событийное моделирование; публичные коммуникации

Для цитирования: Герасимов С.В. Онтология гуманитарного знания в условиях информационного общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):52-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-52-57

Ontology of Humanitarian Knowledge in the Information Society

S.V. Gerasimov

The Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2303-8816>

ABSTRACT

The Humanities, throughout the formation of the cultural experience of humankind, depended on the environment in which they developed, and on the concepts of reality that prevailed in this environment. Modern Humanities are in a state of uncertainty as concerns its roles, including those associated with the rapid evolution of the contemporary information society. The purpose of this article is to overcome this uncertainty. The author presents the main stages of interaction evolution and the ontology of humanitarian knowledge in the digital society in the last two decades. The article is a partial representation of the results of intercollegiate research conducted in 2019 at the Faculty of Free Arts and Sciences of Saint Petersburg State University: "Narratives of public communications in modern Russia". The process of studying the ontology of humanitarian knowledge in the digital environment is a continuous one because reality is changing dynamically. Researchers are in a dual position: it is possible to study and generalise the observed results during the period of transition from post-industrial society to the modern concept of reality; to model the future conceptual sphere as a set of entities and categories that are in event interaction as a communicative environment with predetermined parameters. At the same time, it is necessary to take into account the fact that the social reality of modern society has already formed its interdisciplinary specificity, which is subject to ontological understanding.

Keywords: information society; social reality; reality modelling; concept sphere; event modelling; public communications

For citation: Gerasimov S.V. Ontology of humanitarian knowledge in the information society. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):52-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-52-57

ВВЕДЕНИЕ

Концепция информационного общества, которая активно обсуждалась в конце XX в., поэтапно отвоевывала пространство у постиндустриального общества, смещая свою границу от точных и естественных наук в сторону гуманитарных. Процессы, происходившие и происходящие во взаимной коммуникации гуманитарных и естественнонаучных пространств, развивались в определенном порядке, который определил не столько место гуманитарного пространства в информационном обществе, сколько взаимное проникновение и интеграцию в новом качестве. Появились исследования, в которых рассматривается концепт нового социального пространства в «рамках культурной политики и гуманитарных технологий» [1]. Изучая опыт взаимодействия гуманитарного и естественнонаучного способа в процессе описания реальности в начале XXI в., можно обнаружить динамические особенности их взаимного существования в новой, цифровой реальности.

Рассмотрим эволюцию гуманитарного знания по следующей траектории. Во-первых, гуманитарное знание возникло в системе языка: в системе знаков и социальной коммуникации, социальной семиотики. Поэтому любое знание несет в себе «самоформу» (Eigenform, например, по Фёрстеру, Кауффману). Поскольку любое коллективное знание упаковано в систему или множество знаков, а цифровые множества представляют собой часть подмножества этой системы, то можно предположить, что основы цифрового пространства были заложены уже в основании семиотики. Во-вторых, эволюционируя от вспомогательной и прикладной функции, цифровые инструменты сформировали в гуманитаристике определенную практику, среду функционирования социума — информационное общество. Успеху цифровизации гуманитарного знания способствовало конкурентное преимущество, которое получали те области гуманитаристики, которые активно преобразовывались в цифровой формат. Концепт динамического развития социальной реальности информационного общества представляет интерес для дальнейшего исследования и описания. В настоящее время можно отметить, что цифровые алгоритмы увеличили скорость и плотность коммуникаций, изменили язык, технологизировали восприятие [2]. Во многом цифровая реальность сформировала феномен медиасферы и медиапространства, как особые

проявления новой действительности. В-третьих, цифровая социальная среда оказала влияние на интенциональность восприятия, целеполагание, способы и правила коммуникации, изменила и дополнила коллективную и персональную реальность. Формирование социально-культурного опыта под воздействием цифровых алгоритмов генерирует новые субреальности, создает собственные практики порождения знания, собственные логики, модальности, сквозные десигнации между мирами. В-четвертых, сплит реальностей под воздействием новых возможностей породил новые модели кроссреального взаимодействия. В первую очередь, это системы распределенного знания (шеринга), распределенной экономики, ответственности, распределенного управления, распределенного отдыха и развлечения. Последняя составляющая сформировала два актуальных тренда: «серфинг» по реальностям и необходимость коллективного, часто кросскультурного, взаимодействия. В-пятых, информационное и постинформационное общество реализовало гуманитарные задачи, создав с помощью цифровых методов все возможные пространства. Новое плоско-имманентное общество [3] формирует реальность под любой запрос. В этих условиях желания становятся все менее артикулированными, появляется необходимость зафиксировать ощущение эмоционального благополучия. В этом состоянии любое отклонение от состояния «здесь и сейчас» хуже чем то, что «есть». В такой мультиреальности нет описания будущего.

ОЦИФРОВАННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

Первый этап взаимодействия предполагал совершенствование технологий по оцифровке аналоговой информации для создания новых удобных инструментов в области социально-культурных технологий. Развитие, например, цифровой фотографии, алгоритмов по записи звука и изображения позволило существенным образом сократить скорость производства, обработки аналоговых массивов, увеличило объемы хранения информации. Цифровые технологии в области телекоммуникации повысили надежность и помехозащищенность каналов телекоммуникационных передач данных. Развитие унификации и синхронизации потоков информации с помощью цифровых технологий, в первую очередь — заслуга военных ведомств разных стран. Их разработкам информационное общество обязано наличием у гражданского

населения компьютеров, мобильных планшетов и телефонов, сканеров, цифровых видеокамер и многих других устройств, без которых невозможно существование информационного общества. Подобно тому, как Галилей взял военный телескоп и приспособил его для астрономических наблюдений, многие владельцы современных девайсов пользуются версиями военных цифровых разработок для различных целей: социально-культурных, деловых, политических, научных и пр. Разработками военной промышленности являются также тренажеры, симуляторы, обучающие программы и новые интерактивные интерфейсы. Кроме этого, существует некоторое количество проектов в области цифровых технологий, специально ориентированных на решение задач в гражданской сфере [4].

Важным свойством цифровых инструментов является создание новых баз данных, информационных библиотек и архивов, коммуникационных каналов по оперативному обмену данными из этих баз, а также возможность работать на удаленном доступе.

На этом этапе о цифровизации гуманитарного знания как о «гуманитарной информатике» писали многие исследователи, подробно эта дискуссия изложена в сборнике статей по цифровым гуманитарным наукам [5].

МЕДИАСФЕРА

Новые технологии по переводу информации из аналоговой в цифровую форму стали «орудиями труда», которые заменили предыдущие способы работы с информацией во многих случаях. Ситуация по формированию нового типа общества через изменение орудий труда подробно описана многими авторами, в том числе, Марксом и Лениным [6]. Место гуманитарной информатики в социальном пространстве было определено в процессе массового замещения цифровыми алгоритмами предыдущих технологий, в первую очередь, в массовом сознании и массовой культуре. В истории технологизации гуманитарного опыта в разные времена происходили одинаковые процессы. С развитием письменности появилась возможность хранения большего объема информации. С появлением печатного станка, почты, радио и телевидения происходила качественная смена социальной реальности, вызванная новыми возможностями работы с информацией. По этой аналогии информатике в области гуманитарного знания на первых этапах отводилась

инструментальная роль — как в свое время при изобретении письменности.

Новая социальная реальность информационного общества реализовалась в медиасфере, как системе с обратной связью. Многие социальные реальности, конфликтующие на почве секулярности, культурных, политических, возрастных и других барьеров [7], нашли возможности для диалога и кросскультурной коммуникации в рамках медиасферы. В основе обратной связи, сделавшей медиасферу уникальным пространством, лежит принцип событийной интеракции, разработанный и реализованный, в том числе, в методике организации и проведения интерактивных специальных событий [8], а также в методиках по созданию социального партнерства [9].

Переход от интерактивной действительности к виртуальной интерактивности стал возможен для каждого участника социума. Участники медиасферы могли сами формировать не только маркетинговые рейтинги, но и активно участвовать в генерации контента, в создании и изменении сценариев. Поворотной точкой в осознании места цифровых технологий в гуманитарном знании стало создание реальностей под желания участников. Была создана медиасфера — новая реальность, которая реализовывала коммуникационные задачи и стала местом, в котором содержатся различные пространственно-временные модальности: микро- и макромир, соседние и дальние страны. Кроме пространственных координат, вполне возможно оказаться в мире фантазий: среди средневековых героев или в межзвездных путешествиях. Этот мир можно отредактировать с помощью игрового интерфейса или сочинить свой. Вполне возможно представить эпоху Брежнева, но без очередей за дефицитом, период Сталина, но без репрессий, а с передовыми технологиями. Новые возможности передовых технологий в цифровой сфере реализуют принцип конструктора «лего». Фактически каждый человек способен создать себе желаемую реальность с любым набором сущностей, событий, предикатов, логики.

Поэтапный переход и перенос социокультурной, деловой, политической и научной активности в среду цифровых технологий создали новые виртуальные и дополненные реальности, обладающие возможностью к самовоспроизводству. В этих реальностях возникли и существуют свои правила и логики, технологии производства новых опытов, артефактов, событий. Присутствие определенных условий реальности чутко улавливается фанатами: любая фальшь в сериале вызовет смех в зрительном зале, критику на форуме поклонников.

Новая среда стала не только местом работы, но и развлечений. Подобное пространство не требовало от своих посетителей контроля временных рамок: теоретически человек может находиться в нем постоянно. Высокая степень взаимодействия и проникновение медиапространства (ставшее, по П. Сорокину, классическим [10]) в социальное пространство потребовало нового осмысления, создания онтологии массовых коммуникаций. Для этого необходимо присутствие гуманитарного знания в процессах целеполагания, методологии. Очевидно, что новая реальность взаимного существования гуманитарно-цифровых знаний должна быть большей, чем рекомбинаторика отдельно взятых пространств.

Французский социолог и философ П. Бурдьё предложил рассмотреть физическую действительность как репрезентативную проекцию нового социального пространства [11]. Если говорить о Галилее, то, взяв телескоп у военных, он с его помощью изменил концепт реальности, которая создала новый габитус у многих представителей цивилизованного населения, включая и военных.

СПЛИТ, МОДЕЛИРОВАНИЕ, СЕРФИНГ, ШЕРИНГ

Развитие новых координат знания в естественных науках и нежелание существовать только в физической действительности привели к формированию феномена сплита (split) в культуре, и вслед за этим возникло множество новых связанных и автономных реальностей. Так, например, кроме физической реальности, появляются реальности, связанные с медициной, музыкой, конструкторской деятельностью, химией, биологией, математикой и др. Развивается жанровое разнообразие в кинематографе, литературе, театре, изобразительном искусстве, музыке и хореографии. В информационном обществе, с развитием цифровых технологий, возникает большое количество виртуальных и игровых пространств. Во многом пространство существования современного обитателя социальной реальности сочетает в себе различные реальности, взаимно проникающие друг в друга. Появляется новое поле для возможного исследования. В условиях сплита реальностей и постоянного изменения существенных условий их существования основной проблемой концептосферы информационного общества является выстраивание сквозной системы определения концептов реальности. Для этого нужно рассмотреть концептосферу как систему реальностей, определить возможные

миры как системы описания состояний находящихся в них сущностей, событий, персонажей и их взаимодействия. Открывается возможность выстраивания и обоснования модальных логик. Поиск и построение универсальных интегирональных модальностей приведет к созданию постоянно обновляющейся глобальной концептосферы, включающей в себя унифицированные контексты: веры, знания, правды и т.д. Возникнет возможность синтезировать различные мировоззрения сквозной десигнацией, то есть, не меняя концепты реальностей отдельных культур и субкультурных сообществ и их реальностей, можно выстраивать динамические системы кроссреального взаимопонимания.

Вопрос моделирования взаимодействия гуманитарной сферы и цифровой реальности опирается на аналогичные процессы, которые происходили в прошлом. В рамках конструктивистской методологии, с помощью цифровых технологий, можно проследить процессы формирования новой digital humanitites (цифровые гуманитарные технологии). Возможные проблемы и страхи моделирования реификации и верификации нового пространства совпадают с аналогичными проблемами при возникновении новых технологий в социокультурной сфере в прошлом.

Систематизация концептосферы позволит пронаблюдать общие для системы экзистенциальные черты, сопряжение в подобие десигнаторов, модальностей различных миров. Подобный подход позволит расставить маркеры для реальностей [12], и, в случаях пересечения реальностей, определить меру присутствия каждой в любой момент времени.

В этой связи социальная активность граждан формирует новую компетентность, которая выходит на лидирующие позиции в системе ценностей информационного и постинформационного общества. Речь идет о нахождении человека одновременно в различных мирах, умении связывать разные пространства между собой едиными логиками и десигнаторами, навыками моментально распознавать маркеры пространств. Этот феномен получил название «серфинг», по аналогии со скольжением спортсменов по волнам на специальной доске. «Синдром серфинга» в науке [13] позволяет достичь определенной скорости в исследовании реальностей, но при этом оставляет ощущение поверхностного изучения вопроса. С другой стороны, подобный «серфинг» — необходимый элемент выстраивания

коммуникационных процессов в междисциплинарных отраслях [14].

СМЕНА ОЧЕВИДНОСТИ

Необходимость решать задачи с использованием больших баз данных привела к созданию практик по передаче стандартных алгоритмов на аутсорсинг. Человек не в состоянии быть экспертом в достаточном количестве реальностей, поэтому он вынужден доверять брендотворчеству и мифотворчеству. Создается унифицированный ценностный мифодизайн постинформационного общества [15]. Борьба с манипуляцией, недоверием и вынужденным доверием постепенно формирует в обществе основы распределенного поручительства на основе принципов public responsibility (публичная ответственность).

При этом стандартному пользователю нет необходимости быть специалистом во многих областях. Ему даже нет разницы, кто ведет его автомобиль: искусственный интеллект или человек. Распределенное знание, как и распределенная ответственность — новый навык, подразумевающий смену ценностных ориентиров. В отсутствие «образа будущего» социальная реальность выстраивается в новую иерархию, в которой, кроме навыков кроссреального серфинга, важным свойством становится коммуни-

кационная активность, умение собирать команды под новые проекты и уметь эффективно работать в команде малознакомых людей. Шеринг, как способ существования информации, подразумевает определенное соотношение с системой современного междисциплинарного образования, включающего в себя и систему обратной связи в виде гуманитарной экспертизы [16]. Система распределенного знания способствует также образованию новых ценностных коммуникаций, формирующих новые принципы взаимодействия участников, основанные на взаимном доверии и ответственности.

Гуманитарная сфера и система гуманитарного описания реальности, как и в прошлые периоды, столкнулись с новыми расширениями концептосферы, утратив в условиях цифровизации информационного общества образ будущего, ощутив смену ценностных ориентиров и недоверие к новым технологиям, глобальную хороризацию и разрыв старых систем коммуникации. Аппроксимируя предыдущие траектории формирования гуманитарного знания, можно сделать предположение о том, что гуманитарная сфера по-прежнему останется междисциплинарным «клеем» для создания новых, более точных и совершенных систем и концептов описания реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лукина Н. П., Самохина Н. Н. О методологическом потенциале концепта технологического уклада. *Информационное общество*. 2016;(6):4–10.
2. Герасимов С. В. Некоторые тренды человеческого развития. *Философские науки*. 2015;(3):133–137.
3. Тульчинский Г. Л. Субъективность и постсекулярность современности: новая трансценденция или фрактальность «плоского» мира? *Международный журнал исследователей культуры*. 2013;3(12):50–56.
4. Герасимов С. В. Событие как управленческая функция генерации социальной реальности. *Человек. Культура. Образование*. 2017;1(23):68–83.
5. Цифровые гуманитарные науки. Хрестоматия. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер, ред. Пер. с англ. Красноярск: Сиб. федер. ун-т; 2017. 352 с.
6. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. М.: Издательство политической литературы; 1986.
7. Герасимов С. В. 2015. Вера и разум: постсекулярность и после. *Философские науки*. 2013;(12):89–100.
8. Герасимов С. В. Массовые праздники как фактор развития социального партнерства. Дисс. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. СПб.: СПбГУКИ; 2007.
9. Герасимов С. В. Массовые праздники и социальное партнерство. СПб.: Алетейя; 2016.
10. Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность. Сыктывкар: Издательство СыктГУ; 1992.
11. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя; 2005.
12. Герасимов С. В. Постсекулярность как индикатор расширения и смены концепта реальности. *Человек. Культура. Образование*. 2017;4(26):47–60.
13. Nordenstreng K. Discipline or field? Soul-searching in communication research. *Nordicom Review, Judilee Issue*; 2007;(28):211–222.
14. Herbst S. Disciplines, intersections, and the future of communication research. *Journal of Communication*. 2008;(58):603–614.
15. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. СПб.: СПбГУ; 2013.

16. Леонтьев Д. А. Тульчинский Г. Л. Экспертиза как гуманитарная методология и практика. *Философские науки*. 2018;(2):120–140.

REFERENCES

1. Lukina N.P., Samohina N.N. On the methodological potential of the concept of technological structure. *Informacionnoe obshchestvo*. 2016;6:4–10. (In Russ.).
2. Gerasimov S.V. Some trends in human development. *Filosofskie nauki*. 2015;3:133–137. (In Russ.).
3. Tulchinskij G.L. Subjectivity and post-secularity of modernity: new transcendence or fractality of the “flat” world? *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovatelej kul'tury*. 2013;3(12):50–56. (In Russ.).
4. Gerasimov S.V. Event as a managerial function of generating social reality. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie*. 2017;1(23):68–83. (In Russ.).
5. Digital Humanities: Chrestomathy. M. Terras, D. Najhan, Je. Vanhutta, I. Kizhner, eds. Transl. from Eng. Krasnojarsk; 2017. (In Russ.).
6. Lenin V.I. Development of capitalism in Russia. The process of creating an internal market for large industry. Moscow: Politizdat; 1986. (In Russ.).
7. Gerasimov S.V. Faith and reason: postsecularity and after. *Filosofskie nauki*. 2013;12:89–100. (In Russ.).
8. Gerasimov S.V. Mass holidays as a factor in the development of social partnership. *Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk*. St. Petersburg: SPbGUKI. (In Russ.).
9. Gerasimov S.V. Mass holidays and social partnership. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.).
10. Sorokin P.A. Social and cultural mobility. In: Sorokin P. Chelovek. Civilizacija. Obshchestvo. A. Yu. Solomonov, ed. Moscow; 1992. (In Russ.).
11. Bourdieu P. Sociology of social space. Moscow; 2005. (In Russ.).
12. Gerasimov S.V. Postsecularity as an indicator of the expansion and change of the concept of reality. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 2017;4(26):47–60. (In Russ.).
13. Nordenstreng K. Discipline or field? Soul-searching in communication research. *Nordicom Review*, Judilee Issue; 2007: 211–222.
14. Herbst S. Disciplines, intersections, and the future of communication research. *Journal of Communication*. 2008;58:603–614.
15. Tulchinskij G.L. Total Branding: mythodesign of the post-information society. St. Petersburg: SPbGU; 2013. (In Russ.).
16. Leontev D. A., Tulchinskij G. L. Expertise as a humanitarian methodology and practice. *Filosofskie nauki*. 2018;2:120–140. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Викторович Герасимов — кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия
Votje82@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Gerasimov — Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia
Votje82@mail.ru

Статья поступила 31.01.2020; принята к публикации 20.02.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 31.01.2020; accepted for publication on 20.02.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-58-66
УДК 321.01(045)

Становление русского «оцерковленного» государства как новой модели политического устройства

Н.В. Асонов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается роль политического участия Александра Невского в становлении русского «оцерковленного» государства как новой модели политического устройства, сложившейся в ходе победы оборонительно-соглашательского лагеря политических сил над оборонительно-мобилизационным лагерем. Это обстоятельство повлекло за собой подчинение Руси «цесарю» Орды, предопределив характер последующей дискредитации удельно-княжеской системы управления и вечевых традиций в пользу самодержавно-соборной модели. Ее «оцерковленность» предусматривала в институциональной подсистеме политическое лидерство духовной власти во главе с митрополитом, а также строгую ориентацию на Церковное право и его ценностно-целевые установки в нормативной и культурно-идеологической подсистемах государственного устройства.

Ключевые слова: Александр Невский; митрополит Кирилл; «оцерковленное» государство; политическая система; православие

Для цитирования: Асонов Н.В. Становление русского «оцерковленного» государства как новой модели политического устройства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):58-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-58-66

ORIGINAL PAPER

The Emergence of the Russian State Controlled by the Church as a New Model of a Political Entity

N.V. Asonov

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>

ABSTRACT

The article unveils the political role of Alexander Nevsky in the formation of a new (at the time) state structure of a church-controlled Russian government, which was formed as a result of numerous victories of “defence-conciliatory” political forces over “defence-marshalling” camp. This circumstance has led to subsequent subdual of Ancient Rus’ to an Emperor of the Horde. It was effectively deciding the character of the following discrediting of Duchy-Nobilities system of feudal governing as well as the traditions of councils of “Veche” in favour of self-owning merger in which the key role belonged to one ruler. Its church-controlled nature of such institution dictated the leadership of ecclesiastic powers, led by a Metropolitan Bishop, as well as a strict orientation to Church Law and its values and objectives in the normative, cultural, and ideological subsystems of the state government.

Keywords: Alexander Nevsky; Metropolitan Cyril; “Church-controlled” state; political entity; Orthodox Christianity

For citation: Asonov N.V. The emergence of the Russian state controlled by the Church as a new model of a political entity. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):58-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-58-66

Среди знаменательных дат, выпавших на 2020 г., особое место в истории нашей страны занимает юбилей Александра Невского, причисленного к лику святых сразу после венчания на царство Ивана Грозного. Почитание этого князя на владимирской земле началось еще в 80-е гг. XIII в., когда при митрополите Кирилле было составлено его первое житие, хотя, некоторые эксперты относят данный труд к более позднему времени [1, с. 113]. С тех пор об Александре как о праведном правителе, дипломате и полководце было много написано. Но для анализа отечественных политических институтов особую значимость представляет его роль в строительстве «оцерковленного» государства как новой модели политического устройства, оказавшей влияние на возвышение Москвы и объединение вокруг нее Руси-России. К сожалению, эта тема осталась почти без внимания научного сообщества, направившего свой творческий поиск на религиозно-культурные, социально-экономические и военно-технические аспекты той эпохи.

Между тем российская политология, имея главным объектом своего исследовательского интереса власть и ее теоретико-процессуальные и институциональные аспекты, в силу своей относительной молодости только начинает осваивать новые тематические направления, находящиеся на стыке общественных наук. Одно из них связано с деятельностью Александра Невского, получившего прозвище «Храбрый»¹. Нам неизвестна дата его рождения, правда, историк В. А. Кучкин, опираясь на непротиворечащие друг другу летописи, пришел к выводу, что Александр родился 13 мая 1221 г. [2, с. 176]. Однако в отечественной традиции утвердилось мнение В. Н. Татищева, относившего данное событие к 13 (30) мая 1220 г. [3, с. 210]. К сожалению, источники по-разному датируют даже год смерти Александра. Например, Владимирский летописец дает отсылку на «лето 6770»², Московский свод указывает «лето 6771»³, а Новгородские

документы относят это событие «в лето 6772»⁴, т. е. к 1264 г.

В любом случае, пока Александр с 1252 г. занимал великокняжеский стол, определился характер новой политической системы страны, сохранившейся вплоть до смерти митрополита Алексия в 1377 г. К ней московская власть вернулась после нашествия Тохтамыша в 1382 г. и удерживала ее до 1441 г., когда митрополит Исидор был взят под стражу как «латинский злой приспешник» [4, с. 82]. Последний раз рецидив данной модели дал о себе знать при Михаиле и Алексее Романовых, но после Великого Собора 1666–1667 гг. стал трансформироваться в сторону абсолютизма.

Чтобы раскрыть специфику «оцерковленности» политической системы Руси, проанализируем предысторию ее возникновения. Она связана с целым рядом природно-климатических изменений, охвативших Евразию. Их катализатором стал малый ледниковый период. Его признаки дали о себе знать во второй половине XII в. С XIII в. условия жизни начали резко ухудшаться: пришли ранние заморозки, долгие зимы, землетрясения и ураганы. Это повлияло на частые неурожаи, падеж скота, голод, эпидемии и возросшую смертность, отразившиеся на изменении религиозно-политического сознания и поведения всех слоев общества.

К этому времени Русь перестала быть окраиной православной цивилизации, сделавшись главным объектом агрессивных устремлений католического мира. Дело в том, что с 1204 г. Константинополь из центра православия превратился в столицу Латинской империи. Сербия и Болгария признали приоритет папы римского, а Эпирский деспотат, Трапезундская и Никейская империи, возникшие на развалинах Византии, были слишком малы и не обладали достаточной мощью. Даже когда Никея овладела Константинополем и в 1261 г. смогла возродить Византию, она стала ориентироваться на Запад и в 1274 г. пошла на заключение унии. Ее «первое духовное падение» [5, с. 19] сделало Русь единственным оплотом православия, а русского митрополита — его главным охранителем.

Между тем, в окружении монгольских ханов было много восточных христиан, и «эти люди ... стали могущественными» [6]. При дворе Мангу-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры; 2000.

² Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. Полное собрание русских летописей. Т. XXX. М.: Рукописные памятники Древней Руси; 2009.

³ Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры; 2004.

⁴ Новгородская четвертая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Часть 1. М.: Языки русской культуры; 2000.

хана и Кен-хана «оказывают христианам больше уважения, чем другим народам», причем, «князю Ярославу (отцу Александра Невского — Н.А.) они всегда давали высшее место» [7] и негативно относились к мусульманам. Недаром исламские страны, завоеванные монголами, лишились всех признаков независимости, включая территорию, форму правления и нормативно-правовую базу. Идя на Русь, Батый такой задачи не ставил, благодаря чему все элементы суверенной политической системы у нее сохранились. Видимо, Русь как вассал монгольского хана должна была содействовать превращению империи чингизидов (или ее золотоордынского улуса) в христианское государство. Тем самым с 1240 г. был открыт второй период русского православного миссионерства, продолжавшийся вплоть до взятия Казани в 1552 г. [8, с. 165–172]. Это начавшееся движение на восток говорило о том авторитете, которым стала пользоваться в Орде духовная власть Руси.

Симпатии монгольской элиты к православию уже в 30-е г. определили главный путь решения внешнеполитических задач, связанных с отношением Руси к Западу и Востоку, а вместе с ним к характеру организации власти. Сближение с Западом было отвергнуто. В идеологической подсистеме Руси с XI в. утвердилось жесткое правило, вменявшее всем в обязанность «вере латиньстей не прилучатися,.. и всякаго учения их бегати» [9], поскольку страны «латинской веры» потеряли былое благочестие и «отречены от Божественного закона». Поэтому «насади Бог рай на востоце, а на западе муку уготова»⁵. «Священство и царство» там не могут защитить подданных от мирских соблазнов. Значит, их власть не выполняет свою главную функцию — помочь людям спасти душу. Вместо этого она стремится силой оружия навязать «разврат веры» Руси. Долг православных правителей требует защитить страну от происков Запада.

К монголам отношение Руси с самого начала носило разноречивый характер, что привело к образованию двух политических лагерей. Первый лагерь, опираясь, главным образом, на труды Мефодия Патарского (VII в.) и иные сочинения апокрифического характера, не имеющие доверия со стороны официальной церкви, полагал, что уже настает конец света. Вслед за апокалипсиче-

скими всадниками голода, мора и смерти прибыл последний из них — всадник войны, приведя «к скончанью временъ» «ис пустыня Етриевъ-скы» «безбожнии татары»⁶ — самый лютый народ. «И попленили им вся земля и доидут до рима»⁷. Они опаснее западных захватчиков и потому главный отпор дать надо именно им.

Приверженцы этой эсхатологической концепции, вступив в борьбу с «татарами», защищали старую схему организации власти. Как известно, она была представлена удельно-княжеской моделью управления, где великий князь был только первым среди равных. Высшим органом власти считался съезд (совет) князей, признающий над собой условное политическое лидерство императора Византии как верховного сюзерена всех восточных христиан. Его отсутствие с 1204 г. освобождало их от всякого формального подчинения любому внешнему правителю. Единственное исключение в этой схеме составлял институт вечевого демократии, но и он за пределами Новгородской республики мог действовать только в экстренных случаях при отсутствии князя и с разрешения церковных властей. Появление любого нового фигуранта в этой политической системе было совершенно неприемлемо, тем более, если оно заставляло подчиниться «татарскому хану».

Видными представителями этого лагеря, который по типу политического участия можно охарактеризовать как оборонительно-мобилизационный, в означенный период стали рязанские и галицко-волынские князья, а также младший брат Александра Невского Андрей Суздальский. Именно в его уста летописец вложил фразу, ставшую их политическим девизом: «лутчи ми есть бежати въ чюжую землю, неже дружитися и служити Татаромъ»⁸. Также решительно были настроены братья его отца: Всеволод и Мстислав, готовые «умрети пред Златыми вороты,.. ниже в воле их быти»⁹.

Обычно этих князей вспоминают, когда речь заходит о героической борьбе Руси с восточной агрессией 1237–1240 гг., хотя такой тезис

⁵ Летопись по Воскресенскому списку. Полное собрание русских летописей. Т. VII. М.: Языки русской культуры; 2001.

⁶ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры; 1997.

⁷ Слово Святаго отца нашего Мефодия Таганьскаго сказание. о последних летех. Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб.: Изд-во РХГИ; 1999.

⁸ Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. X. М.: Языки русской культуры; 2000.

⁹ Софийская первая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. М.: Языки русской культуры; 2001.

противоречит имеющимся объективным данным [10, с. 5]. По подсчетам историков, к началу XIII в. число городов на Руси приблизилось к 300, а упорное сопротивление монголам оказали всего 10. В остальных случаях население либо отсиживалось за крепостными стенами, ожидая своей участи, либо открывало кочевникам ворота. Неслучайно из 74 городов, попавших в зону их нашествия и изученных археологами, 25 получили пощаду. Не рвались в бой и княжеские дружины. К концу первой трети XIII в. на Руси имелось около 50 княжеств, 12 из которых представляли серьезную военно-политическую силу, но мы знаем всего три случая, когда князья не прятались по лесам и не уводили свои войска к соседям, а выходили на битву. Это побоище 1223 г., где почти все дружины проявили непонятную пассивность в день битвы. Это сражение под Рязанью в 1237 г. и бой у Коломны в 1238 г. Подобная мобилизационная слабость, не позволившая лидерам данного политического лагеря повести за собой народ и дать решительный отпор врагу, связана с отсутствием поддержки со стороны официальной церкви. Поэтому они были обречены на поражение. Вместе с ними на поражение в борьбе с монголами была обречена Русь.

Содействие церкви было на стороне оборонительно-соглашательского лагеря. Его духовными вождями стали митрополит Кирилл II и окружавший его епископат, взявшие на себя роль «проводников политики мирного подчинения Орде» [11, с. 141]. Светскую власть в этом лагере представляли великий князь Ярослав Всеволодович, а после его смерти в 1246 г. — Александр Невский. Они смотрели на пришествие «татар» как на кару, наложенную «ради съгрешения и не исправления к богу» русских людей. «И богъ на ны разгневасть и наказа нас, яко же чадолюбивый отецъ»¹⁰. Чтобы не гневить Бога, Руси надо принять власть монгольского хана и смиренно нести свое иго. Спротивляться надо только Западу, несущему угрозу православию. Когда Господь увидит, что русские исправились в своих винах и стали тверды в вере, Он снимет наложенное иго.

Данная цель определила будущий путь страны. В критических условиях, когда главный натиск католических сил приходился на Русь, она не могла опереться ни на одну из православных стран. Поэтому Руси был нужен мощный идеоло-

гический щит в лице своего духовенства и военный союзник, способный поддержать ее в борьбе с Западом. Таким союзником мог стать только ордынский хан. Кроме того, Руси требовалось восстановить свое единство перед лицом общего врага, идущего с Запада. Подобное единство могло дать только усиление авторитарных начал внутри самой Руси. Кроме того, требовалось создать надлежащий политический институт, который бы умел не только координировать действия светской и духовной власти на всех уровнях, но и представлять все области Руси в решении государственных вопросов. Его аналогом был Церковный Собор.

Влияние оборонительно-соглашательского лагеря привело, как считают некоторые ученые, к «трусливому бегству» [12, с. 159] епископата на север и к полной пассивности целого ряда князей, что дало возможность Батью только за один месяц февраль подчинить себе самое могущественное Владимирское княжество, способное «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти»¹¹. Например, Ярослав лишил военной помощи родной Переяславль, Александр, укрепив границу с Прибалтикой, ничего не сделал для защиты восточных рубежей и не оказал поддержки Торжку, входившему во владения Новгорода, где он тогда правил. Беря пример с «Александра, борьбу с Ордой не стали поддерживать и ростовские князья... Борис и Глеб, ездившие в Орду чуть ли не каждый год» [11, с. 143]. Те области, что не пожелали мирно подчиниться хану, были приведены к покорности силой. Так Александр подавил в 1257 г. антиордынское выступление в Новгороде и добился того, чтобы в том же году «поидоша вси кнзи въ Орду»¹².

Провозгласив в 1245 г. ордынского хана своим «цесарем»¹³, Ярослав и Александр положили начало разрыву Руси с удельно-княжеской моделью управления. Появление «цесаря» изменило прежнюю вертикаль властных отношений в пользу авторитарной формы правления. Государственная власть на Руси получила возможность персонифицироваться в одном лице, а не в закрытом совете князей. Назначаемый «цесарем» великий

¹⁰ Софийская вторая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры; 2001.

¹¹ Слово о полку Игореве. Памятники литературы Древней Руси: XII век. М.: Художественная литература; 1980.

¹² Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры; 1997.

¹³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры; 2000.

князь уже мог не смотреть на себя как на первого среди равных, имея право на усиление своих властных полномочий как непосредственного представителя царской власти. Это вело к подрыву олигархического характера совета князей и резкому ослаблению роли веча в структуре управления. Существенным недостатком новой политической системы стал институт баскачества. Баскаки и численники контролировали сбор дани для «цесаря» и следили за сепаратистскими настроениями, периодически возникавшими на Руси. Однако они назначались весьма нерегулярно, имея свои резиденции только в крупных городах, что позволяло князьям из оборонительно-согласительского лагеря рассчитывать на их поддержку в борьбе со своими противниками из мобилизационного лагеря.

Желание Александра и Кирилла укрепить в системе управления «божеские» начала объективно вело к усилению политической роли духовной власти. В их понимании она была более «чиста» перед Богом и лучше знала смысл христианской государственности. Важным результатом такой политики стало открытие в 1261 г. в столице Золотой Орды Сарайской епископии, поставленной в прямое подчинение митрополиту всяя Руси. Русская церковь получила освобождение от налогов и полную поддержку «цесаря», что только укрепило ее лидирующие позиции во всех структурных элементах политической системы страны. И если власть великого князя ограничивалась пределами Руси, то духовная власть митрополита смогла распространиться на Орду и Молдавию.

Заняв решающее положение, Кирилл стал поддерживать курс на усиление центральной светской власти. В этом он как наставник Александра видел путь к укреплению политического и духовного единства Руси. От лица «священства» не было составлено ни одного документа, осуждающего «цесаря» или оправдывающего центробежные тенденции. Диктуя свою волю князьям, епископат вынуждал их «подчиняться церковному обиходу». Таким образом, Александр и его преемники из московских князей, встав на путь «оцерковления» государства, «стремились, пусть и не всегда удачно, приблизить свое делание к церкви, поднять все до ее уровня, уйти в нее, а не... отделиться, эмансипироваться и снизить все возвышенное до потребностей обывателя» [13, с. 17, 21]. В идеологической подсистеме страны на щит была поднят старый христианский лозунг социального бытия: «если не спасешься сам,

не спасет и Бог». Он подчинял правилам веры всю государственную жизнь и отражал характер формирующегося «оцерковленного государства» [13, с. 25], обязанного жить по формуле: «Свет мирянам — иноки, свет инокам — Ангелы». В ней четко утверждался принцип превосходства «священства» над мирской властью и объяснялось отождествление Церкви с «образом и подобием Бога», что позволяло ей трактовать себя как некое «наднациональное отечество — Царство Божие — церковную империю» [14, с. 33], не имеющую себе равных.

Эту установку, закрепляющую за «священством» политическое лидерство в институциональной подсистеме подтверждает «Житие Александра Невского», видимо, специально для этого написанное. В нем не только подчеркивается покорность великого князя своему митрополиту, которого он «слушается и чтит, словно самого Христа», но и обосновывается его долг повиноваться «цесарю». Исполняя его, Александр делает уступку «Небесной мудрости»¹⁴, требующей исполнять долг повиновения, опираясь на принцип смирения. Простить Русь и вернуть ей политическую свободу может только Господь, как некогда Он даровал ее древним евреям за смирение перед Ним.

При этом в контексте нормативно-правовой сферы управления монархия, опирающаяся на союз «священства и царства», рассматривалась как основа стабильного общества, разрушаемого внешними и внутренними угрозами. Исходя из решений Пятого и Седьмого Вселенских Соборов (VI, VIII вв.) и Шестой Новеллы императора Юстиниана (VI в.), закрепленной в «Эпанагоге», церковное право утверждало, что «невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя». Объясняло оно это тем, что монархия дарована Богом во благо, а не во зло. Сопrotивление ей уподоблялось неповиновению «Царю Небесному» и нарушению принципа «органической» системы власти и ее главных частей — «священства» и «царства». Их согласие составляет душевный и телесный мир страны, что и было зафиксировано «Кормчей книгой», транслирующей «Эпанагогу» и принятой в качестве основного нормативного документа Руси в 1274 г.

Однако внедрение централизующего фактора в политическую систему Руси в лице «цесаря» не

¹⁴ Житие Александра Невского. Изборник. М.: Художественная литература; 1969.

могло привести к установлению абсолютизма. Дело в том, что Девятый член Никео-Цареградского символа веры призывал блюсти «церковь православную соборную». Поэтому любой путь к абсолютизации высшей светской или духовной власти был не приемлем для «оцерковленного» государства, где соборность рассматривалась как одна из основ управления. Только отказавшись от принципа соборности, как это сделали в свое время римские папы, а за ними европейские монархи, соединившие в своих руках всю полноту высшей светской и духовной власти, можно было прийти к абсолютизму.

Начало процессу институционализации принципа соборности, который должен сопрягаться с сильной центральной властью, а не противостоять ей, положил Владимирский собор, созванный митрополитом Кириллом уже после смерти Александра Невского в 1274 г. Он дал начало становлению института Земских соборов, впервые собрав со всей страны широкий круг представителей светской и духовной власти. Таким образом, реализация идеи их сотрудничества стала принимать практический характер и воплощаться в последующих аналогичных заседаниях, например, таких, как Переяславский собор 1310 г. Его особенностью станет широкое представительство рядовых граждан. Согласно «Житию святого Петра митрополита», «на соборе том присутствовали епископ,.. князья, бояре, священники, иноки и великое множество других» людей¹⁵. Подобно Владимирскому, этот собор принял меры к защите оборонительно-соглашательского политического курса. Кроме того, зарождающуюся соборную деятельность можно рассматривать как форму политического дискурса, поскольку здесь осуществлялось коммуникативное взаимодействие субъектов и объектов государственной власти, направленное на согласование их позиций и выработку единой политической воли.

Приведенные факты вступают в противоречие с популярным мнением видных деятелей марксизма и евразийства, утверждавших, что решающее влияние на политическое развитие России оказала Золотая Орда [15, 16]. Эти авторы не учли религиозный фактор, который не позволял светской и духовной власти Руси внедрять политические институты и методы управления

от «инославных» государств. Католическая, исламская или языческая власть для Руси не могла идти в расчет, поскольку не отвечала «истинным» правилам государственного устройства. Поэтому следует принять мнение С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, считавших, что Орда не могла изменить государственное управление Руси [17, 18]. В данной связи уместно поставить под сомнение современные аналитические выводы, говорящие о существенной разнице «школы Н.М. Карамзина и школы С.М. Соловьева», якобы, по-разному понимающих роль «ордынского фактора» в строительстве русского государства [19, с. 160].

Правоту русских классиков подтверждают юридические источники, находящиеся в тесной связи с политической жизнью и фиксирующие ее характерные особенности. Для того чтобы Русь начала внедрять у себя восточную политическую систему или ее отдельные элементы как свои собственные, ей надо было принять «Ясу» Чингисхана — главный юридический документ Орды, но действие «Ясы» распространялось только на языческие и мусульманские страны. Это же касалось и гражданского права, а Кормчая книга, Псковская судная грамота и Судебники не имеют никаких отсылок к восточным документам.

Между тем, несмотря на все новации, затронувшие институциональную, нормативную, культурно-идеологическую и даже коммуникативную подсистемы общества, процесс модернизации при Александре Невском не имел революционного характера, так как не предусматривал никакого решительного слома прежней модели управления. Формально не была нарушена удельно-княжеская система, сохранив все старые политические и социальные институты. Русь по-прежнему считалась коллективной вотчиной всего клана Рюриковичей. Только они имели право носить княжеский титул и осуществлять властные полномочия. Во Владимире сидел великий князь, считавшийся старшим среди князей. Ему мог наследовать только представитель его рода и никто иной. На местах оставались старые удельные династии, держащие прежний принцип наследования престола, идущий от брата к брату, а не от отца к сыну. Все вопросы, затрагивающие интересы отдельного княжества, обсуждались на внутреннем совете князей. Княжества сохранили себя в качестве относительно самостоятельных политических единиц. Их границы менял только процесс дробления, вынуждавший выделять

¹⁵ Житие святого Петра митрополита. Избранные жития русских святых (X–XV вв.). М.: Молодая гвардия; 1992.

наследникам уделы. Боярство, как и дворянство, оставляло за собой право перехода на службу к любому из князей.

Не удалось Александру сломать вечевую управленческую модель на севере Руси. В 1259 г. он в очередной раз был изгнан из Новгорода, у которого вся полнота власти, как и раньше, была сосредоточена в руках периодически созываемого веча. Приглашаемый им князь мог только председательствовать в совете, состоящем из бояр и посадников. Совет решал текущие дела, доверяя князю их утверждение. Не имея реальной власти, князь выполнял полицейские функции, обеспечивая внутренний порядок, а в период военных действий возглавлял народное ополчение. Наличие князя, с одной стороны, указывало на то, что Новгородская земля не считает себя республикой, так как республиканская форма правления противоречит социально-политическим принципам православия. С другой стороны, приглашая к себе княжить Рюриковичей, новгородцы признавали над собой власть этой династии. Архиепископ Новгорода был высшим представителем духовной власти на севере Руси. В административном плане он подчинялся митрополиту Руси и Поместному «Освященному» Собору как высшему законодательному органу русской церкви. Таким образом, не светская, а именно духовная власть в Новгородских владениях со второй половины XIII в. играла роль скрепы, мешающей развитию сепаратистских настроений в этом регионе и выделению его в отдельное государство.

Вместе с тем, сделанный оборонительно-соглашательским лагерем выбор в пользу «цесаря», имел важные и далеко идущие последствия. В первую очередь, институциональная подсистема Руси получила новый элемент, который, возглавив светскую власть страны, положил начало укреплению вертикали государственного управления. Это предохранило Русь от полного политического развала, который пережила Германия, также не произошло опасного усиления демократических институтов местной знати, как это случилось в Польше, что ослабило ее мобилизационное единство и привело к потере независимости.

Принцип смирения перед высшей властью и покорности ей, внушаемый церковью, также имел свое положительное значение. Церковь учила, что если православный человек научится

любить и чтить царя земного, то он будет любить и чтить Царя Небесного. Следовательно, станет удерживать себя от действий, идущих вразрез с основами веры. Этот принцип начал пронизывать светскую и духовную иерархию Руси. Великий князь должен считать себя холопом (слугой) царя и митрополита, удельные князья должны быть холопами старшего князя и своего епископа, повинуюсь каждому из них как «отцу своему и без его воли дел не вести». Соответствующие отношения складывались между князьями и их боярами, а дворянское сословие с самого начала смотрело на себя как на «служилых холопов».

Подобные новации провоцировали рост противоречий внутри самой политической системы Руси. Их основой стало столкновение традиционной модели управления с новыми тенденциями, грозившими лишить удельных князей прежней самостоятельности, а значительную часть населения — старого уклада жизни, в котором институт прямой демократии вечевого типа до 1262 г. играл иногда значимую роль. Только после поездки Александра в Орду он был подавлен силой и постепенно исчез с политической арены. Это усилило оппозиционные волнения оборонительно-мобилизационного лагеря, идущие под лозунгом борьбы с ордынским «цесарем» и «татарами». Данные противоречия способствовали падению уровня устойчивости базовых потенциалов Руси как конфедерации относительно независимых княжеств. Западные уделы, чтобы сохранить у себя традиционные социально-политические стандарты, стали ориентироваться в первую очередь на Литву, готовую ради подчинения Руси пойти на уступки в этом вопросе.

Вместе с тем, сделанный Александром и митрополитом Кириллом выбор в пользу института царской власти, сопряженного с институтом соборности, вел к уменьшению внутренних конфликтов и минимизировал возможность военно-политических столкновений с Золотой Ордой. Это дало возможность собрать силы для отражения агрессии с Запада и заняться культурным строительством, ориентированным на подъем духовных ценностей. При этом геополитическое влияние Руси значительно возросло. Она избежала тенденции к периферизации и стала выступать на международной арене как главная и единственная опора православной цивилизации. Русь сумела остановить движение романо-германского

мира на восток Европы, не признала над собой власть римского папы и осталась самым крупным государством Европы.

Такое положение дел можно расценить как несомненный успех оборонительно-соглашательского лагеря и построенной им модели «воцерковленного» государства. А его основополагающие начала, выдвинутые Александром Невским, предвосхитили принципы современного между-

народного права. Это: «Не в силе Бог, а в правде» (неприменение силы или угрозы силой против любого государства); «Жить, не приступая в чужие части» (неприкосновенность территориальной целостности государств и нерушимость их границ); «Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет» (Ст. 51 ООН, дающая право государствам на индивидуальную и коллективную защиту против агрессии).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нестеренко А. Н. Ложные нарративные биографии Александра Невского в отечественной историографии. *Вопросы истории*. 2016;(1):103–114.
2. Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского. *Вопросы истории*. 1986;(2):174–176.
3. Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 томах: Т. 2–3. История Российская. Часть 2. М.: Ладомир; 1994. 688 с.
4. Малето Е. И. Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг. и великое княжество Московское. *Вопросы истории*. 2017;(11):82–100.
5. Багдасарян В. Э. Второй Рим против Третьего Рима: исторический генезис конфликта Константинопольского патриархата и Русской Православной Церкви. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*. 2019;(3):17–31.
6. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 2–3. Т. 3. М.: Изд-во Академии наук СССР; 1960.
7. Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль; 1997.
8. Ершов Б. А., Фурсов В. Н. История развития миссионерского служения русской православной церкви. *Вопросы истории*. 2017;(6):165–172.
9. Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского м-ря; 1995.
10. Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.: Госполитиздат; 1956. 280 с.
11. Тарабрин С. Ю. Церковно-политическая деятельность ростовского епископа Кирилла после монгольского нашествия. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 2018;18(2):140–144.
12. Галимов Т. Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях. 1237–1281 гг. Казань: КГАСУ; 2017. 230 с.
13. Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник; 1996. 450 с.
14. Морозова Л. Е. К вопросу о времени появления понятия «патриотизм» в общественном сознании широких народных масс. *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.)*. Сборник статей. Л. Н. Пушкирев, ред. М.: Институт российской истории РАН; 1994. 206 с.
15. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII в. *Вопросы истории*. 1989;(4):7–11.
16. Савицкий П. Н. Степь и осёдлость. Русский мир. Сборник. СПб.: Terra Fantastica; 2003.
17. Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. II. М.: Мысль, 1988.
18. Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
19. Политов В. В. Влияние монголо-татарского ига на древнерусское государство в дореволюционной историографии. *Вопросы истории*. 2016;(2):160–172.

REFERENCES

1. Nesterenko A. N. False narrative biographies of Alexander Nevsky in Russian historiography. *Voprosy istorii*. 2016;(1):103–114. (In Russ.).
2. Kuchkin V. A. About the date of birth of Alexander Nevsky. *Voprosy istorii*. 1986;(2):174–176. (In Russ.).
3. Tatishchev V. N. Collected works. In 8 volumes. Vol. 2–3. The History of Russia. Part 2. Moscow: Lodomir; 1994.
4. Maleto E. I. Ferraro-Florentine Cathedral 1438–1439 and the Grand Duchy of Moscow. *Voprosy istorii*. 2017;(11):82–100. (In Russ.).

5. Bagdasaryan V.E. The Second Rome against the Third Rome: The historical Genesis of the conflict between the Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki»*. 2019;(3):17–31. (In Russ.).
6. Rashid ad-din. Collection of Chronicles. Vol. 3. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences; 1960. (In Russ.).
7. Rubruk G. de. Journey to the East countries. The Book Of Marco Polo. Moscow: Mysl; 1997. (In Russ.).
8. Yershov B.A., Fursov V.N. History of the development of the missionary service of the Russian Orthodox Church. *Voprosy istorii*. 2017;(6):165–172. (In Russ.).
9. Metropolitan Makarii (Bulgakov). History of The Russian Church. Book 2. Moscow: Publishing house of the Spaso-Preobrazhensky Valaam monastery; 1995. (In Russ.).
10. Pashuto V. T. The heroic struggle of the Russian people for independence (XIII century). Moscow: Gospolitizdat; 1956. (In Russ.).
11. Tarabrin S. Yu. Church and political activity of Bishop Kirill of Rostov after the Mongol invasion. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018;18(2):140–144. (In Russ.).
12. Galimov T.R. the Place of the Kiev Metropolitan in Church-Horde relations. 1237–1281 years. Kazan: KGASU; 2017. (In Russ.).
13. Archimandrite Cyprian (Kern). The anthropology of St. Gregory Palamas. Moscow: Pilgrim; 1996. (In Russ.).
14. Morozova L. E. On the question of the time when the concept of “patriotism” appeared in the public consciousness of the broad masses of the people. World perception and self-consciousness of the Russian society (XI–XX centuries). Collection of articles. L. N. Pushkarev, ed. Moscow: The Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences; 1994. (In Russ.).
15. Marx K. Revelations of the diplomatic history of the XVIII century. *Voprosy istorii*. 1989;(4):7–11. (In Russ.).
16. Savitsky P.N. The steppe and the sedentary. Russian world. Collection. St. Petersburg: Terra Fantastica; 2003. (In Russ.).
17. Solovyov S.M. Collected works. Book II. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
18. Klyuchevsky V.O. Collected works. Vol. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
19. Politov V.V. Influence of the Mongol-Tatar yoke on the old Russian state in pre-revolutionary historiography. *Voprosy istorii*. 2016;(2):160–172. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Васильевич Асонов — доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
nbassonov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Asonov — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Faculty of Political Sciences, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
nbassonov@yandex.ru

Статья поступила 13.02.2020; принята к публикации 03.03.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.02.2020; accepted for publication on 03.03.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-67-73
УДК 303.444(045)

Возможности использования методов машинного обучения для решения политических задач

О.В. Ерохина

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5453-4118>

АННОТАЦИЯ

Политическая реальность характеризуется нелинейностью процессов и значительным влиянием не только формальных, но и теневых механизмов взаимодействия субъектов, принимающих решения – политических элит и лидеров. Одним из самых перспективных направлений, которое открывает новые возможности для изучения политических проблем, представляется синтез «традиционной» методологии политического анализа и методов искусственного интеллекта. Цель работы – построение методологической модели в виде «дерева решений» и проведение с ее помощью анализа процесса принятия кадровых решений в отношении руководителей субъектов РФ. Хронологические рамки: период 2000–2020 гг. Для достижения поставленной цели необходимо последовательное решение следующих задач: изучение основных тенденций и приоритетов кадровой политики федерального центра в отношении глав регионов в рассматриваемый период; выявление ключевых факторов, влияющих на политические позиции глав регионов РФ на основе анализа данных о параметрах эффективности работы региональной исполнительной власти; обобщение данных о кадровых решениях, принятых в 2000–2018 гг. и построение дерева решений для прогнозирования будущих кадровых решений в соответствии с выбранным алгоритмом. В статье обосновывается адекватность использования дерева решений для анализа и прогнозирования политических решений на примере кадровой политики властных структур федерального уровня в отношении регионов РФ. По итогам работы сформулированы 14 формальных и неформальных критериев оценки устойчивости политических позиций губернаторов с различной степенью вероятности их использования в процессе принятия кадровых решений. Предложено использовать указанные критерии в качестве атрибутов для обучения решающего дерева. В связи со значительным объемом данных в работе представлен фрагмент дерева решений, наглядно иллюстрирующий возможность применения алгоритма С4.5 для решения политических задач.

Ключевые слова: методы машинного обучения; дерево решений; кадровая политика федерального центра; оценка деятельности губернаторов

Для цитирования: Ерохина О.В. Возможности использования методов машинного обучения для решения политических задач. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):67-73. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-67-73

ORIGINAL PAPER

Implementation of Machine Learning Methods to Solve Political Problems

O.V. Erokhina

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5453-4118>

ABSTRACT

The political reality described by non-linearity of processes and significant influence of informal mechanisms of interaction of decision-making subjects-political elites and leaders. One of the most promising areas that open up new opportunities for studying political problems is the synthesis of “traditional” methodology of political analysis and methods of artificial intelligence. The purpose of this work is to build a methodological model in the form of a “decision tree” and use it to analyze the process of making personnel decisions concerning the heads of the subjects of the Russian Federation. Chronological limits: 2000–2020 years. It is necessary to solve the following tasks to achieve

such a goal. 1. Study the main trends and priorities of the Federal centre's personnel policy in relation to regional heads in the period under review. 2. Identification of key factors affecting the political positions of the leaders of regions of the Russian Federation based on the analysis of data on the performance parameters of the regional executive power. 3. Generalization of data on personnel decisions made in 2000–2018 and the construction of a "decision tree" that provides grounds for predicting future personnel decisions following the selected algorithm. The article substantiates the adequacy of using the decision tree for analyzing and predicting political decisions on the example of the personnel policy of federal government structures in relation to the regions of the Russian Federation. Based on the results of the work, 13 formal and informal criteria for assessing the stability of political positions of governors with varying degrees of probability of their use in the process of making personnel decisions were formulated. The author proposes to use these criteria as attributes for training the decision tree. Due to the significant amount of data, the paper presents a fragment of the decision tree that clearly illustrates the possibility of using the C 4.5 algorithm to solve political problems.

Keywords: machine learning methods; decision tree; personnel policy of the federal centre; assessment of governors' work

For citation: Erokhina O.V. Implementation of machine learning methods to solve political problems. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):67-73. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-67-73

ВВЕДЕНИЕ

Политические процессы характеризуются нелинейностью, а также значительным влиянием неформальных институтов и практик, составляющих важную часть внутриэлитного взаимодействия. Весьма наглядно это проявляется в сфере кадровой политики. Особенностью российской действительности является отсутствие общей, формализованной и «прозрачной» стратегии принятия кадровых решений, что повышает востребованность экспертных оценок и прогнозов относительно вероятных отставок и назначений на ключевые посты. В этих условиях применение методов машинного обучения открывает новые перспективы для анализа принимаемых решений и прогнозирования развития событий. В их основе лежит обработка значительного массива данных о принятых ранее политических решениях в соответствии с выбранным алгоритмом. Преимущество методов машинного обучения состоит в возможности проведения более объективного анализа и прогноза, менее зависимого от текущей политической конъюнктуры.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ПРИНЯТИЯ КАДРОВЫХ РЕШЕНИЙ

Анализируя кадровые назначения, важно учитывать основную цель большинства преобразований, проводимых в сфере региональной политики — обеспечение стабильности и управляемости политической ситуации в субъектах федерации. За последние 10 лет четко прослеживается тенденция к обновлению руководящих кадров в регионах [1]. Представители советской партийной и производственной бюрократии, сохранившие значительную часть политического влияния на

новых должностях после изменений государственной системы в начале 1990-х гг. и вполне успешно — до начала 2000-х гг., проводившие «торг» с федеральными властями по принципу «лояльность в обмен на полномочия», практически полностью ушли в прошлое. Единственным исключением остается губернатор Белгородской области Е. Савченко, сохраняющий руководящий пост с 1993 г. Как отмечают исследователи, номенклатурный опыт утратил значение, хотя личные и профессиональные связи по-прежнему способствуют продвижению на посты губернаторов [2]. На место постсоветской элиты приходят более молодые руководители, часто имеющие опыт работы в бизнес-структурах, призванные не только решать административные задачи, но также внедрять программы развития инвестиционного потенциала территорий и новые инфокоммуникационные технологии.

Ротация региональных элит проводилась постепенно, приоритетом выступало принятие компромиссных кадровых решений в целях поддержания стабильности. В 2000–2008 гг. федеральные власти стремились, по возможности, сохранять баланс внутриэлитной расстановки сил в субъектах федерации. Решения о смене власти принимались с учетом комплекса факторов при сохранении сложившихся ранее неформальных институтов (практика «торга» с федеральным центром, характерная для руководства национальных республик, и др.). Пребывание Д. Медведева на посту президента (2008–2012 гг.) стало переходным периодом, который ознаменовался развитием запущенной в 2007 г. системы оценки эффективности работы глав регионов на основе формальных критериев. Их число неоднократно

менялось и в последней редакции президентского указа составляет 15 параметров¹. В дальнейшем, в связи с завершением инициированного В. Путиным еще в 2000 г. курса на рецентрализацию власти, давление на региональных глав усиливалось, детализация критериев оценки работы глав регионов сопровождалась активизацией силовых структур. В рамках электорально востребованной борьбы с коррупцией силовики провели несколько показательных громких расследований допущенных губернаторами злоупотреблений. Все эти дела завершились судами и жесткими приговорами, предусматривающими лишение свободы².

В настоящее время главы регионов занимают подчиненное федеральному центру положение в политической системе и оказывают значительно меньшее, чем ранее, лоббистское влияние на принятие кадровых решений. Критерий лояльности/нелояльности губернаторов по отношению к федеральной власти утратил прежнее значение в связи с доминирующим влиянием центра на все аспекты федеративных отношений. Принцип «лояльность в обмен на полномочия» не является системообразующим в процессе взаимодействия федеральных и региональных элит. Главы регионов несут ответственность за ситуацию на подведомственной территории, однако процесс оценки результатов, хотя и определяется упомянутым указом президента, остается «непрозрачным». Резонансные расследования дел о коррупции показывают, что никаких гарантий сохранения своего поста в долгосрочной перспективе не имеет ни один губернатор.

Анализ формальных критериев оценки эффективности работы глав субъектов показывает, что большая их часть относится к социально-экономическим показателям, и лишь один — уровень доверия к власти (Президенту РФ, высшим должностным лицам субъектов федерации) — можно отнести к политическим.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130744/#1000>.

² Уголовные дела главы Тульской области В. Дудки (2013 г.), главы Коми В. Гайзера (2015 г.), главы Сахалинской области А. Хорошавина (2017 г.), главы Кировской области Н. Белых (2018 г.).

Однако значение этого показателя, который появился в перечне критериев оценки глав субъектов лишь в 2019 г., при принятии решений о ротации губернаторских кадров представляется безусловным: все отставки глав регионов, связанные с политической инициативой федерального центра, были в значительной степени мотивированы недостаточным уровнем поддержки главы региона со стороны населения, что могло привести к поражению на выборах и репутационным потерям не только для самого главы региона, но и для федеральной власти в целом. В этом случае решение о смене главы региона может рассматриваться как превентивная мера, направленная на обеспечение стабильности в регионе в среднесрочной перспективе. Недавние примеры подобных решений — отставки глав Архангельской области, Республики Коми, Камчатского края: И. Орлова, С. Гапликова, В. Илюхина (для первых двух ситуация осложнилась и экологическая проблематика). В процессе подготовки к выборам в Государственную Думу низкий уровень доверия может стать основанием для смещения с постов глав Владимирской области и Хакасии В. Сипягина и В. Коновалова. Кроме доверия к власти, наиболее значимыми из формальных критериев можно назвать показатели, отражающие уровень жизни населения и инвестиционную привлекательность региона: эти критерии приобретают особое значение в условиях вероятного экономического спада. Среди них: объем инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета; уровень бедности; уровень доступности жилья; доля городов с благоприятной городской средой; качество окружающей среды.

Наряду с формальными показателями, важно учесть и негласные требования к работе глав субъектов, не закрепленные нормативно, но определяющие правила игры во взаимодействии федеральной и региональной власти. Неформальным критерием, наиболее важным при принятии «негативных» кадровых решений, выступает возникновение неблагоприятных для губернатора чрезвычайных ситуаций (от стихийных бедствий до коррупционных скандалов). Также важны электоральные показатели: отставка в сочетании с другими факторами способствуют низкий (по сравнению со среднероссий-

ским) уровень электоральной поддержки партии власти (на данном этапе — Единой России) на парламентских выборах, а кандидата-инкумбента — на президентских и губернаторских. Партия власти рассматривается как стратегия или электоральный проект федеральной элиты, создаваемый для участия в выборах [3]. Негативно влияют на губернаторские перспективы высокий уровень внутриэлитной конфликтности в регионе, низкая управленческая эффективность в части реализации федеральных инициатив, возраст кандидата более 65–70 лет. В свою очередь, укреплению губернаторских позиций в среднесрочной перспективе способствуют такие факторы, как личная популярность, эффект новизны — приход на пост главы региона нового губернатора, не связанного с негативными информационными поводами или коррупционными скандалами, ресурс политической поддержки на федеральном уровне власти.

Особое значение имеет наличие этнополитической специфики региона. В национальных республиках смена власти зачастую сопряжена с нарушением сложившейся при прежнем авторитарном режиме внутриэлитной расстановки сил и ростом угроз дестабилизации, поэтому проходит на основании неформальных согласований в Администрации президента. Как правило, договоренности предусматривают благоприятные условия для уходящего главы региона в случае смены власти, такие, как гарантии неприкосновенности для сформированной вокруг него элиты и лояльного бизнеса, предоставление статусной должности в качестве компенсации за уход с поста³. Характерный пример компенсации — выдвижение бывшего главы республики представителем региона в Совет Федерации.

Наконец, существенен фактор ресурсоемкости региона. За контроль над администрациями регионов, представляющих интерес для крупного бизнеса, может разворачиваться жесткая внутриэлитная борьба, а «депрессивные» территории могут длительное время существовать в инерционном режиме.

³ Предоставление статусной должности в качестве компенсации за уход с поста главы региона характерно и для влиятельных глав субъектов, не относящихся к национальным республикам. К подобным случаям относятся выдвижение в СФ О. Чиркунова (Пермский край), Е. Строева (Орловская область), Э. Росселя (Свердловская область), В. Кресса (Томская область) и др.

Оценивая совокупность формальных и неформальных критериев эффективности работы глав регионов, целесообразно классифицировать основные показатели, влияющие на устойчивость политических позиций губернаторов. Каждый из них оценивается по вероятности использования в процессе принятия кадровых решений на федеральном уровне и измеряется в сравнительных характеристиках. Результаты представлены в *таблице*.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАДРОВЫХ РЕШЕНИЙ

Если рассматривать кадровое решение о смене главы региона как формализованную задачу, решение которой должно быть принято на основе некоторых исходных данных, то ее можно считать стандартной управленческой задачей.

В качестве одного из методов принятия решений для управленческих задач широкое распространение получили деревья решений или решающие деревья (decision tree)⁴. Решающие деревья отражают логику принятия решения с помощью ответов на иерархически организованную систему вопросов [4–6]. Они нашли широкое применение в статистике, анализе данных, теории игр и методах машинного обучения.

Выбор дерева решений как оптимального алгоритма для анализа процесса принятия кадровых решений в сфере региональной политики обусловлен тем, что при его использовании применяются рассуждения, основанные на предыдущем опыте, а объем данных о ранее принятых решениях в рассматриваемой области весьма значителен. Поля данных, используемых для объяснения и предсказания результата, рассматриваются как существенные признаки ситуации, при этом алгоритм не предъявляет высоких требований к точности и полноте используемых данных. На основе выявления взаимосвязей между переменными формируется классифицирующее правило в виде бинарного дерева. Дополнительным

⁴ Дерево решений представляет собой древовидный граф, который состоит из узлов, соединенных друг с другом ребрами. Деревья решений организованы в виде иерархической структуры, состоящей из узлов принятия решений, ребер и значений целевой функции (листья дерева).

**Основные показатели, влияющие на устойчивость политических позиций губернаторов /
Key indicators that affect the stability of political positions of governors**

Формальные	Неформальные	Вероятность применения
Уровень доверия к власти	Наличие/отсутствие ресурса личной популярности главы региона.	Очень высокая
	<ul style="list-style-type: none"> – Уровень электоральной поддержки кандидата-инкумбента на президентских и губернаторских выборах. – Уровень внутриэлитной конфликтности в регионе. – Уровень поддержки «Единой России» на выборах. – Реализация федеральных инициатив. – Наличие/отсутствие неблагоприятных для губернатора чрезвычайных ситуаций. – Этнополитическая специфика региона 	Высокая
<ul style="list-style-type: none"> – Объем инвестиций в основной капитал. – Уровень бедности. – Доля городов с благоприятной городской средой. – Качество окружающей среды 	<ul style="list-style-type: none"> – Превышение возраста 65–70 лет. – Ресурсоемкость региона 	Средняя

Источник / Source: составлено автором / the author.

преимуществом дерева решений выступает представление данных в виде иерархической структуры, которая показывает многоаспектную картину влияния различных факторов на конечный результат.

В качестве перечня критериев, по которым принимается кадровое решение, предлагается использовать приведенные в *таблице*.

Необходимо отметить, что большая часть параметров, указанных в *таблице* и используемых для принятия решений, может иметь различные дискретные значения. Например, такие показатели, как объем инвестиций в основной капитал, динамика уровня бедности и т.д., имеют числовые значения. Для упрощения процедуры принятия решения будем считать данные показатели булевыми, оценочные значения которых выставляют эксперты. На *рисунке* представлен фрагмент дерева решений,

с помощью которого можно проанализировать основные сценарии решения кадровых вопросов и прогнозировать вероятные решения федерального центра в отношении глав регионов.

Способов построения дерева решений может быть множество в зависимости от порядка рассмотрения атрибутов, но в целом для обучения деревьев решений необходима исходная выборка данных. С учетом того, что за последние 20 лет была накоплена достаточно большая статистика по принимаемым кадровым решениям, можно использовать эти данные как входные для построения модели, отражающей вероятность кадрового выбора федеральной власти — отставки/политической поддержки главы региона (в том числе, неформальной поддержки его кандидатуры на выборах). Рассматриваемая задача является классической задачей обучения с учителем, так как на основе

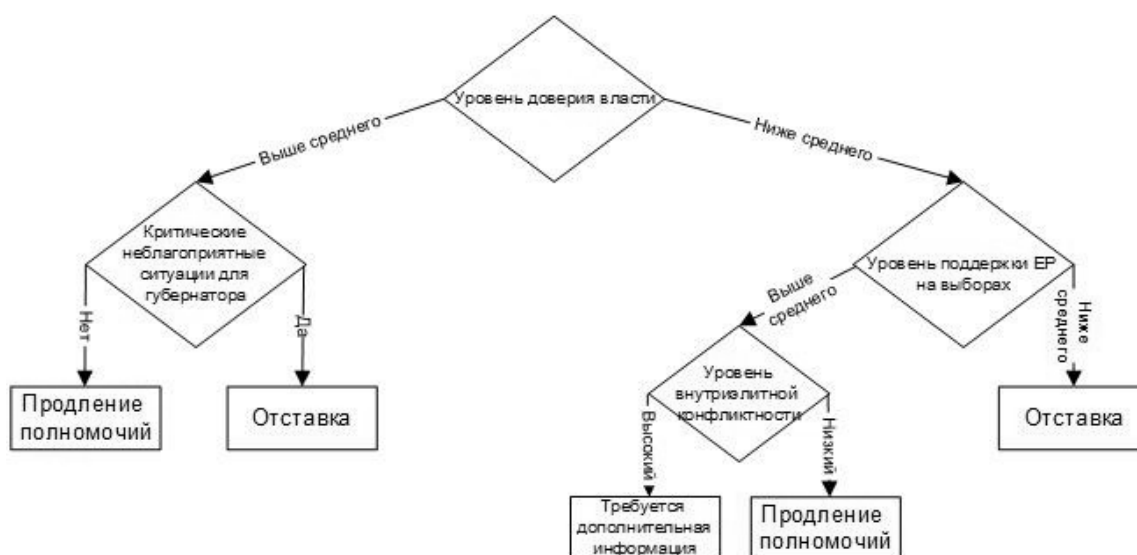

Рис. / Fig. Фрагмент дерева решений в сфере кадровой политики федерального центра в отношении глав регионов / Fragment of the decision tree in the field of personnel policy of the Federal centre in relation to the heads of regions

Источник / Source: составлено автором / the author.

априорных данных о предыдущих кадровых решениях делается вывод о возможности смены руководителя региона.

На основе решающих деревьев разработано множество алгоритмов машинного обучения [7, 8]. К наиболее распространенным из них относится С4.5. Данный алгоритм представляет собой усовершенствованную версию одного из первых алгоритмов обучающих деревьев ID 3. В алгоритме С4.5 каждый узел может иметь неограниченное количество веток, то есть алгоритм строит дерево решений с неограниченным количеством ветвей узла. Алгоритм С 4.5 может работать только с дискретным зависимым атрибутом; с учетом характера атрибутов и объема обучающей выборки для решения поставленной задачи в сфере анализа кадровой политики федерального центра его использование представляется целесообразным. Наличие достоверной информации по кадровым решениям рассматриваемого периода позволяет построить оптимальное дерево решений и выбрать атрибуты, которые лучшего

всего реализуют целевую функцию. Для проверки анализа возможности использования данного алгоритма была собрана обучающая выборка — информация по кадровым решениям с 2000 по 2020 г. в отношении руководителей 14 регионов, входящих в Приволжский федеральный округ (ПФО). За это время было принято 82 решения, включая как процессы прямых выборов, так и наделения губернаторов полномочиями депутатами заксобраний по представлению главы государства. Из 82 случаев в 55 полномочия были продлены, а в 27 — принято решение об отставке. Отметим, что выдвижение кандидата-инкумбента на выборы с последующим успешным переизбранием (а других исходов выборной кампании у губернаторов-инкумбентов в указанной выборке не было) рассматривается как форма политической поддержки со стороны федеральной власти. Решающее дерево, обученное по данным 50 случайным выборкам из 82, на следующих 32 показало достоверность принятых решений на уровне 84%.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы Российской Федерации. Я.Г. Ашихмина и др., ред. Пермь: Пермский научный центр; 2014. 306 с.
2. Быстрова А.С. Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей. *Власть и элиты*. 2018;(5):331–359.
3. Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ. *Политические исследования*. 2002;(1):6–15.

4. Сирота А.А. Методы и алгоритмы анализа данных и их моделирование в MATLAB. СПб.: БХВ-Петербург; 2016. 384 с
5. Груздев А.В. Прогнозное моделирование в IBM SPSS Statistics, R и Python. Метод деревьев решений и случайного леса. М.: ДМК Пресс; 2017. 634 с.
6. Бринк Х., Ричардс Д., Феверолф М. Машинное обучение. СПб.: Питер; 2018. 336 с.
7. Domingos P. The Master Algorithm: How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World. New York: Basic Books. 352 p.
8. Barros, R.C., Winck, A.T., Machado, K.S. et al. Automatic design of decision-tree induction algorithms tailored to flexible-receptor docking data. URL: <https://doi.org/10.1186/1471-2105-13-310>.

REFERENCES

1. Governors' corps in the conditions of transformation of the political system of the Russian Federation. Y. Ashikhmina et al., eds. Perm: Perm scientific centre; 2014. (In Russ.).
2. Bystrova A. Resignation and Election of 2018: Update Governors, Pool Recruiting and Career of New Characters Power and Elites. *Vlast i elity*. 2018;(5):331–359. (In Russ.).
3. Golosov G., Likhtenstein A. The “party of power” and the Russian institutional design: a theoretical analysis. *Polis*. 2002;(1):6–15. (In Russ.).
4. Sirota A. Methods and algorithms for data analysis and modelling in MATLAB. St. Petersburg: BVH. (In Russ.).
5. Gryzdev A. Predictive modelling in IBM SPSS Statistics, R, and Python. Method of decision trees and random forest. Moscow: DMK Press; 2017. (In Russ.).
6. Brink H., Richards D., Feverolf M. Machine learning. Saint Petersburg: Piter; 2018. (In Russ.).
7. Domingos P. The Master Algorithm: How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World. New York: Basic Books.
8. Barros R. C., Winck A. T., Machado K. S. et al. Automatic design of decision-tree induction algorithms tailored to flexible-receptor docking data. *BMC Bioinformatics*; 2012. URL: <https://doi.org/10.1186/1471-2105-13-310>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оксана Валерьевна Ерохина — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
o.v.erokhina@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Oksana V. Erokhina — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
o.v.erokhina@gmail.com

Статья поступила 05.05.2020; принята к публикации 20.05.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 05.05.2020; accepted for publication on 20.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Экономический рычаг геополитических трансформаций

Н.Н. Кулакова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6776-6084>

АННОТАЦИЯ

Анализ разнообразных аспектов одной из самых масштабных катастроф XX в. – крушения СССР – еще многие десятилетия будет вызывать интерес исследователей разных научных направлений и школ. Представители практически всех отраслей гуманитарного знания: историки, социологи, политологи и просто неравнодушные люди, судеб которых напрямую коснулось это эпохальное событие, стремятся осмыслить историю гибели СССР, понять суть деструктивных процессов, найти ответ на вопрос о предпосылках, причинах, механизмах и последствиях развала первого социалистического государства в мире. К настоящему времени существует большое количество публицистических материалов, не обремененных исследованием источников или аналитической оценкой. Научные исследования, как правило, принадлежат перу историков, однако и здесь анализ причин гибели крупнейшего государства на мировой арене в значительной степени подвержен влиянию субъективного фактора, идеологической ангажированности или вовлеченности в политические события авторов работ. В попытке ответить на вопрос выдвинуто множество противоречивых, в том числе, конспирологических теорий, объясняющих «тайные пружины» гибели Советского Союза. Однако столь многоплановое, обусловленное широчайшим спектром причин, политическое событие, ставшее началом нового витка истории России и фундаментом наших дней, практически не исследуется с позиций экономического анализа, конкуренции, борьбы за рынок сбыта. Неубедителен список интересантов развала СССР, обладающих реальной возможностью столь масштабных действий. Автор не ставит своей задачей комплексное исследование такой многогранной проблемы, как гибель СССР. В представленной статье предпринята попытка обозначить экономический компонент и напомнить трагические последствия гибели Советского Союза. В работе обосновывается точка зрения, согласно которой проблема диалектики распада советского государства нуждается в комплексном, беспристрастном и разностороннем изучении, способном дать ответы на проблемные вопросы сегодняшнего дня.

Ключевые слова: СССР; граждане; СНГ; перестройка; интеграция; экономика; народ

Для цитирования: Кулакова Н.Н. Экономический рычаг геополитических трансформаций. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020;10(3):74-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-74-78

The Economic Lever of Geopolitical Transformations

N.N. Kulakova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6776-6084>

ABSTRACT

An analysis of the various aspects of one of the most significant disasters of the 20th century – the collapse of the USSR for many decades will be of interest to researchers of different scientific fields and schools. Representatives of almost all branches of humanitarian knowledge – historians, sociologists, political scientists, and merely indifferent people whose fate was directly affected by this epoch-making event, seek to comprehend the history of the death of the USSR, to understand the essence of destructive processes, to find answers to the question about the premises, causes, mechanisms and consequences of the collapse of the first socialist state in the world. By now, there are a large number of journalistic materials not burdened by the source research or analytical assessment. Scientific research, as a rule, belongs to the pen of historians, however, even here the analysis of the causes of the death of the largest state on the world stage is primarily affected by the subjective factor, ideological bias, and the involvement of the authors of the works in political events. In an attempt to answer the question, many contradictory theories have been put forward, including conspiracy theories explaining the “secret springs” of the death of the Soviet Union. However, such a multifaceted political event, caused by a wide range of reasons, which marked the beginning of a new round of Russian history and the foundation

of our days, is practically not explored from the standpoint of economic analysis, competition, and the struggle for the sales market action. The author does not set as his task a comprehensive study of such a multifaceted problem – the problem of the death of the USSR. The article presents an attempt to identify the economic component and recall the tragic consequences of the death of the Soviet Union. The work substantiates the point of view according to which the problem of the dialectics of the collapse of a state of conscience needs a comprehensive, impartial and versatile study that can help find answers to today's problematic questions.

Keywords: The Union of the Soviet Socialist Republics; citizens; CIS; perestroika; integration; economy; people

For citation: Kulakova N.N. The economic lever of geopolitical transformations. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finanskogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):74-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-74-78

В последнем десятилетии XX в. произошел стремительный и непредсказуемый распад одного из мощнейших государств мира — Союза Советских Социалистических Республик. На развалинах страны, занимавшей одну шестую часть суши и являвшейся многонациональным государством, возникло пятнадцать самостоятельных национальных республик. Взаимоотношения России с этими странами впервые за несколько столетий перешли в сферу внешнеполитических и внешнеэкономических связей.

Государственное строительство независимых стран порой выстраивалось на эклектичной практике, объединяющей эндемичные национально-религиозные традиции и бездумно заимствованный антураж представительных органов старых европейских демократий. Углубляющееся расхождение в экономической практике и юридических нормах стимулировало центробежные процессы и создавало препоны для интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Многие новоявленные республиканские элиты, одурманенные этнократическим угаром, выбирали курс на разрыв складывавшегося веками экономического, политического и культурного единства братских народов.

Среди российских реформаторов 90-х гг. получила развитие экономическая и политическая стратегия, направленная на разрыв еще сохранившихся экономических связей с сопредельными государствами, на выдавливание их с российского рынка. Единению постсоветских государств однозначно не способствовала идеология, взятая на вооружение Российской Федерацией, основанная на представлении об однозначной ущербности общего советского исторического прошлого.

Безусловно, изменения, происходящие в обществе, радикальная трансформация полити-

ческого устройства, резкая смена научно-информационной парадигмы и многие другие факторы препятствуют выработке объективного взгляда на общее историческое прошлое государств постсоветского пространства. Отсутствие представления о критическом отношении к источникам информации, незнание истории своего народа (а зачастую и самое беспринципное передергивание фактов), замалчивание положительного опыта прошлых лет свойственно не только крайне значительному числу молодых граждан стран СНГ, но и многим профессиональным историкам, порождающим псевдонаучные сенсации. Так, например, трактовки присоединения территорий к Российской Империи, причин и географии голода (голодомора) 30-х гг. XX в., Беловежских соглашений и многих других сложных моментов истории находятся в полной зависимости от политических взглядов автора или же заказчика публикации. Высокая публицистическая активность «этнических активистов» нивелирующих абсолютно все достижения советской эпохи и акцентирующих внимание на болевых точках советского периода истории, называющих его не иначе как «совок», формирует у граждан негативное представление об общем прошлом наших народов, отрицание военного и трудового подвига предыдущих поколений, неуважение к своей истории — той истории, которая могла бы стать российским ресурсом влияния на территориях бывших республик Советского Союза.

Вышеназванные причины, а также самоустранение России из исторических сфер влияния — территорий ближнего зарубежья, — привели к активной экспансии в экономику, политику, а также на рынки новообразованных республик других мировых и региональных государств-лидеров.

Уход сверхдержавы с исторической арены и образование на этой территории полутора

десятков новых государств произошло в условиях небывалого роста мировых интеграционных процессов. Американский исследователь П. Ратленд отмечает, что «распад СССР совпал с утверждением концепции «глобализации» и распространением на это географическое пространство либерально-капиталистической модели экономики с характерным для нее сочетанием политико-культурных компонентов [1].

Показательно высказывание премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер: «Благодаря плановой экономике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов СССР удалось достигнуть высоких экономических показателей. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков» (<https://ee.sputniknews.ru/news/20161209/4147058/SSSR-raspad-rol-SShA-istorik-Bagdasarjan-mnenie.html>).

Развал СССР и всей системы социализма не просто изменил соотношение мировой военно-политической конфигурации для США и стран Западной Европы, но стал шагом по устранению экономического и политического конкурента, открыл путь для беспрепятственной деятельности транснациональных корпораций (ТНК) и формирования политической, военной и экономической гегемонии США во всем мире.

Создание пятнадцати новых государств на месте единой мощной страны привело к ослаблению безопасности и росту конфликтогенности на этой территории, где один за другим вспыхивали военные конфликты. Образование постсоветских самостоятельных республик сопровождалось активным формированием национальных экономических и политических элит. Акцент на десоциализацию собственности как ключевую стратегическую идею проводимых в республиках экономических реформ, приватизация крупнейших государственных производств без проработки юридических и институциональных основ перехода собственности, разрыв вековых экономических связей — эти и многие другие проблемы переходного этапа привели к снижению технического потенциала промышленности, резкому сокращению перерабатывающих отраслей, увольнению рабочих, занятых в индустриальном секторе, отставанию в сфере развития высоких технологий, росту безработицы, резкому падению уровня жизни

населения республик, формированию в республиках антисоциальных моделей экономики [2]. Дезинтеграция экономической системы, произошедшая вслед за политическим развалом СССР, стала одним из важнейших факторов резкого экономического спада. Как отмечает исследователь Л. Вардомский, в период с 1992 по 2000 г. валовый внутренний продукт по государствам постсоветского пространства «сократился на 38%, объем промышленного производства — на 45, продукция сельского хозяйства — на 36, инвестиции в основной капитал — на 71%» [3].

Экономические и социальные последствия перестройки были общими для постсоветских государств. Низкая стоимость импортируемого сырья, закрытие множества государственных предприятий привело к высочайшему уровню безработицы, крайне низким и нерегулярным выплатам зарплат, пособий и пенсий, сокращению рождаемости и продолжительности жизни населения. О нарастании кризисных явлений свидетельствуют цифры российской статистики безработицы за 1999 г.: 46,1% — среди женщин и 53,9% — среди мужчин [4]. Для новообразованных государств стало характерно такое явление как сверхсмертность, народы оказались в единой зоне социального бедствия. Так, в течение 1999–2000 гг. «население стран Содружества за счет России, Беларуси, Казахстана, Молдовы и Украины уменьшилась на 1 млн и составило 282 млн человек» [5].

Следует отметить, что в предвкушении неограниченной власти большинство представителей национальных элит, в отличие от обычных граждан, не воспринимали ликвидацию СССР как величайшую геополитическую катастрофу века и целенаправленно прилагали усилия для этнизации существующих политико-социальных проблем и раздувания национальных противоречий. Практически единственным политиком на постсоветском пространстве, считающем и открыто заявляющим, что у бывших братских союзных республик существует потенциал взаимного сотрудничества был лидер Казахстана Н. Назарбаев. Более того, «Назарбаев до последнего сопротивлялся распаду СССР. Это был самый стойкий «...29-й панфиловец Советского Союза» (<https://www.kp.ru/daily/26612.5/3629688/>).

Следует отметить, что в марте 1991 г. 76,4% населения СССР на вопрос референдума: «Счи-

таете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?», ответили «да» (<https://tass.ru/spec/ussr-referendum>).

Когда же развал СССР состоялся и *de jure* и *de facto*, а все его негативные последствия обрушились на самостоятельные республики, погребая в экономической катастрофе целые отрасли производства, «вымывая» на Запад уникальных советских специалистов и ученых, повергая в разруху и бандитизм села и города некогда сильной державы, Н. Назарбаев стал первым политиком, призывающим к интеграции. Именно в Алма-Ате было подписано соглашение о целях создания и принципах деятельности СНГ, объединения, краеугольной основой которого могли бы стать человеческие связи, языковое и культурное единство, общие исторические корни, единые энергосети и слажено работающие предприятия. Однако, основываясь на благих помыслах, создать результативно действующее объединение, запустить эффективную работу экономических институтов и победить центробежные силы не получилось.

В интеграционные процессы оказались вовлечены не все государства постсоветского лагеря. Разногласия, характерные для конца 90-х гг. XX в., политические споры, под аккомпанемент которых шел процесс самоидентификации и основой которых были националистические взгляды, в настоящее время сформировались в виде вполне конкретных позиций различных групп этнических элит, ориентированных на альтернативное внешнеполитическое взаимодействие. Довлеющая идея об интеграции с Североатлантическим блоком, наиболее четко проявившаяся после проведения «цветных революций», рост финансово-экономической задолженности западным странам, активное внедрение военного присутствия и взаимодействия способствуют закреплению на территории стран СНГ поляризации внешнеполитических ориентиров, нацеленных, в зависимости от географического расположения, на страны Евросоюза, США или Китай.

В интеграционные процессы в настоящее время вовлечены отдельные государства СНГ, имеющие общую экономическую заинтересованность и схожие геополитические воззрения.

Практическим проявлением интеграционных устремлений стал вступивший в силу в 2015 г. Договор о создании Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС).

Идея создания ЕАЭС, как новой концепции интеграции, была выдвинута еще в 1994 г. «главным переговорщиком на всем постсоветском пространстве», президентом Казахстана Н. Назарбаевым. На основе общего экономического и культурного пространства им был предложен проект создания более эффективной формы взаимодействия, однако долгое время проекту не уделялось должного внимания, и потребовалось длительное время и смена политического руководства России для практических действий по созданию Союза. Деятельность В.В. Путина на посту президента РФ стимулировала экономическое взаимодействие на постсоветском пространстве, многие проекты ельцинского периода получили свое реальное воплощение, были сформированы новые координирующие структуры, единое экономическое пространство, включающее Россию, Беларусь, Казахстан.

В настоящее время членами ЕАЭС являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Российская Федерация. Деятельность Союза в сфере экономического регулирования направлена на проведение согласованной экономической политики, повышение устойчивости к внешним вызовам, развитие экономик независимых государств и расширение их экспортных возможностей.

Формирование евразийской интеграции реализуется в неблагоприятной внешнеполитической среде. Курс, во многом стимулируемый экономической значимостью обширного постсоветского рынка, направленный на дезинтеграцию постсоветских государств, на стимулирование их независимости от России был взят США еще на рубеже веков. В настоящее время геополитические притязания США на влияние в этом регионе дополнительно обосновываются необходимостью противодействия международному терроризму, а тенденция к размещению военных объектов США на территории бывшего СССР набирает обороты. Ведущие государства мира — США, Китай, Германия, Франция и др., в жестких условиях рыночной конкуренции, преследуя собственные экономические и геополитические выгоды, применяют устойчивые финансовые механизмы

влияния и выстраивают свои связи, имеющие отличительные национальные черты с каждой из бывших советских республик, стимулируя процесс их дистанцирования от России и формирование многовекторной внешней политики государств СНГ (<https://www.currenttime.tv/a/kazakhstan-china-protest/30146156.html>). Данная тенденция ухудшает возможности реали-

зации национальных интересов России, подрывает экономические, политические и дружеские связи с братскими народами, при этом отвечает геополитическим интересам держав, конкурирующих с Россией и заинтересованных в замедлении ее экономического и политического развития, сокращении ее влияния на международной арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ратленд П. Глобализация и посткоммунизм. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/4139502>.
2. Доброхотов Л. Политика США на постсоветском пространстве: вчера и сегодня. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/17914921>.
3. Вардомский Л. Десять лет после распада СССР: некоторые результаты и перспективы эволюции пространства СНГ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/15111166>.
4. Шибаршина О. К вопросу о динамике показателей безработицы в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dinamike-pokazateley-bezrabotitsy-v-rossii>.
5. Вардомский Л. Десять лет после распада СССР: некоторые результаты и перспективы эволюции пространства СНГ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/15111166>.

REFERENCES

1. Rutland P. Globalization and Post-Communism. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/4139502>. (In Russ.).
2. Dobrokhoto L. US Politics in the Post-Soviet Field: Yesterday and Today. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/17914921>. (In Russ.).
3. Vardomsky L. Ten years after the collapse of the USSR: some results and prospects for the evolution of the CIS. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/15111166>. (In Russ.).
4. Shibarshina O. On the issue of the dynamics of unemployment rates in Russia. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dinamike-pokazateley-bezrabotitsy-v-rossii>. (In Russ.).
5. Vardomsky L. Ten years after the collapse of the USSR: some results and prospects for the evolution of the CIS space. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/15111166>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нина Николаевна Кулакова — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
nina260169@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nina N. Kulakova — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
nina260169@rambler.ru

Статья поступила 10.03.2020; принята к публикации 15.04.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.03.2020; accepted for publication on 15.04.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-79-85
УДК 32(045)

«Сделка века» на перекрестии интересов США, России, Израиля и Палестины*

Г.В. Мирзаян

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-4833-0220>

АННОТАЦИЯ

«Сделка века» новый подход к разрешению палестино-израильских противоречий, предложенный Дональдом Трампом. Мировая общественность этот подход не приняла. Сразу же после его оглашения план был подвергнут критике рядом журналистов, экспертов и политиков по всему миру. И отчасти эта критика оправданна – «Сделка века» действительно является циничной и рискованной. Израиль попадает под очень серьезное давление со стороны даже тех стран, с которыми ему удалось нормализовать отношения. Кроме того, возможно восстание палестинского населения, недовольного тем, что его лишают земли, святынь и гражданства. Однако, с другой стороны, нельзя не признать, что традиционные методы разрешения палестино-израильского урегулирования, основанные на принципе компромисса, завели процесс в тупик. Они банально не работают – просто потому, что палестинской стороне не нужен реалистичный компромисс. И, возможно, в этой ситуации политика принуждения к компромиссу, которую проводит Дональд Трамп, является единственным возможным способом добиться мира на Святой Земле. Пусть не сразу, а через временный всплеск насилия. Как говорится: лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Ключевые слова: «Сделка века»; Израиль; Палестина; Трамп; Западный берег; поселения

Для цитирования: Мирзаян Г.В. «Сделка века» на перекрестии интересов США, России, Израиля и Палестины. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):79-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-79-85

ORIGINAL PAPER

“Deal of the Century” in the Crosshairs of the US, Russia, Israel, and Palestine**

G.V. Mirzayan

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4833-0220>

ABSTRACT

The Deal of a Century is a new approach to resolving Palestinian-Israeli conflicts proposed by Donald Trump. The world community has not accepted this approach. Immediately after its announcement, the plan was criticized by several journalists, experts, and politicians almost in every country of the world. And this criticism is in some cases justified – Deal of a Century is indeed cynical and risky. If it is realized Israel comes under severe pressure, even from those countries with which it was able to normalize relations. Besides, we can see a real uprising of the Palestinian population, deprived of its land, holy sites and citizenship. However, one cannot but admit that the traditional methods of resolving the Palestinian-Israeli settlement (based on the principle of compromise) led the process to a standstill. They do not work – simply because the Palestinian side does not need a realistic compromise. And perhaps in this situation, the policy of forcing a compromise pursued, by Donald Trump, is the only possible way to achieve peace in the Holy Land. Maybe not immediately, possibly through a temporary surge of violence. But a horrible end is always better than a horror without the end.

Keywords: Deal of the Century; Israel, Palestine; Trump, West Bank; settlements

For citation: Mirzayan G.V. “Deal of the century” in the crosshairs of the US, Russia, Israel, and Palestine. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):79-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-79-85

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ «Лоббизм и санкции США и ЕС: сравнительный анализ», 2017–2019. № 17–37–01001а2.

** This article was completed as part of the RFBR grant “Lobbying and Sanctions of the USA and the EU: A Comparative Analysis”, 2017–2019. No. 17-37-01001a2.

ВВЕДЕНИЕ

Ближний Восток, и без того являющийся сосредоточием множества конфликтов и споров, рискует в ближайшие месяцы стать ареной нового противостояния. Речь о реализации Тель-Авивом при поддержке Трампа «Сделки века» — плана по разрешению арабо-израильского конфликта, суть которого в том, чтобы заставить Палестину признать себя проигравшей стороной и сохранить за Израилем большую часть ныне контролируемой им территории. После заключения долгожданного соглашения [1] о форматировании правительства между Нетаньяху и Бени Ганцем, Израиль готовится начать реализацию «Сделки века».

Причем в Тель-Авиве понимают, что окно возможностей у них крайне небольшое — «Сделку» нужно начать реализовывать как можно быстрее. Несмотря на все препятствия из-за коронавируса [2] нужно не только сделать первый шаг (т.е. принять закон об аннексии занятой поселениями части Западного берега и включении ее в состав государства Израиль, а также начать эту аннексию уже с 1 июля) [3], но и пересечь все возможные «красные линии» до ноября 2020 г. — т.е. до президентских выборов США. Да, сейчас премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху уверен — и правильно уверен — в полной поддержке предстоящей аннексии со стороны Соединенных Штатов. Однако если Дональд Трамп — один из самых ярких адвокатов «Сделки» — проиграет выборы, то Соединенные Штаты резко охладят к этому проекту. В этом случае Израиль окажется фактически в изоляции. Без поддержки Соединенных Штатов ему будет очень непросто провести «Сделку» и сопротивляться давлению Европы, России и арабских стран.

Давлению, которое не связано со стремлением этих государств защитить права палестинцев или, тем более, добиться мира на Святой Земле. Парадоксально, но мир (пусть даже и в перспективе) может быть достигнут исключительно благодаря той самой «Сделке века», которая выводит переговорный процесс из тупиковых гуманитарно-либеральных принципов конца XX в. и возвращает в дискуссию всегда работавшие тезисы реалполитик — например, базовое понимание того, что по итогам военного конфликта мир должен заключаться на условиях победителей.

Европа, Россия, а с ними арабы, турки и персы все это прекрасно понимают — однако делают то, что должны в соответствии с вышеупомянутыми принципами реалполитик. В частности, эксплуатируют палестино-израильских вопрос для защиты

собственных интересов — стратегических и тактических, внутривосточных и внешнеполитических, экономических и идеологических. Поэтому, по сути, они лишь мешают справедливому (не путать с либеральным) решению системообразующего ближневосточного конфликта.

ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ

Сам план зиждется на принципиальном отказе от неработающих, ритуальных принципов «Соглашения в Осло», заключенного более четверти века назад. Тогда Израиль отдал палестинцам землю (не ту, что хотели палестинцы, а ту, что готово было отдать израильское руководство) — но при этом не получил мир. И демократические, и республиканские администрации пытались решить палестино-израильский конфликт в рамках ословских принципов — и не могли этого сделать. Израиль не понимал, почему он — страна-победитель — должен отдавать завоеванное, а палестинцы, которые потерпели поражение, не готовы были удовлетворяться частичными уступками. Не готовы были потому, что чувствовали за собой колоссальную дипломатическую поддержку — от мусульманского мира, европейских либералов и даже от США. Трамп же изменил подход — он выставил план, который условно можно назвать «горе побежденным».

Сам план расписан на десятках страниц, однако его основные положения весьма просты и, во многом, являются элементарной легитимацией существующего статус-кво. Еврейские поселения на Западном берегу официально входят в состав Израиля, как долина реки Иордан (связь палестинских территорий с Иорданией будет осуществляться через две специально сооруженные дороги). Потерянные земли палестинцам компенсируются за счет территорий в пустыне Неgev, которые должны стать промышленным и сельскохозяйственным кластером для перенаселенного Сектора Газа, который остается в рамках палестинского государства — но перед этим палестинцы обязаны каким-то образом разоружить ХАМАС. Сам Иерусалим остается израильским и признается как столица государства, а несколько арабских кварталов объединяются с находящимся неподалеку городком Абу-Дис, получают название Аль-Кудс и становятся столицей демилитаризованного государства Палестина.

Неудивительно, что израильтяне называли «Сделку» самым выгодным планом, который когда-то предлагался американцами. Он даже не предполагает идею вывода малых поселений с Западного берега (на что могло согласиться израильское

руководство), — вместо сохранения суверенитета лишь над крупными блоками поселений Тель-Авив получает под свое официальное крыло все. Возражения идут в основном лишь от тех, кто считает, что даже в рамках этого плана палестинцам дали слишком много земли. Однако они тонут в общем одобрении — израильские политологи уверяли, что у Израиля появилась историческая возможность, и ее нужно как можно быстрее реализовывать [4].

Опросы общественного мнения показывают, что 43% израильтян хотели немедленного (т.е. до выборов в Кнессет, до уточнения границ) распространения суверенитета на Иорданскую долину, северное побережье Мертвого моря и все без исключения еврейские поселения Западного берега. Лишь 28% выступали против (среди них, скорее всего, значительная часть арабского населения, а также те, кто просто призывает не торопиться с вопросом) [5]. Ряд политиков — в том числе министр обороны Нафтали Беннет — призывали Нетаньяху реализовать волю народа. «Никогда не было более подходящего момента для распространения суверенитета на нашу страну. Я призываю премьер-министра Нетаньяху немедленно вынести вопрос о распространении суверенитета на Иудею и Самарию на голосование правительства. Без суверенитета мы получим палестинское государство террора со столицей в Иерусалиме», — говорил министр. Однако Соединенные Штаты в лице посла Дэвида Фридмана призвали израильских коллег не торопиться и подождать окончания работы американо-израильской картографической комиссии — в ином случае американцы даже угрожали отказаться от плана (<https://www.politico.com/news/2020/02/09/friedman-israel-west-bank-annexation-112880>). Собственно, Нетаньяху никуда не торопился — он активно использовал идею о распространении суверенитета как карту во внутривосточной борьбе. Уверял, что само это распространение произойдет только в том случае, если партия Ликуд возглавит правительство (что, вероятно, и дало партии ряд голосов) [6]. Ну и добавлял, что сама комиссия уже работает, и очень скоро свою задачу выполнит [7].

ПОРАЖЕНИЕ С УНИЖЕНИЕМ

Неудивительно, что самим палестинцам и симпатизирующим им либеральным экспертам этот план не нравится. И речь не только о практических аспектах, некоторые из которых попахивают дискриминацией (например, *The Washington Post* возмущен тем, что граждан Израиля арабского происхождения выталкивают на палестинскую

территорию — фактически лишают гражданства не по их воле) [8]. Речь о тоне, в котором он написан и презентован. «Условия сдачи и мирный план — это не одно и то же, — пишет бывший израильский дипломат Даниэль Леви, — Но даже условия капитуляции имеют больше шансов на реализацию в том случае, если они написаны так, чтобы сохранить достоинство у проигравшей стороны» [9]. Собственно, план и есть капитуляция без сохранения достоинства. Палестинцам предлагают оставить лишь 70% территорий, которые сейчас имеют статус «оккупированных Израилем». Что, в свою очередь, составляет 15% исторической Палестины — основные водные ресурсы и сельскохозяйственные земли которой оказываются в Государстве Израиль [10]. И в качестве компенсации за эти потери и за унижения палестинцы получают инвестиции в 50 млрд долл.

Очевидно, что интересы палестинцев американского президента мало волнуют. Собственно, это подтверждает и сам посол США в Израиле Дэвид Фридман. По его словам, план стал «продуктом более чем трех лет консультаций между президентом США, премьер-министром Нетаньяху и их высокопоставленными сотрудниками» [11]. Как видно, для палестинцев в этих переговорах место не нашлось. И на то есть как субъективные, так и объективные причины.

Субъективные — это взгляды и интересы Трампа. Как верно отмечает один из колумнистов *The New York Times*, «Сделка для Трампа — это скорее подарок для Нетаньяху и попытка главы государства завоевать голоса евреев во Флориде, а не палестинские сердца в Рамалле» [12]. И ничего странного в этих приоритетах нет — нынешний хозяин Белого дома изначально позиционировал себя чуть ли не как самый произраильский президент за последнее время. За произраильские настроения Дональда Трампа любят и ценят десятки миллионов американских евангелистов, для которых сохранение и благополучие государства Израиль важнее, чем даже для некоторых израильских политиков. Трампу очень нужны голоса этих евангелистов для того, чтобы выиграть выборы 2020 г., дабы показать всем, что он самый лучший, самый успешный американский президент за последнее время. Особенно они нужны сейчас, когда эпидемия коронавируса размыла важнейший оплот всей предвыборной кампании президента — его экономические успехи. И если экономика США до ноября не продемонстрирует устойчивый рост и быстрые темпы восстановления (что маловероятно, тем более в случае, если

Америку осенью действительно накроет вторая волна коронавируса), то Дональду Трампу нужны будут альтернативные средства — как для привлечения голосов беспартийных избирателей, так и для мобилизации республиканского электората.

Объективная же причина в том, что Палестина — это проигравшая сторона в конфликте, системно проигравшая сторона. А, значит, по всем неписанным законам международных отношений она должна подписывать мир на условиях победителя. На, выражаясь словами Беньямина Нетаньяху, «реалистичных условиях» [13]. Отказ от подписания мира лишь усугубляет положение палестинцев, мешая им примириться с реальностью и вместо сопротивления взять курс на развитие того, что у них осталось: растить следующее поколение палестинцев не в ненависти к Израилю (т.е., по сути, создавать потенциальных сторонников радикальных шагов или же новобранцев для различных террористических организаций), а в любви и ответственности за судьбу Палестинского государства. Палестинскому руководству пытаются объяснить, что, если они не согласятся на условия Трампа сегодня, завтра они получают еще меньше [12].

НУЖНЫ НОВЫЕ ЛИДЕРЫ

Правда, у этой вроде бы как правильной концепции есть один важный недостаток: ее апологеты почему-то уверены, что палестинское руководство заточено на достижение мира и создание палестинского государства в компромиссных границах. Это не так.

Во-первых, лидеры Палестины психологически не готовы заключать мир — вместо этого они предпочитают рефлексировать по упущенным возможностям и вспоминать невыполнимые принципы (как-то резолюции Совбеза ООН о необходимости возврата Израиля в границы до 1967 г.). Как абсолютно правильно сказал посол Израиля в ООН Дэни Данон, «73 года назад израильские лидеры сказали «да» (созданию государства — Г.М.) и никогда не оглядывались назад. В то же время лидеры палестинских арабов всегда говорили «нет» — и никогда не прекращали смотреть в прошлое» [14]. И, отчасти, их можно понять — никто не хочет повторять судьбу Анвара Садата, который смог вывести свою страну из бесконечной спирали поражений, заключил мир с Израилем и был за это расстрелян на военном параде местными исламистами.

Помимо объективного страха руководством палестинской автономии движет и объективная

жадность. Лидеры ПНА привыкли жить за чужой счет (т.е. на европейские, американские и арабские деньги), а также ни за что не отвечать. Если они будут возглавлять не сопротивление, а государство, то нужно будет прекратить воровать эти деньги и начать нести ответственность за социально-экономическое развитие полученных территорий — а административной деятельностью палестинские лидеры заниматься не умеют. И это означает, что лидерами нового государства они пробудут крайне недолго. Именно поэтому Махмуд Аббас и его сторонники категорически не готовы выходить из нынешней зоны комфорта в terra incognita. И именно поэтому некоторые эксперты говорят о том, что без смены палестинского руководства — а также без смены палестинского общества с нынешних идеологов на людей, которые готовы защищать потребности палестинцев, а также без вымывания из палестинского общества традиционной «виктимизации», через призму которой они рассматривают современную реальность — шансы на дипломатический прогресс невелики [15].

На сегодняшний день смены нет и вымывания не предвидится, поэтому легко догадаться, что Махмуд Аббас и палестинцы крайне критично отнесутся к любому плану арабо-израильского урегулирования, который будет базироваться на принципах и статус-кво: они принципиально его отвергнут. И зачем тогда стараться, учитывать в нем интересы Рамаллы и пытаться понравиться оскорбленному палестинскому населению?

Если Дональда Трампа и интересовали мнения арабов, то не в Рамалле, а в Эр-Рияде, Абу-Даби, а также в Каире и Аммане. Две страны должны были профинансировать «Сделку века» и по закрытым каналам убедить Махмуда Аббаса серьезно не дергаться, а Египет и Иордания как страны-соседи Израиля, с которыми у Тель-Авива есть дипотношения, должны были своей более-менее нейтральной реакцией придать плану хотя бы минимальный флер допустимости в арабском мире. Прежде всего, надежды возлагались на Египет и его президента Абдель Фаттаха ас-Сиси — «любимого диктатора» Дональда Трампа [16]. За что Египет должен был получить многомиллиардный пакет экономической помощи (<https://www.middleeastmonitor.com/20190423-egypts-sisi-to-recruit-arab-states-in-support-of-deal-of-the-century/>).

Впрочем, флера не получилось: так, египтяне, конечно, постарались пройти «между струйками». На официальном уровне «высоко оценили усилия Белого дома» и предложили сторонам конфлик-

та тщательно изучить «Сделку века» [17]. Однако общество было не столь дипломатичным. Да, значительная часть египтян негативно относятся к тому же ХАМАС — однако это не означает, что они поддержат Трампа в стремлении раздавить Палестину. Известный египетский аналитик Хишам Кассем уже назвал американское предложение «скорее аннексией, нежели мирным планом» и добавил, что «Израиль и США изначально знали, что план будет отвергнут». По мнению Хишама Кассема, этот план — «лишь повод для аннексии Израилем Западного берега и долины реки Иордан» [18]. Аналогичного мнения придерживается и известный египетский политик, бывший глава МАГАТЭ Мохаммед эль-Барадей [19], а также бывший министр иностранных дел страны Набиль Фахми, уверяющий, что «это отнюдь не решение в рамках концепции “двух государств для двух народов”» [18].

В целом же арабские СМИ негодуют — они требуют от палестинского руководства «перестать выполнять роль подрядчика по вопросам безопасности» израильских властей и самораспуститься [10]. Однако это, безусловно, не выход и не способ как-то перебороть Трампа и сорвать реализацию его «Сделки века», которую, если судя по тексту стратегии, Израиль вполне может реализовывать в одностороннем порядке, без участия палестинской автономии (например, через законодательную аннексию поселений и Западного берега). Политологи могут сколько угодно критиковать «Сделку», называть ее «свадьбой без невесты» [20], — она, собственно, так и была задумана.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Каким образом это перебороть? Надежды на интифаду особо нет. Сами протесты идут очень вяло (<https://www.middleeastmonitor.com/20200208-one-killed-tens-wounded-during-protests-in-west-bank/>), и большая часть израильских — да и не только израильских — политологов уверены, что палестинцы смиряются с неизбежным. Так, Моше Элад (который участвовал в переговорах по вопросам безопасности между Тель-Авивом и ПНА) уверен, что вспышки насилия не будет. «Палестинское население в 2020 г. отличается от того, что было во время первой интифады в 1987. И уж точно отличается от того, что было во время последующих эскалаций... Палестинцы, конечно, злятся на государство Израиль, но они также внимательно следят за тем, что происходит в Секторе Газа. Они видят условия жизни там и не хотят аналогичных для себя.

Сейчас они живут в хороших условиях, поэтому боятся перекрытий дорог и беспорядков, которые могут осложнить их жизнь», — уверен израильский эксперт [21].

И пока выходит, что он прав. Интифады нет — но не только потому, что у жителей Западного берега не хватает пассионарности, а жители Газы и без того постоянно бунтуют. Большое спасибо за спокойствие палестинцев стоит сказать кронпринцу Саудовской Аравии Мохаммеду бин Салману, который использовал финансовые инструменты (взятки и шантаж) для того, чтобы заставить палестинских руководителей вести себя прилично. Ни для кого не секрет, что Эр-Рияд поддерживает «Сделку века» — саудитам давно и глубоко плевать на права палестинцев, они хотят получить возможность вместе с Израилем сдерживать Иран, а также по возможности перенаправить гнев арабов с Тель-Авива и Вашингтона (которые сейчас «оккупируют палестинские земли») на Тегеран. Кое-кто даже говорит о том, что сейчас активно готовится официальный саммит между Беньямином Нетаньяху и Мохаммедом бин Салманом (<https://www.jns.org/report-historic-meeting-between-netanyahu-saudi-crown-prince-in-the-works/>).

Надежды на внешних адвокатов у Рамаллы тоже нет. Да, Турция и Иран уже начали эксплуатировать арабский гнев, предложив мусульманскому миру объединиться (естественно, под собственным флагом) для борьбы с планом Трампа. Да, Анкара и Тегеран заработают на этом вопросе какие-то политические дивиденды. Однако ни турецкое, ни тем более иранское руководство не обладают инструментами для принуждения Трампа отказаться от «Сделки века». Тот же Реджеп Эрдоган может сколько угодно утверждать, что он не позволит этой «мечте, угрожающей всему региону» свершиться — его в данном вопросе никто не спросит, а войска Турция ни в Газу, ни тем более на Западный берег не введет (<https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-wont-allow-deal-of-century-to-threaten-peace-president-151883>). Да и в принципе готовность мусульманских лидеров (не только Мохаммеда бин Салмана) защищать палестинцев делом, а не словом, на сегодняшний день куда менее явная, чем это было раньше [22].

На Россию тоже надеяться смысла нет. Да, Москва публично выступает против реализации «Сделки века». Считает «критически важным, чтобы, с целью сохранения мирного процесса, стороны не предпринимали провокационных действий, односторонних шагов» — т.е., чтобы Израиль не на-

чинал мероприятия по аннексии Западного берега (<https://islam-today.ru/novosti/2020/04/24/rossia-predosteregla-izrail-ot-odnostoronnej-realizacii-sdelki-veka/>). Однако в то же время Кремль ничего не делает для того, чтобы похоронить сделку — не мешает ее реализации. То есть проводит самую разумную в этой ситуации политику.

И дело даже не в том, что Россия может сохранить одновременно хорошие отношения с арабами, израильтянами и Трампом. И не в том, что Трамп, навязывая арабам позорную капитуляцию, убивает остатки американского влияния на арабские общества. А в том, что предложенный американцами принцип легитимации статус-кво создает интересный и выгодный России прецедент для решения крымских проблем. Москва уже использовала косовский прецедент для воссоединения с полуостровом, и не исключено, что через какое-то время теперь уже палестинский прецедент будет использован в российско-европейских договоренностях по международному признанию российского суверенитета над ним. Поэтому России во всех отношениях выгодно, чтобы Трамп и дальше легитимировал израильскую аннексию Западного берега.

По сути, у палестинцев есть лишь одна надежда на реванш — максимально затягивать процесс (т.е. не выходить из диалога, как сделал Махмуд Аббас, а демонстрировать готовность вести переговоры и затягивать их) в надежде на то, что Дональд Трамп не переизберется в ноябре 2020 г. Не секрет, что

представители Демократической партии крайне скептически относятся к «Сделке века» и наверняка в случае победы попробуют ее свернуть. Так, фаворит демократических праймериз Джо Байден активно критикует ее за односторонность. «Мирный план требует, чтобы стороны сели вместе и договорились. Это же лишь политический трюк, который может спровоцировать односторонние шаги по аннексии территории и отбросит мирный процесс еще дальше назад. Я всю жизнь работал над тем, чтобы укрепить безопасность и обеспечить выживание евреев и демократического Израиля. Нынешний план — это не решение проблемы», — отметил бывший вице-президент США и, возможно, будущий президент. За восстановление арабо-израильских переговоров и решение всех проблем в диалоге по принципу «два государства для двух народов» выступают и левые демократы, в частности, сенатор Элизабет Уоррен. Даже Берни Сандерс со своими крайне левыми взглядами выступает за соблюдение прав палестинцев.

Но готовы ли палестинцы следовать такой стратегии? Готов ли Махмуд Аббас вести переговоры (смысл которых может быть неправильно понят палестинским населением), а не заниматься самопиаром и, например, бессмысленно скандалить на трибуне ООН [14]? Вопрос, к сожалению для палестинцев, риторический. И вновь судьба целого народа оказывается под вопросом из-за того, что у этого народа нет нормальных лидеров, которые могут достойно его защищать и представлять.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Hoffman G. The deal is done: Netanyahu, Gantz ink coalition pact. The Jerusalem post. April 21, 2020. URL: <https://www.jpost.com/breaking-news/a-joint-meeting-between-netanyahu-and-gantz-to-start-soon-625241>.
2. Shapiro D. Will the Coronavirus Crisis Accelerate Israel's West Bank Annexation — or Derail It? Haaretz. April 23, 2020. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/.premium-trump-biden-or-his-base-on-annexation-netanyahu-must-decide-who-s-dispensable-1.8790864>.
3. Lazaroff T. Annexation as early as July 1 under Netanyahu-Gantz deal. The Jerusalem Post. May09, 2020. URL: <https://www.jpost.com/arab-israeli-conflict/annexation-as-early-as-july-1-under-netanyahu-gantz-deal-625304>.
4. Hacoheh G. A Historic Opportunity That Must Be Seized. The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. January 30, 2020. URL: <https://besacenter.org/perspectives-papers/trump-plan-historic-opportunity/>.
5. Чернин В. Около половины израильтян — за немедленную аннексию части территорий Иудеи и Самарии. Институт Ближнего Востока. 30 января 2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66312>.
Chernin V. Nearly half of Israelis are for immediate annexation of the part of Judea and Samaria territories. Institute of the Middle East. January 30, 2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66312>.
6. Чернин В. Разногласия в израильском руководстве по поводу сроков распространения суверенитета на Иудею и Самарию. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66929>.
Chernin V. Disagreements in Israeli leadership on the timing of sovereignty extending on Judea and Samaria. Institute of the Middle East. February10, 2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66929>.
7. Staff To. Netanyahu says Israel has started mapping West Bank areas to annex. The Times of Israel. February 08, 2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-says-israel-has-started-mapping-west-bank-areas-to-annex/>.

8. Hendrix S., Taha S. Buried in Trump's peace plan, a proposal that could strip thousands of Israeli Arabs of their citizenship. The Washington Post. February 8, 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/world/middle-east/buried-in-trumps-peace-plan-a-proposal-that-could-strip-thousands-of-israeli-arabs-of-their-citizenship/2020/02/07/0b43ff0c-4696-11ea-91ab-ce439aa5c7c1_story.html.
9. Levy D. Don't Call It a Peace Plan. The American Prospect. JANUARY 30, 2020. URL: <https://prospect.org/world/dont-call-it-a-peace-plan-israel-palestine-trump/>.
10. Cook J. Donald Trump's Middle East peace plan will not bring peace — the US and Israel know this. The National. January 29, 2020. URL: <https://www.thenational.ae/opinion/comment/donald-trump-s-middle-east-peace-plan-will-not-bring-peace-the-us-and-israel-know-this-1.971616>.
11. Friedman D. URL: <https://twitter.com/USAmbIsrael/status/1226421006065164289>.
12. Stephens B. Every Time Palestinians Say 'No,' They Lose. The New York Times. January 30, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/30/opinion/middle-east-peace-plan.html>
13. Щегловин Ю.Б. Первая реакция и оценки американских экспертов обнародованного плана США по урегулированию палестинно-израильского конфликта. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66287>.
Shcheglovин Yu.B. The first reaction and assessment of American experts of the unveiled US plan to resolve the Palestinian-Israeli conflict. January 29, 2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66287>.
14. Danon D. Mahmoud Abbas makes a noise at the UN again rather than try to negotiate peace. New York Post. February 9, 2020. URL: <https://nypost.com/2020/02/09/mahmoud-abbas-makes-noise-at-un-again-rather-than-try-to-negotiate-peace/>.
15. Edelman S. Trump's Peace to Prosperity plan is a beginning. The Jerusalem Post. February 5, 2020. URL: <https://www.jpost.com/Opinion/Trumps-Peace-to-Prosperity-plan-is-a-beginning-616659>.
16. Perry S. Egypt is unlikely driving force behind 'deal of the century'. YNetNews. 04.22.19. URL: <https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-5498075,00.html>.
17. Nasr S. Egypt appreciates the continued efforts made by the American administration to reach a comprehensive peace. Al-Ahram. January 28, 2020. URL: <http://gate.ahram.org.eg/News/2364914.aspx>.
18. Shahira A. Trump's 'deal of the century' fails to resonate among Egyptians. Al Monitor. January 29, 2020. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/01/egypt-reaction-trump-peace-plan-israel-palestine-sisi.html>.
19. ElBaradei M. Twitter. January 29, 2020. URL: <https://twitter.com/ElBaradei/status/1222440317376397312>.
20. Halevi Yo. Both Israelis and Palestinians need a reality check on the peace process. The Globe and Mail. February 3, 2020. URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/article-both-israelis-and-palestinians-need-a-reality-check-on-the-peace/>.
21. Lappin Y. Trump peace plan unlikely to lead to major escalation; IDF increases readiness just in case. Jewish News Syndicate. January 28, 2020. URL: <https://www.jns.org/trump-peace-plan-unlikely-to-lead-to-major-escalation-though-idf-increases-readiness-just-in-case>.
22. Kawas M. The Palestinian issue is no longer 'the leading cause' in the Arab world. The Arab Weekly. February 9, 2020. URL: <https://thearabweekly.com/palestinian-issue-no-longer-leading-cause-arab-world>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Геворг Валерьевич Мирзаян — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
GVMirzayan@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Gevorg V. Mirzayan — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
GVMirzayan@fa.ru

Статья поступила 10.04.2020; принята к публикации 20.04.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.04.2020; accepted for publication on 20.04.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-86-91
УДК 316.4(045)

Формирование финансово грамотного поведения населения: риски и условия безопасности

Н.В. Аликперова

Финансовый университет, Москва, Россия; Институт социально-экономических проблем
населения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5028-078X>

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается возможность формирования финансово грамотного поведения населения в условиях повышенных рисков, обусловленных современными шоковыми экономическими обстоятельствами, а также условия для обеспечения личной материальной безопасности. Финансовая безопасность граждан напрямую зависит от решений, принимаемых ими ежедневно. Непродуманный выбор поставщика финансовых услуг, невнимательное чтение условий договоров, отсутствие финансовой дисциплины несут в себе угрозу попадания в непростую финансовую ситуацию. Усложнение финансового рынка, появление абсолютно новых продуктов и услуг и их цифровизация, развитие цифрового поля взаимодействия участников финансового рынка, а вместе с тем и формирование новых видов мошенничества, являются своего рода сигналом для проявления бдительности со стороны населения, повышения не только финансовой, но и цифровой и юридической грамотности, осведомленности обо всех аспектах и правилах игры на финансовом рынке при взаимодействии с финансовыми институтами.

Ключевые слова: финансово грамотное поведение; финансовая грамотность; финансовая безопасность; риски; финансовые рынки

Для цитирования: Аликперова Н.В. Формирование финансово грамотного поведения населения: риски и условия безопасности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):86-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-86-91

ORIGINAL PAPER

Formation of Financially Competent Behaviour of the Population: Risks and Security Conditions

N.V. Alikperova

Financial University, Moscow, Russia; Institute of Socio-Economic Studies
of Population (ISESP FCTAS) RAS, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5028-078X>

ABSTRACT

This article considers the possibility of forming financially competent behaviour in the conditions of increased risks caused by current shock economic circumstances, as well as requirements for ensuring personal material security. The financial security of citizens depends directly on their daily decisions. An incorrect choice of a financial service provider, inattentive reading of contract terms, and lack of financial discipline can lead to a difficult financial situation. The increasing complexity of the financial market, the emergence of entirely new products and services, their digitalization, the development of the digital field of interaction of financial market participants, and, at the same time, the formation of new types of fraud, are a kind of signal for vigilance on the part of the population. It increases not only financial but also digital and legal literacy, awareness of all aspects and "rules of the game" in the financial market, when interacting with financial institutions.

Keywords: financially literate behaviour; financial literacy; financial security; risks; financial markets

For citation: Alikperova N.V. Formation of financially competent behaviour of the population: Risks and security conditions. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):86-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-86-91

В современных непростых экономических условиях, связанных с высокой неопределенностью в отношении доходов и инфляции, а также недостаточно развитыми финансовыми институтами (наличие возможности манипулирования и обмана потребителей) большинство людей не имеют долгосрочных финансовых планов (например, не делают добровольных пенсионных сбережений, да и сбережений вовсе, не являются участниками фондового рынка и т. п.). Однако неясно, стоит ли считать такое поведение финансово неграмотным. В сложившихся обстоятельствах отсутствие необходимых установок и отказ от пользования финансовыми услугами может оказаться вполне рациональным и адекватным ответом на институциональную и рыночную неопределенность и свидетельствовать не об отсутствии финансовой грамотности, а о нежелании принимать высокие финансовые риски в условиях недостаточно эффективной защиты прав потребителей на данных рынках. Поэтому финансово грамотное поведение включает в себя не столько использование различных финансовых инструментов, сколько понимание основных принципов управления личными финансами, в числе которых: финансовая ответственность за принятые решения и умение оценивать связанные с ними риски, осознание влияния финансовых решений на более широкий спектр жизненных проблем и последствия этих решений. В связи с этим целью данного исследования является выявление возможных рисков и условий для формирования финансово грамотного поведения для обеспечения личной финансовой безопасности, которая в текущих реалиях становится жизненно необходимой, позволяющей населению сохранить привычный образ жизни, а в более благоприятных условиях — существенно улучшить уровень и качество жизни.

Изменения в экономических отношениях, усложнение структуры и продуктов финансового рынка, а также переход на цифровые рельсы привели население к необходимости выработки навыков формирования финансово грамотных стратегий [1]. Для реализации таких стратегий необходимо наличие у населения ресурсной и интеллектуальной базы, а также возможностей для формирования эффективной экосистемы взаимодействия всех участников

финансовых отношений [2, с. 210]; нужны условия для безопасного управления денежными средствами, минимизации возможных рисков, эффективной системы защиты прав потребителей на финансовом рынке и регулирование информационной деятельности, направленной на трансляцию о возможностях и эффектах на финансовом рынке со стороны СМИ.

Основоположник современного взгляда на безопасность общества В. Парето характеризовал ее как взаимосвязь трех составляющих: политической стабильности, экономического процветания, обороноспособности государства. Высокоразвитая экономика сама по себе не означает безусловной страховки от различных угроз, а, напротив, порождает новые проблемы, вызовы и угрозы безопасности и устойчивости развития. Понятие «финансовая безопасность» впервые было предложено в 1904 г. Президентом США Т. Рузвельтом и касалось только вопросов обеспечения национальной безопасности государства. Вопросы экономической и финансовой безопасности личности изучались многими зарубежными и российскими исследователями, среди которых: В. Бауэр, В. Богомолов, В. Гаврилова, М. Гельвановский, С. Глазьев, А. Илларионов, Г. Каминский, Е. Олейников, С. Рейнхард, В. Сенчагов, В. Феллер, Е. Черникова, Т. Шубина и др. Однако многие аспекты требуют дальнейшего исследования и совершенствования [3].

Под финансовой безопасностью личности следует понимать социально-экономическое состояние человека, при котором гарантированы материальные условия защиты его основных жизненных интересов, обеспечение социального развития и социальной защищенности, возможность безопасного поведения граждан на финансовом рынке, обусловленная как внешними (роль государства в обеспечении безопасности), так и внутренними (повышение личной материальной ответственности за свои действия при взаимодействии с участниками финансового рынка) факторами влияния.

Цифровые технологии все больше интегрируются в экономику и оказывают значительное влияние в финансовом секторе путем внедрения новых продуктов, услуг и их поставщиков [4]. Таким образом, возникают потребности в дополнительном эффективном финансовом образовании, защите прав потребителей на финансовом рынке и интеграции всех участ-

ников экономических отношений. Цифровая «перезагрузка» институтов финансовой отрасли требует не только перестройки всех процессов, но и изменения мировоззрения людей, которые в них работают: цифровая трансформация ведет к трансформации профессиональной. Это означает, что применение новых технологий и автоматизации на основе больших данных становится неотъемлемой частью рабочего процесса комплаенс-офицеров, а повышение квалификации в области цифровых продуктов и услуг необходимо для всех специалистов финансового сектора, которые взаимодействуют с клиентами.

Цифровая революция идет рука об руку с новыми поставщиками, выходящими на рынок и предлагающими финансовые услуги непосредственно физическим лицам через цифровые каналы [5]. Эти компании FinTech, обычно фокусируясь на одном продукте или услуге, могут оказывать существенное влияние на уровень конкуренции на финансовом рынке и способствовать снижению издержек, а также предложить улучшенный опыт для физических лиц и предпринимателей.

В то же время цифровизация несет с собой новые риски для потребителей как на зрелых, так и на развивающихся рынках, в частности: иррациональность принятия решений в виду отсутствия опыта использования нового продукта, не информированности потребителей, низкого уровня финансовой грамотности; новые виды мошенничества, использующие неопределенность и неосведомленность граждан в цифровой среде; риск нарушения конфиденциальности персональных данных; слабость регулятора и возможности возмещения ущерба; отсутствие координации между всеми участниками финансового рынка, в том числе и органами власти, что может привести к недоверию граждан к участникам финансового рынка, технологическим инновациям, финансовой системе в целом, усилить поведенческие предубеждения.

Помимо этого, дополнительные риски несет в себе огромный поток информации, так называемый информационный шум, в котором человеку сложно ориентироваться. Эти потоки создаются многочисленными участниками финансового рынка (официальные ресурсы финансовых институтов, правительственные платформы, СМИ, блогеры), при которых нет

единых согласованных требований к подаче и фильтрации информации.

В условиях обострения внешней среды и неопределенности в принятии финансовых решений для индивидуума, независимо от степени его информированности и образованности, финансового типа личности и других факторов, большое значение имеют общественное мнение и вектор доступной информации. В ситуации кризиса информационные риски усиливаются, аргументы в пользу принятия того или иного решения неоднозначны, соответственно, финансовое поведение населения становится более хаотичным. На характер принимаемых решений оказывают влияние и панические настроения в обществе, приобретающие в кризис цепную массовую реакцию.

Ситуацию осложняет и присущие россиянам особенности финансового поведения, такие как страх (в особенности страх перед освоением новых знаний), лень, а также привычка полагаться на «авось» и низкий уровень личной материальной ответственности. Данный факт подтверждают результаты опроса, проведенного Аналитическим центром НАФИ, в ходе которого выяснилось, что в случае потери основного источника дохода 42% россиян смогут оплачивать все необходимые расходы (без займов у близких и оформления кредитов) в течение одного месяца, а 26% — менее трех месяцев. Равные доли — по 10% — смогут прожить на свои сбережения от трех до шести месяцев и более полугодом. В среднем, при потере работы накоплений россиян хватит на 63 дня¹. Результаты исследования показывают, что большинство россиян не формировали сбережений и не имеют необходимой финансовой «подушки безопасности» на случай потери работы, что увеличивает их риски попасть в затруднительное материальное положение. Таким образом, некоторые граждане вынуждены будут обращаться в кредитные организации, чтобы элементарно выжить, тем самым загоняя себя в еще более сложную рисковую ситуацию — в условия невозможности обеспечения этого кредита.

Несмотря на то что уровень просроченных долгов по кредитам населению в 2019 г. упал

¹ Официальный интернет-ресурс Аналитического центра НАФИ. URL: <https://naf1.ru/analytics/pri-potere-raboty-nakopleniy-rossiyan-khvatit-v-srednem-na-63-dnya/>.

ниже 5% (такого не было с весны 2013 г.), данный факт не гарантирует высокого качества банковских портфелей: просрочку размыывают рост кредитования и передача долгов коллекторам. Помимо этого, снижение доли просроченных долгов происходит на фоне роста долговой нагрузки россиян. По данным ЦБ, она достигла 10,6% от уровня доходов — рекорд как минимум за семь лет. 3,7 млн граждан с 2017 г. расплачиваются по долгам с помощью новых кредитов².

Основной целью банка, как и любой коммерческой организации, является увеличение прибыли, поэтому банковские служащие стараются убедить клиента в том, что заботятся о его благосостоянии, имуществе и уровне жизни. Некоторые граждане все же попадают на рекламные объявления и становятся жертвами навязанных продуктов. Сотрудники кредитных организаций ведут нечистую игру по отношению к своим клиентам, предоставляя некорректную информацию относительно финансовых продуктов (услуг) с высокими рисками для потребителя, так называемый мисселинг — практику продаж, при которой финансовый продукт или услуга преднамеренно искажены или покупатель введен в заблуждение относительно его ликвидности и пригодности [6, с. 45]. Подобная практика может включать в себя намеренное упущение ключевой информации, совет с заведомо ложным подтекстом, а также предложение неподходящего продукта или услуги, что напрямую угрожает финансовой безопасности потребителя.

Стоит отметить, что мисселинг занимает лидирующее место по количеству жалоб в Банк России, что обусловлено в первую очередь закрытостью финансовых организаций в общении с клиентами, высокими агентскими вознаграждениями на рынке потребительского кредитования, отсутствием полноценных нормативно-правовых актов, регламентирующих поведение финансовых организаций, в частности, сотрудников этих организаций, работающих напрямую с клиентами.

Но самое большое беспокойство вызывает нелегальный рынок, который сложно измерить. К сожалению, мошенники и «черные» кредиторы находят способы обойти существующие

законы. Ответственность для них несоразмерно мала, а правоприменительная практика пока недостаточно развита. В результате даже если кредит или заем выдается нелегалом или с помощью мошеннических схем, то с заемщика по нему продолжают взыскивать на вполне законных основаниях.

В непростых условиях повышенных рисков в области обеспечения сохранности денежных средств и финансовой стабильности, вызванных разными шоками, перед научным сообществом встает вопрос: каким образом нивелировать риски граждан, обезопасить их в принятии неверных финансовых решений?

Первым шагом на пути снижения рисков и обеспечения безопасности в условиях цифровизации является работа в направлении финансовой осведомленности граждан, осуществляемая органами власти, а также повышение профессиональных компетенций сотрудников финансовых организаций.

В настоящее время существует проблема взаимодействия, которая заключается в том, что каждый раз, когда сотрудник финансовой организации, в частности, банка, кладет перед клиентом какой-то документ, банк уже создает дополнительную преграду в выстраивании отношений с клиентом. Проблема усугубляется низкой квалификацией специалистов и низким уровнем финансовой грамотности потребителей продуктов банка.

Повышение уровня финансовой грамотности граждан — как технологической (умение считать проценты, пользоваться онлайн-банкингом и т.д.), так и интеллектуальной (понимание сути тех или иных финансовых продуктов, услуг, базовых принципов работы финансовых институтов, так называемых «правил игры» на финансовом рынке; умение соизмерять риск с доходностью, сберегать, формировать долгосрочный горизонт планирования) — способствует устранению барьеров между участниками финансового рынка [7].

«Правила игры» на финансовом рынке должны четко регламентироваться, регулироваться, транслироваться государством, чтобы граждане чувствовали себя защищенными. В первую очередь, финансовая безопасность личности зависит от выполнения государством обязательств по противодействию угрозам и поддержанию высокого уровня финансовой безопасности личности в стране.

² Официальный интернет-ресурс РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/06/11/2019/5dc185099a7947d7f29037c6>.

Для поддержания необходимого уровня финансовой безопасности личности необходим комплекс правовых и нравственных норм, наличие общественных институтов и организаций, которые позволяют личности развивать и реализовывать финансово значимые способности и потребности, не испытывая противодействия со стороны государства и общества.

Для достижения цели, связанной с повышением уровня финансовой грамотности населения, необходимо разработать и реализовать комплекс мер, направленных на решение задач обеспечения экономической безопасности домохозяйств, разрушение патерналистского стереотипа, возвращение культуры принятия домохозяйствами самостоятельных ответственных решений в области экономики и финансов, формирование у российских граждан нового типа мышления, содержащего установки на активное экономическое поведение, соответствующее их финансовым возможностям [8].

Обеспечение финансовой безопасности личности в сфере кредитования должно достигаться системой мер экономического и организационного характера, а также действиями самого гражданина. Целесообразно ужесточить контроль за деятельностью банков, пересмотреть

меры наказания за мошенничество и, конечно же, самое главное — расширить информирование граждан о возможных угрозах (не только о будущих эффектах) для повышения уровня их финансовой безопасности посредством развития институтов финансовой грамотности населения.

Тем не менее, нельзя перекладывать всю ответственность на государство и финансовый сектор. Финансовая безопасность и благополучие — это, прежде всего, зона ответственности самого человека за свои действия на финансовом рынке (будь то взятие кредита или инвестиции в ценные бумаги).

Переход человеческого сознания на digital может занять десятилетия, и компании уже сейчас должны задуматься о трансформации культуры в организации в целом и о создании доверительной среды, которая позволит достичь баланс между адекватным контролем безопасности и приемлемым риском применения новейших технологий, а граждане — о собственной материальной ответственности, финансовой осведомленности и грамотности для трансформации финансовых стратегий, что положительным образом повлияет как на их собственное материальное благополучие, так и на экономику страны в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аликперова Н. В., Виноградова К. В. Финансово грамотное поведение россиян: факторы формирования. *Уровень жизни населения регионов России*. 2019;4(214):54–69.
2. Разов П. В., Аликперова Н. В. Влияние цифровизации на финансовое поведение: риски и возможности. Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2019 г.). А. В. Ярашева, О. А. Александрова, Н. В. Аликперова; К. В. Виноградова, ред. М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН; 2020. 298 с.
3. Астахова Е. А., Калюгина С. Н., Ларионова Н. А., Симанкина М. В. Финансовые аспекты безопасности личности. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2018;2(65):63–71.
4. Осиповская А. В., Михайлин А. В. Развитие финансовых технологий в сфере банковских услуг: основные направления. *Молодой ученый*. 2017;(26):124–127.
5. Винникова И. С., Кузнецова Е. А., Роганова С. Ю. Интернет-банкинг в России: причины стагнации и особенности развития. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016;(11):285–289.
6. Огородникова Д. П. Мисселинг на финансовом рынке как фактор формирования финансово безграмотного поведения. Финансово грамотное поведение современной молодежи: просвещение, стратегии поведения, социальные практики реализации финансовой культуры: сборник научных статей. С. В. Назаренко, Н. А. Ореховская, Т. Н. Серегина, ред. Казань: Отечество; 2019. 362 с.
7. Аликперова Н. В., Ярашева А. В. Финансовое поведение населения России. Саарбрюккен: Изд-во: LAP LAMBERT Academic Publishing RU; 2016.
8. Коновалова К. Ю. Финансовая грамотность населения как фактор экономической безопасности региона. *Научные известия*. 2019;(14):44–51.

REFERENCES

1. Alikperova N. V., Vinogradova K. V. Financially competent behaviour of Russians: factors of formation. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2019;4(214):54–69. (In Russ.).
2. Razov P. V., Alikperova N. V. Influence of digitalization on financial behaviour: risks and opportunities. Income, expenses, and savings of the Russian population: trends and prospects. Collection of materials of the V International scientific and practical conference (Moscow, December 3, 2019). A. V. Yarasheva, O. A. Alexandrova, N. V. Alikperova, eds. Moscow: ISESP FSRSC RAS; 2020. (In Russ.).
3. Astakhova E. A., Kalyugina S. N., Larionova N. A., Simankina M. V. Financial aspects of personal security. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*. 2018;2(65):63–71. (In Russ.).
4. Osipovskaya A. V., Mikhailin A. V. Development of financial technologies in the sphere of banking services: main directions. *Molodoi uchenyi*. 2017;(26):124–127. URL: <https://moluch.ru/archive/160/45022/> (accessed on 09.04.2020). (In Russ.).
5. Vinnikova I. S., Kuznetsova E. A., Roganova S. Yu. Internet banking in Russia: causes of stagnation and features of development. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 2016;(11):285–289. (In Russ.).
6. Ogorodnikova D. P. Misseling in the financial market as a factor in the formation of financially illiterate behaviour. In: Financially literate behaviour of modern youth: education, behaviour strategies, social practices of financial culture implementation: Collection of scientific articles. S. V. Nazarenko, N. A. Orekhovskaya, T. N. Seregina, eds. Kazan: Fatherland; 2019. (In Russ.).
7. Alikperova N. V., Yarasheva A. V. Financial behaviour of the Russian population. Publisher: LAP LAMBERT Academic Publishing RU. Saarbruecken; 2016. (In Russ.).
8. Konovalova K. Yu. Financial literacy of the population as a factor of economic security of the region. *Nauchnye izvestiya*. 2019;(14):44–51. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Валерьевна Аликперова — кандидат экономических наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования поведенческой экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
natalie_danilina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalya V. Alikperova — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia; Leading Researcher of the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
natalie_danilina@mail.ru

Статья поступила 12.02.2020; принята к публикации 30.03.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.02.2020; accepted for publication on 30.03.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-92-96
УДК 316.73(045)

Культурное потребление как фактор формирования социального статуса студента

К.В. Великая^а, Е.Л. Круглова^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-2082-1167>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2714-3864>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению роли культурного потребления при формировании социального статуса современного студента. В работе анализируются как уже известные данные, так и результаты авторского социологического исследования, целью которого было выявление тенденций культурного потребления. По итогам исследования авторы делают вывод о том, что на сегодняшний день в молодежной среде преобладает высокий уровень культурного потребления, но оно носит демонстративный характер. Данная особенность является отличительной чертой современного молодежного социума и заслуживает детального изучения.

Ключевые слова: культура; культурное потребление; тенденции культурного потребления; социальный статус

Для цитирования: Великая К.В., Круглова Е.Л. Культурное потребление как фактор формирования социального статуса студента. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):92-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-92-96

ORIGINAL PAPER

Cultural Consumption as a Factor in the Formation of a Student's Social Status

K.V. Velikaya^а, E.L. Kruglova^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-2082-1167>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2714-3864>

ABSTRACT

The article describes the results of our study of the term "cultural consumption" and its influence on the process of formation of students' social status. In this article, we present data from sociological researches and the data of our study about tendencies of cultural consumption. The most important conclusion is that the level of students' cultural consumption is high, but consumption is demonstrative. This distinguishing feature of youth society must be studied in detail.

Keywords: culture; cultural consumption; tendencies of cultural consumption; social status

For citation: Velikaya K.V., Kruglova E.L. Cultural consumption as a factor in the formation of a student's social status. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):92-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-92-96

Испокон веков желание подняться по социальной лестнице является одним из ведущих стремлений в жизни человека. Еще пару сотен лет назад социальный статус переходил лишь по наследству, и изменить это было почти невозможно. Однако на современном этапе развития общества человек может сам определять свое место в нем и понижать

или повышать его, исходя из потребностей, возможностей и своего желания. Для молодежи этот вопрос остро стоит в силу возраста, амбиций и необходимости построения своей жизненной траектории. Особенности развития современного общества, такие как высокий уровень мобильности, повышенное давление со стороны СМИ, неконтролируемое потребитель-

ское поведение и др., влияют на поколение Z и способы формирования социального статуса. Главный вопрос, которым задается большинство представителей молодежной среды — что нужно делать и каким быть, чтобы тебя приняли в нужную социальную группу. Мы подойдем к этой проблеме с малоизученной, но актуальной стороны: как культурное потребление влияет на самоопределение молодежи, а именно — студентов — в обществе, и является ли оно способом достижения или демонстрации желаемого социального статуса.

Культурное потребление, бесспорно, является одним из факторов демонстрации своего положения в обществе. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, уровень «культурной» вовлеченности россиян неуклонно растет, в период с 2014 по 2018 г. он увеличился с 71 до 88%¹. Большинство респондентов отмечают, что развитие отечественной культурной индустрии способствует данной тенденции. Необходимо особо подчеркнуть, что в развитии культурных практик и спроса на них большую роль играет государство как социальный институт, поэтому мы сразу должны отметить вклад Министерства культуры Российской Федерации в рост культурных показателей нашей страны.

Министерство культуры Российской Федерации — это федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный заниматься вопросами культуры и искусства. С 2012 г. началось активное переосмысление приоритетов деятельности этого института. Количество федеральных законов, регулирующих ключевые сферы культуры, выросло в 11 раз (с 6 до 68), более 900 объектов были реконструированы².

В соответствии с указами Президента РФ, 2014 г. был назван годом культуры, 2015 — годом литературы, 2016 — годом российского кино, 2019 — годом театра, а 2022 будет объявлен годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России.

Показатели в главных отраслях культуры бьют рекорды. В музейной среде наблюдается настоящий бум. По состоянию на 2019 г., число посещений отечественных музеев достигло 155 млн что почти

в 2 раза больше, чем в 2012 г.³ Из-за их популярности растет количество действующих музеев, на 2017 г., по данным Федеральной службы государственной статистики, их насчитывалось 2742. Значительный прирост по посещаемости федеральных музеев обеспечило введение в 2015 г. системы бесплатного посещения для детей до 16 лет. К слову, Россия — единственная страна в мире, где действует подобный механизм бесплатного детского посещения.

Министерством культуры Российской Федерации была выявлена еще одна интересная культурная тенденция. Наряду с музейным, в России также наблюдается театральная бум. К 2017 г. количество зрителей театров выросло на 42% по сравнению с 2012 г. и составило 38,8 млн⁴. Примечательно, что основная доля посетителей — женщины (70–80%), к такому выводу пришли эксперты «Лаборатории будущего театра» Российского института театрального искусства (ГИТИС). Основным мотивом похода в театр опрошенные назвали «пережить яркие эмоции и сопереживать героям, а также расширить кругозор» (37,5%). По результатам исследования, большинство даже крайне редко посещающих театр зрителей считают среднюю цену билета в театр для себя оптимальной, хотя билет стоит в разы дороже, чем в кино. В среднем зрители тратят на билет примерно 1 тыс. руб., подсчитали в «Лаборатории будущего театра»⁵. Для сравнения: согласно расчетам РБК, основанным на данных Фонда кино, средняя стоимость билета в российском кинотеатре в 2018 г. равнялась 251 руб.⁶ По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в тройку любимых театров россиян вошли Большой, Мариинский и Современник. Самым посещаемым признан Мариинский театр, — по данным Министерства культуры, за 2018 г. его посетили 1,6 млн зрителей⁷.

Самой популярной культурной практикой россияне считают поход в кинотеатры — доля ежегодно посещающих кино с 2011 по 2018 г. выросла

³ Министерство культуры Российской Федерации. Итоговый отчет 2012–2019 гг. «Культура России 2012–2019. Факты и цифры».

⁴ Министерство культуры Российской Федерации. Итоговый отчет 2012–2019 гг. «Культура России 2012–2019. Факты и цифры».

⁵ Всероссийское исследование театральной аудитории лабораторией будущего театра (ГИТИС) «Портрет аудитории драматических театров», 2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/01/2019/5c3ef36c9a794764eacdd497>.

⁶ Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии: Кинопрокат России. Итоги 2018 года.

⁷ ВЦИОМ «Пойдем в театр?», 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=,52236&uid=9619>.

¹ ВЦИОМ: Культурная жизнь россиян: динамика основных показателей, 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9459>.

² Министерство культуры Российской Федерации. Итоговый отчет 2012–2019 гг. «Культура России 2012–2019. Факты и цифры».

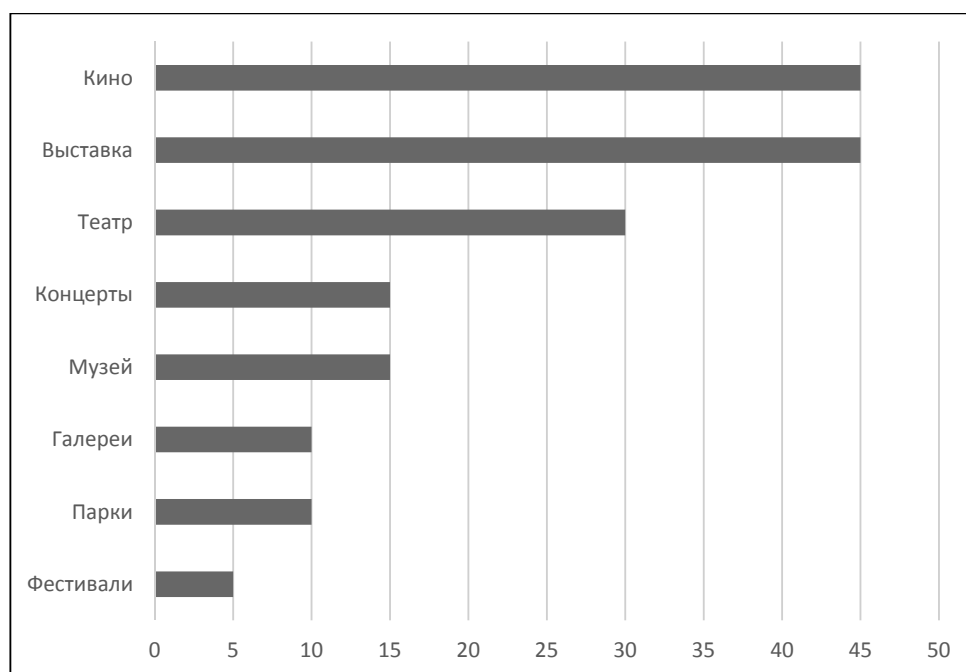

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о месте последнего посещения, % / Distribution of respondents' answers to the question about the place of the last visit, %

Источник / Source: составлено авторами / The authors.

на 17% и составила 50%⁸. Чаще других россияне предпочитают посмотреть военные фильмы (27%) сказочные фильмы/мультфильмы (26%), комедии (25%). Впрочем, жанровые предпочтения сильно зависят от возрастной группы. Так, военное кино предпочитают в основном зрители старше 45 лет, сказки и мультфильмы чаще смотрят 25–34-летние, а комедии и хорроры — молодежь в возрасте 18–24 лет. В области кинематографа нельзя не сказать о тенденции возрастающего интереса к отечественным фильмам. В 2018 г. кассовые сборы российского кино достигли рекордных показателей — 13,8 млрд руб. (в 2,3 раза больше по сравнению с 2011 г.), а количество зрителей выросло на 76% и составило почти 58 млн. С учетом того, что численность населения России на 2018 г. составила 146,8 млн человек, каждый третий россиянин предпочитает смотреть отечественные фильмы. Тройку лидеров составили фильмы о спорте: «Движение вверх», «Лед» и «Тренер»⁹.

Абсолютно положительную динамику демонстрируют такие акции, как «Библионочь», «Ночь музеев», «Ночь искусств» и «Ночь кино». По каждой

из них число посещений в 2019 г. выросло в среднем в два раза по сравнению с 2016 г.

Мотивы посещения у социальных групп разные. Особый интерес в изучении культурного потребления вызывает молодежь, так как она больше других подвержена влиянию новомодных тенденций и активно ищет способы укрепить свой социальный статус. Для молодых людей культурное потребление стало способом взаимодействия с социумом. В 2019 г. авторами статьи было проведено исследование, посвященное выявлению тенденций культурного потребления в условиях трансформации общества на примере студентов Финансового университета при Правительстве РФ. Были изучены следующие категории: общие представления о культуре, уровень культурного потребления, мотивы культурного потребления.

Говоря о динамике частоты посещения культурных мероприятий, нельзя выделить общий тренд, поскольку доля тех, кто стал больше посещать культурные мероприятия по сравнению с прошлым годом (40%), примерно равна доле тех, кто стал посещать меньше (35%). Среди основных причин, мешающих более частой вовлеченности в культурную жизнь, названа такая как недостаток свободного времени.

Места, где удалось побывать респондентам в марте-апреле 2019 г., показаны на рис. 1. По рисунку видно, что наиболее посещаемыми стали

⁸ ВЦИОМ «Комедии, драмы, триллеры: о зрительских предпочтениях россиян», 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9498>.

⁹ Министерство культуры Российской Федерации «Культура — национальный приоритет», 2018. URL: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/>.

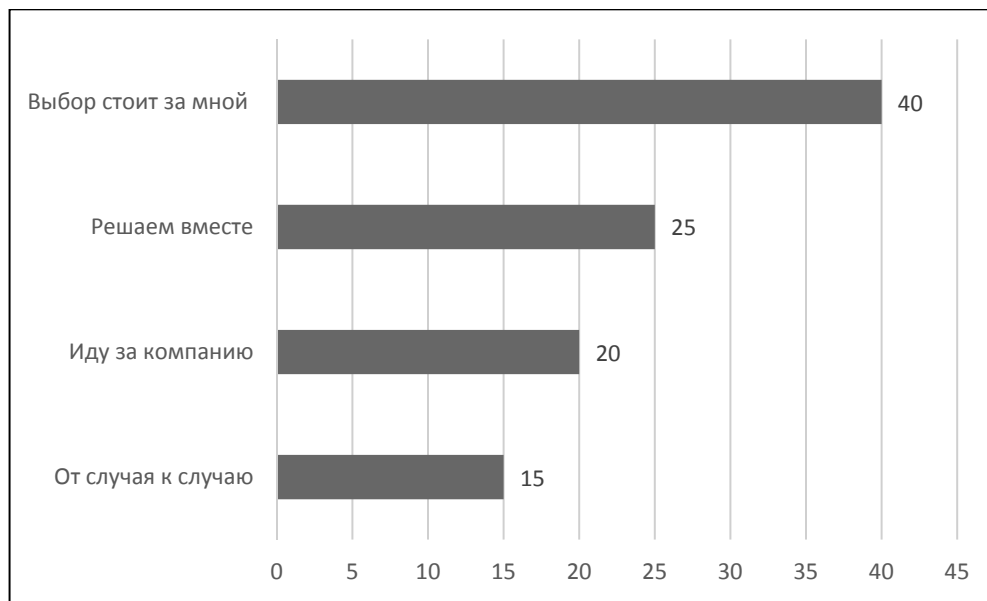

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о выборе места для группового посещения, % / Distribution of respondents' responses to the question about choosing a place for a group visit, %

Источник / Source: составлено авторами / The authors.

выставки и кинотеатры (по 45% опрошенных). Это обуславливается их доступностью и ценовой политикой, а также тем, что такие мероприятия не требуют долгосрочного планирования.

Стоит отметить, что студенты чаще всего ходят в составе компании из 2–3 друзей или со своей девушкой/молодым человеком. В ходе группового посещения неизбежно возникают вопросы: куда идти, когда, зачем, и кто это будет решать. Исходя из результатов исследования, 40% признались, что выбор места, времени и других параметров какого-либо события стоит только за ними. На второй строчке — совместный выбор и компромисс (рис. 2).

Суммарная доля случаев, когда решение может быть принято самостоятельно, составляет более половины — 60% (25% — решаем вместе, 20% — иду за компанию, 15% — от случая к случаю). В связи с этим интересно было узнать, насколько респондент готов поддаться влиянию со стороны. По результатам исследования, более половины опрошенных признали, что готовы посмотреть/посетить «нашумевшее» мероприятие без собственной заинтересованности в нем.

В ходе анализа и обобщения полученных данных были выделены тенденции культурного потребления студентов. Во-первых, студенты Финансового университета в основном посвящают свое свободное время культурному досугу: посещают кино, выставки, музеи, театры. Такой тип времяпрепровождения является основанием считать

уровень культурного поведения опрошенных высоким. Лишь одной десятой части опрошенных за последние два месяца не удалось выбраться ни на какие культурные мероприятия, они обосновали это нехваткой свободного времени. По сравнению с прошлым годом, у 25% опрошенных частота посещения осталась на прежнем уровне, а 40% стали более активными потребителями культуры.

Во-вторых, общественное признание и интересы большинства преобладают над личными. Большая часть опрошенных признались, что посетят «нашумевшее» мероприятие даже без наличия собственной заинтересованности в нем. Содержание мероприятия несет меньшую ценность для студентов Финансового университета, нежели его статус. Также многие респонденты после посещения того или иного мероприятия выкладывают фотографии/видео в социальные сети, преимущественно Instagram, тем самым демонстрируя свою причастность к культурной жизни.

В-третьих, основными факторами, влияющими на культурное потребление студентов, являются контент и цена. Большое значение при выборе респонденты отдают также местоположению и возможности удобно добраться (25%), — эта позиция заняла третью строчку авторского рейтинга (рис. 3).

Четверть опрошенных внесла в этот список такие показатели, как известность мероприятия и его новизна. То же число опрошенных учитывают отзывы критиков и рекомендации друзей. Замы-

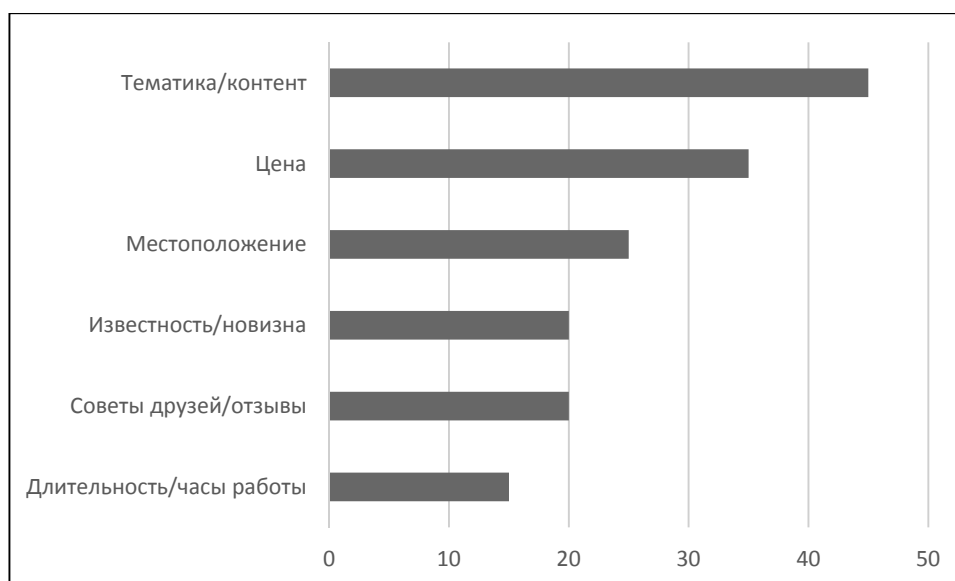

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о факторах, влияющих на выбор, % / Distribution of respondents' responses to the question about factors influencing the choice, %

Источник / Source: составлено авторами / The authors.

кает список временной показатель, под которым понимается длительность мероприятия, а также часы работы. Это основные факторы, которые влияют на поведение потребителей на культурном рынке.

Подводя итоги, следует отметить, что высокий уровень культурной вовлеченности требует соответствующего уровня культурной грамотности. Для его повышения можно рекомендовать:

1. Проводить открытые лекции и мероприятия по повышению культурной грамотности студентов Финансового университета.

2. Приглашать известных деятелей культуры из сферы кино, театра, живописи для общения и культурного просвещения студентов Финансового университета.

3. Популяризировать изучение теоретических знаний об объектах культурного наследия страны.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карина Владимировна Великая — бакалавр 4-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Vel_karina@mail.ru

Елена Леонидовна Круглова — кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии истории и философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ELKruglova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Karina V. Velikaya — 4th-year bachelor's student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia

Vel_karina@mail.ru

Elena L. Kruglova — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, History, and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia

ELKruglova@fa.ru

Статья поступила 15.03.2020; принята к публикации 15.04.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.03.2020; accepted for publication on 15.04.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-97-102
УДК 32(321)(045)

Ключевые показатели развития Российской Федерации: экономический прогресс vs социальный прогресс

К.С. Доренко

МГИМО МИД России, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0156-0785>

АННОТАЦИЯ

Автор статьи анализирует ключевые показатели социального развития Российской Федерации и приводит сравнительный анализ показателей последних лет по следующим направлениям: прожиточный минимум, динамика заработной платы и пенсий, динамика реальных доходов населения в соотношении с прожиточным минимумом, уровень бедности, безработица и др. В статье приводятся официальные статистические данные показателей социального прогресса населения и потенциал его дальнейшего роста, а также доля расходов государства на социальную политику в общем объеме расходов федерального бюджета. Одним из самых главных показателей, который позволяет сделать сравнительную оценку качества жизни граждан, является величина прожиточного минимума в стране. Данная величина непосредственно связана со стоимостью потребительской корзины, состав которой определяется на правительственном уровне. Прожиточный минимум, в свою очередь, влияет на сумму социальных пособий, которые получают наименее защищенные категории населения.

Ключевые слова: социальная политика государства; социальная политика Российской Федерации; уровень социального развития; динамика социального прогресса; индекс социального развития; уровень бедности; уровень безработицы

Для цитирования: Доренко К.С. Ключевые показатели развития Российской Федерации: экономический прогресс vs социальный прогресс. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):97-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-97-102

ORIGINAL PAPER

Key Indicators of Social and Economic Development of the Russian Federation: Economic Progress vs Social Progress

K.S. Dorenko

MGIMO University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0156-0785>

ABSTRACT

The author of the article analyses the key indicators of social development in Russian Federation, gives a comparative analysis of the indicators of the last years in the following directions: subsistence minimum, dynamics of wages plans and pensions, dynamics of real incomes of the population in relation to the living wage, poverty level, unemployment rate and others. The article provides official statistics of the social progress indicators and the potential for its further growth, as well as the share of state expenditures on social policy in the total spending of the federal budget. One of the most important indicators that make possible to compare the citizens quality of life is the level of the living wage in the country. This value is directly related to the cost of the consumer basket, the composition of which is determined at the government level. The living wage, in turn, affects the volume of social benefits received by the least protected categories of the population.

Keywords: social state policy; social policy of the Russian Federation; a level of social development; dynamics of social progress; the cost of living; social development index; unemployment rate

For citation: Dorenko K.S. Key indicators of social and economic development of the Russian Federation: Economic progress vs social progress. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):97-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-97-102

Благосостояние государства в настоящее время определяется не только количеством природных ресурсов и производственных мощностей, а, прежде всего, наличием возможности развития человеческого потенциала и уровнем социального развития.

В качестве основных показателей социального развития в данной статье рассматриваются следующие:

- 1) величина прожиточного минимума;
- 2) динамика заработной платы и пенсий;
- 2) динамика реальных денежных доходов;
- 3) уровень бедности;
- 4) динамика показателей занятости и безработицы;
- 5) показатели демографии.

Расчет величины прожиточного минимума осуществляется в соответствии с правилами исчисления на душу населения по основным социально-демографическим группам населения в целом по стране, которые утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 29.01.2013 № 56.

Расчеты величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации производит Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации на основе потребительской корзины. Состав потребительской корзины определяется продуктами питания, а также непродовольственными товарами и услугами.

В I квартале 2019 г. размер прожиточного минимума по России достиг 10 753 руб. (все население); трудоспособные — 11 653 руб.; пенсионеры — 8894 руб.; дети — 10 585 руб. Для сравнения, в 2018 г. величина прожиточного минимума составляла¹: трудоспособные — 11 069 руб.; пенсионеры — 8464 руб.; дети — 9950 руб.

С учетом фактического роста цен представители Министерства труда инициировали повышение размера прожиточного минимума. Отметим, что с 1 мая 2018 г. к величине прожиточного минимума был приравнен минимальный размер оплаты труда. Наблюдая динамику величины прожиточного минимума в целом, по России, можно констатировать его рост.

Если по величине прожиточного минимума можно судить об относительном уровне

жизни населения, то уровень доходов граждан оказывает самое прямое влияние на их благосостояние.

Согласно официальным данным Росстата, в 2019 г. среднемесячная начисленная заработная плата составила 46 057 руб., по сравнению с 43 724 руб. в 2018 г.² То есть рост реальной заработной платы за этот период составил 5,3% (табл. 1).

Что касается пенсий, то если в 2016 г. не удалось удержать их реальный уровень (падение составило 3,4%), то в 2017 г. они были увеличены.

Динамика роста среднего размера страховой пенсии с 2017 г., по сравнению с 2018 г., составила 3,2%. Также примечательно, что прожиточный минимум пенсионера в Российской Федерации с 2016 по 2017 г. не изменялся, а в 2018 г. увеличился на 2,17%. В то же время средний размер федеральной социальной доплаты к пенсии в 2017 г. уменьшился на 0,6%, в сравнении с предыдущим годом, а в 2018 г. — на 1,9% (табл. 2).

Индексация страховой пенсии в 2016 г. составила 4%, в 2017 г. — 5,8%, в 2018 г. — 3,7%. В то время как индексация социальных ежемесячных денежных выплат составила: в 2016 г. — 7%; в 2017 г. — 5,4%, 2018 г. — 2,5%³.

Что касается общего количества малоимущих по стране, то показатели настораживают. Уровень бедности в Российской Федерации растет с каждым годом [1]. В соответствии с данными Росстата, за чертой бедности находятся около 15% жителей России [2]. По итогам II квартала 2019 г., уровень бедности в России составил 12,7%, в тот же период 2018 г. — 12,5%. То есть он вырос на 0,2⁴. Если сопоставить уровень инфляции и увеличение прожиточного минимума, то получается, что уровень доходов населения нашей страны вырос всего на 5,6%.

22 июня 2019 г., выступая на Международной конференции труда в Женеве, Д. А. Медведев указал, что технологический прогресс может привести к сокращению рабочего времени и пе-

¹ Официальный сайт службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B_04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/145.htm.

² Официальный сайт службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/b00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/i000050r.htm

³ Official website of the Pension Fund of the Russian Federation. URL: www.pfrf.ru.

⁴ Официальный сайт службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru>.

Таблица 1 / Table 1

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в среднем по Российской Федерации в 2010–2019 гг. (руб.)* / The average monthly nominal accrued salary of employees in the Russian Federation in 2010–2019 (RUB)

Год	В среднем за год	В среднем за кварталы			
		I	II	III	IV
2010	20 952	11 876	12 993	13 494	15 742
2011	23 369	15 424	16 962	17 556	18 966
2012	26 629	17 441	18 419	18 673	20 670
2013	29 792	19 485	20 809	21 031	23 491
2014	32 495	21 354	23 154	23 352	26 905
2015	34 030	24 407	26 547	26 127	30 233
2016	36 709	27 339	30 245	29 578	33 269
2017	39 167	30 057	32 963	31 730	35 685
2018	43 724	31 566	34 703	32 983	36 692
2019	–	34 000	37 404	35 744	–

Источник / Source: официальный сайт службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries/ / Official website of the state statistics service. URL: https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries/.

* С 2015 г. – с учетом Республики Крым и г. Севастополя.

Таблица 2 / Table 2

Показатели системы пенсионного и социального обеспечения в Российской Федерации (руб.) / Indicators of the pension and social security system in the Russian Federation (RUB)

Показатель	2016	2017	2018
Средний размер страховой пенсии	12 725	13 306	13 729
Средний размер страховой пенсии по старости	13 172	13 762	14 184
Средний размер социальной пенсии	8 645	8 797	9 084
Прожиточный минимум пенсионера в РФ	8 540	8 540	8 726
Средний размер федеральной социальной доплаты к пенсии	1 950	1 938	1 901

Источник / Source: официальный сайт Пенсионного фонда Российской Федерации. URL: <http://www.pfrf.ru/opendata/> / Official website of the Pension Fund of the Russian Federation. URL: <http://www.pfrf.ru/opendata/>.

реходу на четырехдневную рабочую неделю⁵. Позднее Федерация независимых профсоюзов России направила в Минтруд предложение, поддерживающее такой переход, но только в случае сохранения прежнего размера заработной платы. В своем предложении представители

профсоюзов указывали на низкую продолжительность рабочего времени в развитых странах⁶. Законодательно в Российской Федерации установлена максимальная длительность рабочего времени – 40 часов в неделю, но у нас 14 праздничных дней в году, что значительно

⁵ Выступление Дмитрия Медведева на пленарном заседании МОТ. URL: <http://government.ru/news/36975/>.

⁶ ФНИПР. Может ли пятница стать выходным? URL: <http://www.fnpr.ru/n/241/17983.html>.

Уровень социального развития отдельных стран в 2018 году / Level of social development of individual countries in 2018

РЕЙТИНГ	СТРАНА	ИНДЕКС
1	Норвегия	90,26
2	Исландия	90,24
3	Швейцария	89,97
4	Дания	89,96
5	Финляндия	89,77
6	Япония	89,74
7	Нидерланды	89,34
8	Люксембург	89,27
9	Германия	89,21
10	Новая Зеландия	89,12
...		
25	США	86,43
...		
60	Российская Федерация	70,16

Источник / Source: Analytical portal "Humanitarian technologies". URL: <https://gtmarket.ru/research/social-progress-index/info>.

больше, чем в странах, находящихся на одном социально-экономическом уровне развития с Россией.

Несмотря на то что уровень безработицы в Российской Федерации имеет значение, близкое к оптимальному, а уровень безработицы, по данным МОТ, продолжает сокращаться, одной из главных особенностей на рынке труда в последние годы стало снижение численности рабочей силы.

По итогам за июль 2019 г., численность рабочей силы составила 75,5 млн человек (51% населения России), но, как отмечают эксперты, впоследствии работодатели будут все чаще сталкиваться с проблемой ее дефицита [3].

В целом, согласно демографическому прогнозу Росстата, численность населения в ближайшие годы будет ежегодно увеличиваться, и в 2020 г. составит 147,8 млн человек. При этом численность населения в трудоспособном возрасте будет снижаться, а старше и моложе трудоспособного возраста — расти.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить следующее. Начиная с 2017 г. российский рынок труда вошел в полосу неблагоприятного влияния демографических факторов.

По итогам III квартала 2019 г., темп роста ВВП составил 1,7%. Для сравнения интересно проанализировать уровень социального развития других стран (табл. 3).

В рейтинге индекса социального развития в 2018 г. участвовало 146 стран. Результаты расчетов производились по нескольким показателям:

- набор статистических данных (61%);
- экспертные оценки (25%);
- конкретные результаты социологических опросов (12%).

Самые высокие баллы и, соответственно, первую позицию в рейтинге индекса социального прогресса, получила Норвегия (90,26 баллов). На втором месте расположилась Исландия, которая в 2017 г. была на третьем месте. Замыкает тройку лидеров Швейцария.

Таблица 4 / Table 4

Максимальные и минимальные значения отдельных показателей индекса социального прогресса в 2019 г. в Российской Федерации / Maximum and minimum values of individual indicators of the social progress index in 2019 in the Russian Federation

Показатели с высоким баллом	Значение	Показатели с низким баллом	Значение
Доступ к базовым знаниям	93,76	Права личности	51,37
Питание и основные медицинские услуги	95,01	Доступность продвинутого образования	57,87
Состояние воды и санитарии	95,12	Здоровье и здоровый образ жизни	63,36
Жилье	92,11	Личная безопасность	53,33

Источник / Source: официальный сайт индекса социального прогресса. URL: <https://www.socialprogress.org/?tab=2&code=RUS/>
Official website of the social progress index; <https://www.socialprogress.org/?tab=2&code=RUS>.

Таблица 5 / Table 5

Значения основных групп показателей индекса социального прогресса в 2019 г. в Российской Федерации / Values of the main groups of indicators of the social progress index in 2019 in the Russian Federation

	Базовые потребности человека	Основы благополучия	Возможности
Значение показателя	83,89	72,40	52,83

Источник / Source: официальный сайт индекса социального прогресса. URL: <https://www.socialprogress.org/?tab=2&code=RUS/>
Official website of the social progress index; <https://www.socialprogress.org/?tab=2&code=RUS>

Интересно, что 24 страны превосходят США по уровню социального прогресса. Кроме того, стоит отметить, что США показывают невысокие результаты прогресса на протяжении последних пяти лет. Главный исполнительный директор группы Social Progress Imperative, Майкл Грин, сказал, что Америка «не справляется с основными человеческими потребностями, обеспечением граждан лучшими условиями для жизни, защитой окружающей среды и не в полной мере обеспечивает возможность для личного роста и раскрытия потенциала отдельным гражданином»⁷.

По итогам 2018 г. (70,16 баллов), Россия входила в третью группу стран с умеренной степенью социального развития и занимала

в ней 60 место, уступая Армении, Грузии и др. По сравнению с 2017 г., Россия поднялась на 7 позиций: с 67 места на 60. Однако, по итогам на начало декабря 2019 г., Россия — на 62-м месте в рейтинге социального прогресса с индексом 69,71.

Занимая довольно низкую позицию в рейтинге социального прогресса, Россия имеет ряд проблем преимущественно по таким показателям, как права личности, доступность продвинутого образования, здоровье и здоровый образ жизни, личная безопасность. Сравнительно высокая оценка у следующих показателей: доступ к базовым знаниям, питание и основные медицинские услуги, состояние воды и санитарии, жилье (табл. 4).

Агрегированные значения основных групп показателей индекса социального прогресса в 2019 г. в Российской Федерации представлены ниже (табл. 5).

⁷ Информационный форум. URL: http://www.forumdaily.com/bolees_desyati_stranobognali_usa_v_reitinge_socialnogo_progressa/.

В заключение отметим, что, по мнению разработчиков индекса, модель развития, основанная исключительно на показателях экономического прогресса, является неполной. Общество, которое не может удовлетворить базовые гуманитарные потребности своих граждан, нельзя назвать преуспевающим. Необходимо расширить наше по-

нимание успешного общества, выйдя за пределы экономических категорий. Инклюзивный рост требует как экономического, так и социального прогресса [4]. Измерение показателей социального прогресса дает нам представление о том, как переводить экономические достижения в поле социальной выгоды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миронов В. О. Государственно-правовые отношения России и Белоруссии в 1917–1922 гг. *Государство и право*. 2004;(12):70–76.
2. Чернявский А. Г., Синяева Н. А., Самодуров Д. И. Международное гуманитарное право. М.: Юстиция; 2020.
3. Малева Т. М. Социальные уроки экономического кризиса. Официальный сайт гайдаровского форума «Россия и мир — цели и ценности»; 2018. URL: <https://gaidarforum.ru/about/history/2018/>.
4. Жарова А. К. О конфликте интересов субъектов в информационных отношениях. *Государство и право*. 2011;(4):42–49.

REFERENCES

1. Mironov V. O. State-legal relations between Russia and Belarus in 1917–1922. *Gosudarstvo i pravo*. 2004;12:70–76. (In Russ.).
2. Chernyavsky A. G., Sinyayeva N. A., Samodurov D. I. International humanitarian law. Textbook. Moscow; 2020. (In Russ.).
3. Maleva T. M. Social lessons of the economic crisis. Official site of the Gaidar Forum — “Russia and the world — goals and values”; 2018. (In Russ.).
4. Zharova A. K. On Conflict of Interests of Subjects in Information Relations. *Gosudarstvo i pravo*. 2011;4:42–49. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ксения Сергеевна Доренко — старший преподаватель кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности им. И. Н. Герчиковой, МГИМО МИД России, Москва, Россия
kdorenko@yahoo.com

ABOUT THE AUTHOR

Ksenia S. Dorenko — Senior lecturer, Department of Management, Marketing, and Foreign Economic Activities, MGIMO University, Moscow, Russia
kdorenko@yahoo.com

Статья поступила 15.03.2020; принята к публикации 30.03.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.03.2020; accepted for publication on 30.03.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-103-107
УДК 005.521:32(045)

Принципы построения и перспективы развития системы цифрового государственного управления в современной России

А.В. Маковейчук

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5511-3710>

АННОТАЦИЯ

В рамках данной статьи рассмотрены принципы построения и перспективы развития системы цифрового государственного управления в современной России; цели и задачи органов государственной власти для реализации данной цифровой трансформации, а также ее влияние на социально-экономическое развитие государства. Актуальность проблемы развития механизмов цифрового государственного управления в России обусловлена необходимостью оптимизации и повышения эффективности качества государственного управления посредством реализации новых форм взаимодействия между гражданами и органами власти на различных уровнях и по самому широкому кругу вопросов. Автор описывает возможные варианты и направления реализации новых цифровых решений в системе регионального и муниципального управления, в том числе, межведомственного взаимодействия и формирования кадровых резервов.

Ключевые слова: цифровое государственное управление; электронные государственные и муниципальные сервисы; суперсервисы; управление по результатам

Для цитирования: Маковейчук А.В. Принципы построения и перспективы развития системы цифрового государственного управления в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):103-107. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-103-107

ORIGINAL PAPER

Principles of Construction and Prospects of Development of the Digital Public Administration System in Modern Russia

A.V. Makoveychuk

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN), Nizhny Novgorod, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5511-3710>

ABSTRACT

This article discusses the principles of construction and prospects for the development of digital public administration in modern Russia, the goals and objectives pursued by public authorities in realizing this digital transformation of their performing functions, planned results and assessing the impact on the socio-economic development of the state. The urgency of the problem of developing mechanisms of digital public administration in Russia is due to the need to optimize and improve the quality of public administration through the implementation of new forms of interaction between citizens and government at various levels and on a wide range of issues. Possible options and directions for the implementation of new digital solutions in the system of regional and municipal government, including in the system of interagency cooperation and the formation of personnel reserves, are described.

Keywords: digital public administration; electronic state and municipal services; super services; results management

For citation: Makoveychuk A.V. Principles of construction and prospects of development of the digital public administration system in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):103-107. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-103-107

Вопрос цифровизации системы государственного и муниципального управления в России можно разделить на два важных, на наш взгляд, направления:

1. Цифровизация и перевод в электронный формат ряда государственных функций, а именно — создание комплексной системы электронного документооборота, что и находит сегодня отражение в реализации системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Здесь представляется важным дальнейшее развитие данной системы в части более глубокой интеграции федеральных и муниципальных структур, разветвления и повышения эффективности системы межведомственных взаимодействий, а также дальнейший отказ от бумажных носителей информации в пользу электронных с созданием защищенных баз данных.

2. Развитие рынка государственных и муниципальных услуг, расширение количества сервисов для помощи в разных жизненных ситуациях, предоставляемых в электронной и доступной для пользователя форме. Здесь актуальной становится проработка удобных для пользователя интерфейсов специальных сайтов, в том числе, дальнейшее развитие мобильных сервисов получения государственных и муниципальных услуг. Главным и достаточно успешным проектом в данном направлении следует назвать федеральный портал «Госуслуги», предоставляющий широкий спектр государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Перспективным направлением развития здесь является интеграции информации ряда социальных учреждений, таких как ЗАГСы (например, информации о рождении ребенка), медицинские учреждения (повсеместное создание индивидуальных цифровых медицинских карт), военные комиссариаты (в данном случае вопрос касается создания индивидуальных цифровых профилей военнообязанных граждан) и т. д. в имеющуюся единую систему «Госуслуг» и личные кабинеты пользователей с целью выстраивания индивидуальных траекторий обеспечения государственными и муниципальными услугами по самому широкому спектру жизненных ситуаций [1].

В последние два десятилетия мы можем наблюдать ускорение процессов децентрализации системы электронного управления за счет внедрения новых механизмов для комплексного

и индивидуализированного взаимодействия между гражданами и разного рода государственными структурами [2].

Появились такие системы как «электронное правительство», «электронный муниципалитет», запускаются новые федеральные электронные сервисы и так называемые суперсервисы.

Важными направлениями развития технологий электронного правительства являются повышение эффективности функционирования системы органов государственного управления на местах (электронный муниципалитет), упрощение и ускорение реализации ряда административных процедур для населения. При грамотном планировании данной деятельности произойдет снижение экономических издержек и расходов на содержание органов государственной власти, и будет снят ряд дублирующих функций в них [3].

Из года в год заметно растет число граждан, получающих государственные и муниципальные услуги в электронном виде. Более того, согласно приведенному в *таблице* прогнозу, рынок данных услуг в России имеет высокий потенциал роста: как по количеству вовлеченных потребителей, так и по финансовому обеспечению данных процессов.

В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» и в системообразующем документе «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» от 29.09.2018 обозначены приоритеты деятельности государственных органов управления по обеспечению прорывного научно-технологического развития страны на основе цифровых технологий (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71965871/>).

Цифровизация рассматривается как ключевой фактор производства во всех сферах социально-экономической деятельности, способствующий повышению конкурентоспособности страны, качественному преобразованию жизни граждан, обеспечивающий экономический рост и национальный суверенитет.

В 2019 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации дало активный старт федеральному проекту «Цифровое государственное управление», целью которого является предоставление гражданам и организациям доступа к приоритетным государственным услугам и серви-

Доля взаимодействий граждан и коммерческих организаций, осуществляемых в цифровом виде, с государственными (муниципальными) органами и бюджетными учреждениями и финансирование данного направления с 2018 по 2024 г. / The share of digital interactions between citizens and commercial organizations with state (municipal) bodies and budget institutions and the financing of this area from 2018 to 2024

Год	Доля взаимодействий граждан в цифровом виде, в %	Объем финансового обеспечения по годам реализации (млн руб.)
2018	20	0
2019	25	6764,00
2020	30	9722,00
2021	40	12 087,00
2022	50	18 408,00
2023	60	12 513,00
2024	70	9330,00

Источник / Source: Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) / Passport of the Federal project “Digital public administration” (approved by the Presidium of the Government Commission on digital development, the use of information technologies to improve the quality of life and business conditions. Protocol of 28.05.2019, No. 9).

сам в цифровом виде, создание национальной системы управления данными, развитие инфраструктуры электронного правительства, внедрение сквозных платформенных решений в государственное управление.

Как заявлено в паспорте проекта, к 2024 г. планируется достичь следующих ключевых показателей:

- государственные (муниципальные) услуги предоставляются проактивно и онлайн, действуют 25 цифровых суперсервисов по жизненным ситуациям;
- 90% внутри- и межведомственного юридически значимого электронного документооборота государственных и муниципальных органов и бюджетных учреждений автоматизировано;

- 60% граждан имеют цифровое удостоверение личности с квалифицированной электронной подписью;

- доля электронного документооборота между органами государственной власти России и государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в общем объеме документооборота составляет 90% (<https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf>).

Использование информационно-коммуникационных технологий, новых форм, методов и технологических решений в системе государственного управления создает новые условия и возможности для выстраивания диалоговой коммуникации и взаимодействия между органами государственной власти на местах

и населением той или иной территории. Это становится актуальным, прежде всего, с точки зрения организации эффективных механизмов реализации целей и задач государственного управления, формирования политики информационной открытости институтов власти и принципов человекоориентированного государственного менеджмента [4].

Вместе с тем функционал системы цифрового государственного управления на уровне муниципалитетов может иметь определенные расширения применения в части создания специальных платформ и условий для вовлечения активных граждан (прежде всего, городского населения, жителей крупных и средних городов) в развитие территорий, на которых они проживают [5].

Не всегда есть возможность провести оперативно общественные слушания одновременно сразу по многим направлениям, так как существуют временные и организационные ограничения. Запуск же специализированных сервисов и активная их популяризация и продвижение в городском информационном пространстве (названном, например, «моя земля», «Мой район», «Мой город» и т.д.) позволит подключить к процессу выработки решений и стратегий по развитию тех или иных территорий большее количество жителей того или иного населенного пункта. Каждый человек сможет почувствовать себя причастным к позитивным изменениям в общественном пространстве, принять участие в определении приоритетов развития территории и т.д.

В рамках реализации целей развития цифрового государственного управления как части комплексной системы построения цифрового государства перспективным направлением представляется внедрение программных ре-

шений, построенных на технологиях искусственного интеллекта.

К примеру, данные программные решения могут найти применение в сфере учета кадрового потенциала в системе регионального и муниципального управления, призванной автоматизировать процесс подбора кадров, сократив время на проведение проверок кандидатов и повышая качество соответствия кандидатов той или иной должностной позиции [6].

Цифровая трансформация государственного управления является не просто механизмом автоматизации и оптимизации отдельных процессов при осуществлении государственных функций (в том числе, при предоставлении государственных услуг), но и механизмом внедрения и использования тех или иных современных информационно-коммуникационных технологий в интересах обеспечения деятельности государственных органов.

Внедрение технологий цифрового государственного управления в России является важным направлением создания качественно новой системы, где профессиональные возможности человека, а также его личные характеристики (физические, умственные и т.д.) могут быть эффективно дополнены и найти свое наиболее эффективное приложение благодаря внедрению цифровых программных продуктов и технологий искусственного интеллекта в сферах обработки больших объемов информации, автоматизации межведомственных взаимодействий, оценке кадрового потенциала. Все это создает основы для перехода к новым условиям деятельности государственных органов с учетом ожиданий потребителей услуг и сервисов и в целом — в интересах гражданского общества [7].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бачило И.Л. Электронное правительство и инновации в области государственных функций и государственных услуг. *Информационные ресурсы России*. 2016;(1):13–17.
2. Латыпова Р.Т. Нормативно-правовое обеспечение электронного правительства. *Молодой ученый*. 2016;(1):401–405.
3. Елисеев С.М. Цифровые технологии как фактор расширения информационного пространства современной политики. *Информация-коммуникация-общество*. 2017;(1):84–90.
4. Маковейчук А.В. Перспективы цифровизации политической сферы на региональном уровне в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018;4(34):10–15.
5. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Ключкова Е.Н., Талапина Э.В., Старцев Я.Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2019. 114 с.

6. Копалкина Е. А., Юханов Н. С. Концептуальные основы исследования электронной демократии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-issledovaniya-elektronnoy-demokratii>.
7. Двинских Д. Ю., Дмитриева Н. Е., Жулин А. Б. и др. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2019. 43 с.

REFERENCES

1. Bachilo I. L. E-government and innovations in the field of public functions and public services. *Informatsionnye resursy Rossii*. 2016;(1):13–17. (In Russ.).
2. Latypova R. T. Regulatory support of electronic government. *Molodoi uchenyi*. 2016;(1):401–405. URL: <https://moluch.ru/archive/105/24730/> (accessed on 03.17.2020). (In Russ.).
3. Eliseev S. M. Digital technologies as a factor of expanding the information space of modern politics. *Informatsiya-kommunikatsiya-obshchestvo*. 2017;(1):84–90. (In Russ.).
4. Makoveychuk A. V. Prospects for digitalization of the political sphere at the regional level in modern Russia. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2018;4(34):10–15. (In Russ.).
5. The digital future of public administration by results. E. I. Dobrolyubova, V. N. Yuzhakov, A. A. Efremov, E. N. Klochkova, E. V. Talapina, Y. Yu. Startsev. Moscow: Publishing House «Delo» RANEPА; 2019. (In Russ.).
6. Копалкина Е. А., Юханов Н. С. Conceptual basis for the study of e-democracy; 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-issledovaniya-elektronnoy-demokratii> (accessed on 18.03.2020). (In Russ.).
7. The digital transformation of public administration: myths and reality. Report of International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development, Moscow, April 9–12. 2019. D. U. Dvinsky, N. E. Dmitrieva, ed. National Research University “Higher School of Economics”. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2019. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арте́м Васи́льевич Маковейчу́к — ведущий специалист отдела по связям с общественностью и онлайн-образованию, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
makarti87@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Artem V. Makoveychuk — Leading Specialist, Department of Public Relations and Online Education, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
makarti87@yandex.ru

Статья поступила 24.03.2020; принята к публикации 15.04.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 24.03.2020; accepted for publication on 15.04.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-108-112

УДК 327.83,621.382(045)

Роль информационных технологий в продвижении российских интересов на Ближнем Востоке

Ю.И. Ильина

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-6007-0551>

АННОТАЦИЯ

Информационные технологии уже более полувека играют важнейшую роль в развитии человеческой цивилизации. СССР по праву являлся одной из самых развитых стран мира в сфере вычислительной математики и кибернетики, что подтверждается рядом оригинальных аппаратных и программных решений, созданных отечественными учеными. При этом прогресс в области информационных технологий стимулировал развитие промышленности, прежде всего, в оборонной сфере. Россия, унаследовав советский научный потенциал, должна решить не менее важную задачу – диверсифицировать ИТ-сектор и выйти на «гражданский» рынок. В этой связи регион Ближнего и Среднего Востока представляется удачной площадкой для обкатки маркетинговых технологий отечественными производителями микроэлектроники, особенно в тех странах, которые не могут себе позволить приобретать американскую продукцию по политическим причинам.

Ключевые слова: Ближний Восток; информационные технологии; микроэлектроника; США; Россия

Для цитирования: Ильина Ю.И. Роль информационных технологий в продвижении российских интересов на Ближнем Востоке. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):108-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-108-112

ORIGINAL PAPER

IT as Russian “Soft Power” in the Middle East

Yu.I. Ilyina

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6007-0551>

ABSTRACT

Information technologies (IT) have played a crucial role in the development of human civilization for more than half a century. The USSR was rightfully one of the most developed countries in the world in the field of Computational Mathematics and Cybernetics, which is confirmed by several original hardware and software solutions created by Russian scientists. At the same time, progress in the field of information technology has stimulated the development of industry, primarily Military-industrial complex. Russia, having inherited the Soviet scientific potential, must solve an equally important task-to diversify its sector and enter the “civil” market. In this regard, the region of the Middle East seems to be an excellent platform for testing marketing technologies by domestic manufacturers, especially in those countries that cannot purchase American products for political reasons.

Keywords: information technologies; microelectronics; Middle East; Russia; USA

For citation: Ilyina Yu.I. IT as Russian “soft power” in the Middle East. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):108-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-108-112

Информационные технологии (ИТ) играют важнейшую роль в жизни современного человека, что проявляется во всех сферах его жизнедеятельности: в науке, быту, экономике, управлении транспортной инфраструктурой, избирательном процессе, в обеспечении общественной безопасности и общественного порядка, и, наконец, в военной сфере.

СССР был одним из мировых лидеров ИТ, как в сфере аппаратного, так и программного обеспечения (ПО). В качестве примеров можно привести ЭВМ «БЭСМ-6» (1967 г.) — одну из наиболее мощных в мире для своего времени и созданную на ее базе систему обработки данных «АС-6» (1977 г.) (<http://besm-6.ru/besm6.html>), сыгравшую значительную роль в реализации советской космической

программы, а также программу «Каисса», ставшую в 1974 г. чемпионом мира среди шахматных программ [1], позволившую решить целый ряд задач в сфере вычислительной математики и кибернетики.

Не стоит забывать и о Единой системе ЭВМ (ЕС ЭВМ). Несмотря на то что принципы построения архитектуры были заимствованы у американских ЭВМ IBM System 360 и System 370 [2], ее аппаратное обеспечение было разработано советскими специалистами самостоятельно, в том числе, с использованием оригинальных технических решений, защищенных как советскими, так и зарубежными патентами [3].

Распад СССР нанес сокрушительный удар по электронной промышленности, так как она (как и другие отрасли) была встроена в иерархичную систему плановой экономики. В условиях отсутствия государственного финансирования многие изделия, уже доведенные до стадии серийного производства, такие как ЭВМ «Электроника СС БИС», были заброшены и пущены на металлолом.

В то же время Россия сохранила значительный потенциал в области проектирования и производства вычислительной техники (ВТ), что в частности подтверждается успешной работой таких организаций как «ООО МЦСТ» и ИНЭУМ им. И. С. Брука, выпускающих микропроцессоры «Эльбрус»; АО «БАЙКАЛ ЭЛЕКТРОНИКС», производящее микропроцессоры «Байкал», АО «НПЦ ЭЛВИС», делающее процессоры «Мультикор», а также целый ряд микроэлектронных изделий и др. В целом, на сегодняшний день в России производится широкий спектр микроэлектронных изделий, способных (теоретически) удовлетворить как бытовые нужды граждан, так и потребности финансовых организаций, научных учреждений, промышленности, спецслужб и армии в высокопроизводительных серверах, системах хранения данных, специализированных защищенных ЭВМ.

Здесь ради справедливости следует отметить, что ряд вышеуказанных высокотехнологических отечественных разработок, в частности микропроцессоры (за исключением «Эльбруса»), содержат иностранные архитектурные решения и компоненты, что накладывает определенные ограничения на их использование. Кроме того, производство ряда изделий, в том числе, современных микропроцессоров, на сегодняшний день в России невозможно из-за отсутствия технологий производства микросхем по технологическому процессу менее 65 нанометров, по крайней мере, у «гражданских» производителей (<https://www.mikron.ru/capabilities/technology/>).

Таким образом, все изделия с техпроцессом менее 65 нм отечественные производители должны заказывать у зарубежных субпродраччиков, в том числе, и у крупнейшего тайваньского завода TSMC, где также собираются американские микропроцессоры Intel и AMD (<https://www.tsmc.com/english/dedicatedFoundry/manufacturing/index.htm>).

При этом вычислительная мощность современных российских процессоров при использовании распространенного ПО, не созданного специально для них, уступает американским аналогам и зарубежным специализированным высокопроизводительным вычислительным системам для научных расчетов.

Кроме того, отечественная электроника, вследствие ее мелкосерийного производства, на сегодняшний день гораздо дороже импортных аналогов (<https://sdelanounas.ru/blogs/125967/>). При этом следует учитывать два аспекта: во-первых, цена отечественных ЭВМ сильно зависит от размера заказанной партии, т.е. может быть весьма приемлемой при заказе крупной партии, а, во-вторых, некорректно сравнивать по цене отечественные микропроцессоры «Эльбрус» с американскими процессорами «Intel» для обычных персональных ЭВМ, так как цена «Intel Itanium» значительно выше цены микропроцессоров того же производителя, предназначенных для бытовых компьютеров (https://cnews.ru/news/top/2019-03-01_sozdan_novuj_elbrus_dlya_oborony_analog_intel).

Во времена СССР ВТ поставлялась в страны Ближнего Востока в основном в составе вооружений, таких как комплексы ПВО (например, ЦВМ «Пламя» в составе комплекса С-200) [4], оперативно-тактические ракетные комплексы (ЭВМ «Аргон-1С» в составе ОТРК «Точка» и «Точка-У») (<http://militaryrussia.ru/blog/topic-191>), а также авиационной техники. Ввиду узкой специфики изделий, сильного влияния на развитие ИТ в странах региона упомянутые поставки не оказали. Массовая компьютеризация стран Ближнего и Среднего Востока происходила в период с конца 1990-х до начала 2010-х гг. Именно в странах региона распространялись персональные ЭВМ и создавались мощные вычислительные комплексы, предназначенные для решения научных и образовательных задач. В условиях отсутствия конкуренции американские компании являлись монопольными поставщиками ВТ.

Таким образом, государства Ближнего и Среднего Востока можно разделить на три группы с учетом уровня развития ИТ — с одной стороны, и их отношений с США — с другой.

Первая группа — относительно богатые государства — экспортеры нефти, являющиеся союзниками США, располагающие финансовыми возможностями для создания суперкомпьютерных систем мирового уровня, и, одновременно с этим, имеющие политическую санкцию Вашингтона на доступ к технологиям, необходимым для этого. К таковым следует отнести, прежде всего, Саудовскую Аравию с суперкомпьютером «Шахин», а также ОАЭ, создавшие суперЭВМ «Артемис». Оба вычислительных комплекса были построены на американской элементной базе и на ноябрь 2019 г. входили в список 100 мощнейших суперкомпьютеров мира (рейтинг «ТОП-500») (<https://www.top500.org/list/2019/11/?page=1>). К первой группе следует также отнести и Израиль.

Вторая группа — государства, находящиеся во враждебных, либо нейтральных отношениях с США, не имеющие возможности закупать американскую ВТ по политическим и финансовым соображениям. К таковым можно отнести Сирию, Ирак, Иран, и в определенной мере Турцию. Следует отметить, что в случае с Ираном основным препятствием для закупок современной американской техники является не финансовый, а политический фактор. Турция, несмотря на то, что является членом НАТО, имеет весьма напряженные отношения с Вашингтоном и администрацией президента Д. Трампа, в частности. Ирак отнесен к данной группе в связи с тем, что он имел дружественные отношения с СССР в прошлом, и Багдад сблизился с Тегераном на почве борьбы с ИГИЛ после 2014 г., а также из-за резкого ухудшения иракско-американских взаимоотношений после убийства американскими военными иранского генерала К. Сулеймани 3 января 2020 г.

В третью группу входят государства, не принадлежащие к первым двум. К ней относятся большинство стран региона. Они не имеют близких союзнических, либо резко антагонистических отношений с США, и, в связи с этим, у них нет критических ограничений по импорту американской ВТ, но также нет достаточных финансовых средств для строительства современных суперкомпьютерных систем.

С осени 2015 г. Россия заметно усилила свое влияние на Ближнем и Среднем Востоке, главным образом, благодаря успешной военной операции в Сирии. Это привело к укреплению внешнеполитических связей с Ираном, Сирией, Турцией и Ираком, что материализовалось в нескольких крупных проектах в сфере атомной энергетики, в частности: АЭС «Бушер-2», ТЭС «Сирик» (<http://tre-ik.ru/facilities/sirik.php>) в Иране и АЭС «Аккую» в Турции,

в нефтегазовой отрасли (газопровод «Турецкий поток») и сказалось на развитии нефтедобывающей инфраструктуры в Ираке (<https://oilcapital.ru/article/general/01-11-2019/novyy-neftyanyo-pohod-v-irak>).

Предсказуемо, что в условиях конфронтации между Россией и США, обострившейся после событий 2014 г., и в связи с позицией Москвы в сирийском гражданском конфликте, наиболее близкими политическими и экономическими партнерами России на Ближнем Востоке станут государства второй группы. Поэтому мы уделим наибольшее внимание анализу возможных форм сотрудничества в сфере ИТ с этой группой стран.

Главным образом сотрудничество в сфере ИТ между Россией и странами второй группы сводится, вероятно, к сферам обороны и безопасности, поэтому в открытых источниках информации о конкретных проектах практически нет.

Россия и Иран приступили к развитию двусторонней торговли в сфере ИТ еще в июле 2010 г., когда был подписан меморандум о сотрудничестве в данной области. В феврале 2016 г. состоялась встреча заместителя председателя Совета по развитию ПО Ирана по науке и технологиям при администрации вице-президента ИРИ Мухаммада Хоссейна Саджани Найери и замглавы Минкомсвязи Алексея Волина. Российский чиновник заявил, что не ней «широко обсуждалась тема расширения взаимодействия в области компьютерных технологий, в частности, анимации, кинопроката и платформ для распространения контента» (<https://eadaily.com/ru/news/2016/02/09/rossiya-i-iran-rasshiryayut-sotrudnichestvo-v-sfere-informacionnyh-tehnologiy>).

Точных данных по экспорту ВТ нет, так как в укрупненной статистике Федеральной таможенной службы представлен только код ТН ВЭД 84 «Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части», а «Вычислительные машины и их блоки; магнитные или оптические считывающие устройства, машины для переноса данных на носители информации в кодированной форме и машины для обработки подобной информации, в другом месте не поименованные или не включенные» имеют код ТН ВЭД 8471 (<https://www.alt.ru/tnved/code/8471300000/>).

Вполне вероятно, что по данной статье может поставляться ВТ для создания автоматизированных систем управления (АСУ) АЭС «Бушер» и ТЭС «Сирик», которые могут быть построены на отечественной элементной базе.

Есть вероятность, что ЭВМ, используемые в сфере обороны или для обеспечения внутренней безопа-

ности, могут экспортироваться под секретным кодом (SS). Однако еще раз повторим, что точная динамика по данному товарообороту неизвестна, поэтому приводить общие цифры не имеет смысла.

Российско-сирийское партнерство в сфере ИТ в период 2015–2019 гг. также получило определенный импульс к развитию. Так, в 2018–2019 гг. состоялся ряд встреч на уровне министерств, посвященных усилению сотрудничества в данной сфере, однако пока данные переговоры не привели к конкретным результатам, за исключением, возможно, военной сферы, но информация о таком сотрудничестве, очевидно, отсутствует в открытых источниках (<https://digital.gov.ru/ru/events/37803/>).

В конце 2014 г. между лидерами России и Турции В.В. Путиным и Р.Т. Эрдоганом были достигнуты предварительные договоренности о сотрудничестве в сфере ИТ. В 2015 и 2018 гг. проходили встречи на межправительственном уровне по данному вопросу (<https://digital.gov.ru/ru/events/33414/>).

В 2014–2016 гг. общий товарооборот между двумя странами снижался в связи с их соперничеством в Сирии. Апогеем данного противостояния стало уничтожение российского фронтового бомбардировщика СУ-24 турецким истребителем в районе сирийско-турецкой границы 24 ноября 2015 г. Но несмотря на эти трагические обстоятельства, с 2017 г. товарооборот между странами вновь стал расти (<https://digital.gov.ru/ru/events/38110/>).

При этом никакой информации о сотрудничестве в сфере ИТ, за исключением, вероятно, сферы безопасности и аппаратного и программного обеспечения АСУ АЭС «Аккую», в открытых источниках не появлялась. Схожим образом развивалось сотрудничество в области ИТ между Россией и Ираком. В 2015 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между Минкомсвязью России и администрацией связи Республики Ирак. Тем не менее, каких-либо более или менее значимых проектов на данный момент не запланировано и не реализовано (https://cnews.ru/news/line/rossiya_i_irak_namereny_razvivat_otnosheniya).

Следует отметить, что подобные меморандумы и соглашения существуют между Россией и государствами третьей и даже первой группы, например, ОАЭ, где в 2018 г. был даже открыт Российский центр цифровых инноваций (Эмират Дубай) (https://cnews.ru/news/top/2018-10-17_gosudarstvo_pomozhet_rossijskim_itkompaniyam_prodvigat). Тем не менее, данные меры пока не привели к существенному увеличению роста экспорта отечественной ВТ и ПО в странах Ближнего и Среднего Востока.

В чем же заключаются основные трудности сбыта отечественной продукции в сфере ИТ в регионе?

Во-первых, несмотря на рост экспорта российской радиоэлектроники, следует учитывать ее специфику, о которой уже было сказано выше, а также ее «нишевый» характер и ориентированность, прежде всего, на военно-промышленный сектор (<https://desktop.aftershock.news/?q=node/498805>). С учетом высокой стоимости мелкосерийных изделий, следует предлагать контрагенту комплексное решение, предусматривающее закупку крупной партии ЭВМ, и соответствующее ПО, написанное или перекомпилированное специально под отечественную архитектуру, а также техническую поддержку в течение всего жизненного цикла изделия. Это позволит полностью раскрыть потенциал отечественных ЭВМ, их защищенность от широко распространенного вирусного ПО и их небольшую стоимость в сравнении с зарубежными аналогами специализированных машин, что является критически важным в таких областях, как энергетика, управление транспортной инфраструктурой, банковская деятельность, обеспечение общественного порядка.

Такие примеры уже есть: «Группа компаний РСК» предлагает готовые решения для постройки суперкомпьютеров на российской элементной базе. В частности, в портфеле данной компании имеется успешно завершённый проект по созданию опытных образцов специализированных высокопроизводительных систем для общего использования при решении наиболее ресурсоемких геолого-геофизических вычислительных задач «СКИФ ГЕО-ЦОД», в том числе, на базе микропроцессоров «Эльбрус 4-С».

Испытания узлов на отечественных процессорах подтвердили их работоспособность и эффективность в составе суперкомпьютерной системы, однако «для его использования в реальных научно-технических приложениях необходима архитектурно-зависимая оптимизация программного кода». Таким образом, опытная эксплуатация «Эльбрусов» подтверждает высказанную в настоящей статье мысль о необходимости адаптации ПО под конкретный проект.

Помимо развития современных архитектур микроэлектронных изделий не следует забывать и о советском заделе в сфере ИТ. В 1970–1990 гг. было создано огромное количество ПО для «Операционной симтемы ЕС ЭВМ» (ОС ЕС), а также операционных систем Система виртуальных машин ЕС» и «Диспак». Несмотря на физическое и моральное

устаревание аппаратного обеспечения, данное ПО вполне может использоваться в интересах народного хозяйства при помощи программ, эмулирующих старые ЭВМ. Для ЭВМ ЕС одним из таких эмуляторов является аппаратно-программный комплекс «Букет» с программой «ЕСли».

Выгода в эмуляции старых ЭВМ заключается в том, что это можно делать на самых простых и устаревших персональных компьютерах, при том, что данные эмуляторы являются весьма надежными и требующими минимума системных ресурсов.

Примечательно, что зарубежные программисты поддерживают и развивают эмуляторы аналогов ЕС ЭВМ IBM System 360 и System 370, такие как MVS Tur(n)key 3.8 (<http://wotho.ethz.ch/tk4-/>), путем написания нового ПО и оцифровки старого, хранящегося на магнитных лентах (<https://www.cbttape.org/>).

Причем данное ПО абсолютно бесплатно и свободно для скачивания.

В России, к сожалению, такой работы пока не ведется, а ведь это могло бы помочь в создании эффективных, «легких» программ для промышленности, экономики и банковской сферы, которые могли бы использоваться на любом, даже на самом старом «железе». Организация разработчика могла бы зарабатывать деньги не на продаже лицензионного ПО, а его адаптации под конкретный проект заказчика.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что успешность российской электроники на внешних рынках будет во многом зависеть от эффективности взаимодействия отечественных предприятий между собой, а также с разработчиками и государственными органами, отвечающими за оказание поддержки отечественным производителям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Донской М.В. Чемпионат мира среди шахматных программ. *Квант*. 1974;(12):34–38.
2. Пржиалковский В.В. Технические и программные средства Единой системы ЭВМ (ЕС ЭВМ-2). М.: Статистика; 1980. 232 с.
3. Ярмухаметов А.У. ЭВМ ЕС-1033. Доклад на конференции SORUCOM-2017. URL: <http://kazan-computer-museum.blogspot.com/2017/10/1033-sorucum-2017.html>.
4. Линник С. ЗПК С-200 в XXI веке. Военное обозрение, 2016. URL: <https://topwar.ru/91372-zrk-s-200-v-xxi-veke.html>.

REFERENCES

1. Donskoy M.V. World championship among chess programs. *Kvant*. 1974;(12):34–38. (In Russ.).
2. Przhialkovsky V.V. Technical and software tools of the Unified computer system (EU computer-2). Moscow: Statistics; 1980. (In Russ.).
3. Yarmukhametov A.U. Computer EU-1033. Report at the SORUCOM-2017 conference. URL: <http://kazan-computer-museum.blogspot.com/2017/10/1033-sorucum-2017.html>. (In Russ.).
4. Linnik S. S-200 Air Defense System in the XXI century. Military review; 2016. URL: <https://topwar.ru/91372-zrk-s-200-v-xxi-veke.html>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлия Игоревна Ильина — исследователь-преподаватель в области политологии, международных отношений и регионоведения кафедры геополитики, факультета глобальных процессов, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
a_khr1@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yulia I. Ilina — researcher-lecturer in political science, international relations, and regional studies, Department of Geopolitics, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
a_khr1@mail.ru

Статья поступила 05.02.2020; принята к публикации 13.03.2020.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 05.02.2020; accepted for publication on 13.03.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-113-121
УДК 323.3(045)

Группы «ВКонтакте» как проводник политологического знания: кейс «Political science library»*

Д.В. Алексеев^а, П.С. Копылова^б

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-0576-0899>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0295-8426>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен контент сообщества «Political science library» в социальной сети «ВКонтакте» за 2019 год. Авторы выявили темы, которые доминируют в дискурсе публичной страницы, а также определили наиболее популярные и востребованные посетителями группы записи и монографии. Они были систематизированы в соответствии с хэштегами, которые присваивают постами администраторы сообщества. В ходе исследования использованы элементы дискурс-анализа, в частности, методика анализа аргументов М. Скривена. В результате было выяснено, что большинство монографий, выложенных в свободный доступ в сообществе, так или иначе связаны с политической историей, политической философией или политическими режимами. Учитывая количество подписчиков сообщества и относительно большое количество постов с книгами по истории и философии политики, можно сделать вывод о востребованности такого контента. При этом работы, связанные с наиболее прикладными областями политической науки, появляются в группе реже. В ходе исследования было доказано, что такие сообщества, как «Political science library», не только являются проводниками политологического знания, но и способствуют развитию сетевых сообществ исследователей и всех, кто интересуется политическими науками.

Ключевые слова: социальные сети; политологические сообщества; политологическое знание; дискурс анализ

Для цитирования: Алексеев Д.В., Копылова П.С. Группы «ВКонтакте» как проводник политологического знания: кейс «Political science library». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):113-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-113-121

ORIGINAL PAPER

Social Media Communities “VKontakte” as a Source of Political Knowledge: Case “Political Science Library”**

D.V. Alekseev^a, P.S. Kopylova^b

^a The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Moscow, Russia;

^b The Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-0576-0899>; ^b <https://orcid.org/0000-0003-0295-8426>

ABSTRACT

This research considered the content of the “Political science library” social media community for the 2019 year. Authors identified domination topics at the discourse of a network community, tried to share the most popular posts and books. We classified it using hashtags at social media groups. Authors used the elements of discourse analysis (the methodology for analyzing M. Skriven’s arguments). As a result of the analysis, we found that most of the books related to political history, political philosophy and political regimes and democracy. We can conclude that such content is useful and

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-33052.

** The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 19-011-33052.

interesting for people if accounted for the number of community subscribers and a large number of posts with books on the history and philosophy of politics. At the same time, books which related to the most applied fields of political science appeared less often. The study proved that communities such as the “Political science library” are not only agents of political science knowledge, but also contribute to the development of networked communities of researchers and anyone interested in political science.

Keywords: social network; political science's communities; political science's knowledge; discourse analysis

For citation: Alekseev D.V., Kopylova P.S. Social media communities “BKontakte” as a source of political knowledge: Case “Political Science Library”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):113-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-113-121

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни технологический прогресс достиг такого уровня, когда люди имеют практически неограниченные возможности для получения информации. Если раньше для написания научных работ требовалось едва ли не вручную переписывать наиболее важные фрагменты монографий и научных статей, то сегодня есть возможность работать с текстами в режиме онлайн. Информации много, поэтому основной проблемой становится поиск и обработка нужных данных. Это касается, в том числе, и политических наук, количество публикаций по которым резко выросло в первой половине 2000-х гг. [1].

Для ученых важным источником нового знания стали различные базы данных, систематизирующие труды исследователей: Scopus, Web of science, Springer, Science Direct и другие. Некоторые из них предоставляют доступ и к монографиям, например, Google Scholar, Directory of Open Access Books и др. Однако большинство баз данных предоставляют лишь ограниченный доступ к продуктам интеллектуальной деятельности. Попытки открыть доступ к платным статьям приводят к противодействию правообладателей¹ и даже блокировке некоторых ресурсов².

В России широко используется отечественная научная электронная библиотека Elibrary, интегрированная с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ)³. Однако в основном такие базы ориентированы на размещение статей из научных журналов, а не фундаментальных трудов в виде монографий, электрон-

ные версии которых достаточно сложно найти в свободном доступе.

В этой связи нельзя не учитывать влияние социальных сетей, которые могут являться площадкой для обмена научными знаниями среди ученых и исследователей, особенно молодого возраста. Для России наиболее популярной площадкой общения людей в сети является социальная сеть «VKontakte». Результаты опроса молодых политологов, проведенного инициативной группой Совета молодых политологов РАПН, показывают, что в профессиональных целях данную социальную сеть использует подавляющее число респондентов — 73,7% [2]. Согласно другим исследованиям, 23,3% аудитории социальной сети «VKontakte» — пользователи в возрасте от 18 до 24 лет, 20% — младше 18 лет. Наиболее активной группой являются молодые люди в возрасте 25–34 года (33,6%)⁴.

Во «VKontakte» существует большое количество сообществ, которые соответствуют различным научным интересам и потребностям молодых политологов, но особой популярностью пользуются те, где размещены книги, монографии и статьи по социальным и политическим наукам [3]. Этот факт подчеркивает актуальность запроса к открытому знанию в науке.

Одним из наиболее ярких примеров подобного типа групп является сообщество «Political science library». Оно специализируется на открытом размещении контента, в основном связанного с политологическими работами. Важно отметить, что подписчики не только активно просматривают посты, но и комментируют их: публикации в «Political science library» стимулируют дискуссии вокруг текстов, и, как следствие, способствуют формированию сетевых отношений между исследователями.

¹ What If Elsevier and Researchers Quit Playing Hide-and-Seek? URL: <https://www.eff.org/deeplinks/2015/12/what-if-elsevier-and-researchers-quit-playing-hide-and-peek>.

² Например, портал Sci-Hub заблокирован на территории Российской Федерации по просьбе правообладателей.

³ О проекте eLIBRARY.RU. URL: https://elibrary.ru/elibrary_about.asp.

⁴ Социальные сети в России: Цифры и тренды, осень 2018. URL: <https://br-analytics.ru/blog/socseti-v-rossii-osen-2018/>.

«POLITICAL SCIENCE LIBRARY» КАК ПРОВОДНИК ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Цель функционирования сообщества напрямую заявлена в описании — «Эта группа создана для публикации литературы, необходимой для получения политологического образования»⁵. Согласно методике дискурс — анализа аргументов М. Скривена [4, 5], первую часть данного описания: «Эта группа создана для публикации литературы...», — стоит трактовать именно как то, что главной целью группы является не просто публикация информации, а размещение в свободном доступе научных текстов. Наличие формулировки: «...необходимой для получения политологического образования», свидетельствует о том, что в сообществе могут быть размещены источники, связанные не только с политической наукой. Это вполне оправданно, ведь получение «политологического образования» включает в себя изучение литературы как минимум смежных научных дисциплин.

Страница существует уже более пяти лет (первоначальное название группы — «Библиотека политической литературы ИОН»), и в течение этого времени практически каждый день выкладывается как минимум один пост с научным источником. На данный момент «Political science library» насчитывает более 30 тыс. подписчиков, что немало для научного сообщества. Также у сообщества есть Telegram-канал (3,8 тыс. подписчиков), который дублирует контент основной площадки.

На странице есть раздел с рецензиями и обзорами на книги, связанные с политологией, например, «Будущее свободы» Ф. Закария⁶, «Революция. Очень краткое введение» Дж. Голдстоуна⁷ и др.

Важно отметить, что посты в «Political science library» генерируют поводы для дискуссий между подписчиками группы, что является предпосылкой для формирования сети [6, с. 25]. Например, пост с книгой Ф. Фукуямы «Отставание» о причинах социального и эконо-

мического разрыва между Северной и Южной Америкой⁸ вызвал спор между пользователями. На комментарий одного из подписчиков о высоком уровне жизни североамериканских колоний относительно самой Британии, ему было указано на незначительность фактора колониализма, так как «обе группы стран изначально были колониями», поэтому причины стоит искать в различиях между британской и испанской моделями управления.

Сообщество «Political science library» стало ценным источником информации для людей, интересующихся политической и социальной наукой, а также отчасти площадкой для трансляции собственного мнения о книге или какой-либо научной проблеме. Кроме того, группа генерирует сетевую коммуникацию, которая так или иначе влияет на окружающую реальность подобно тому, как политические сети при любых условиях воздействуют на политический режим [7, с. 201].

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Один из вопросов, поставленных в данном исследовании, касается определения тематик, которые доминируют в дискурсе сообщества «Political science library». Выяснить это помогут хэштеги, которые присутствуют в каждом из постов для облегчения навигации по сообществу: они структурируют записи и позволяют легко найти нужную монографию по интересующей тематике. Хэштеги обозначают принадлежность научного источника к той или иной теме или сфере политической науки.

В ходе исследования мы ориентировались, прежде всего, на первые хэштеги, поскольку они в наибольшей степени отражают принадлежность поста с монографией к одному из общепринятых направлений политической науки. Например, опубликованный в сообществе пост про книгу Р. Пайпса «Русский консерватизм и его критики» начинается с хэштега #идеологии, а лишь потом следуют другие классификации: #консерватизм и #политическая_история. То есть, прежде всего, мы будем исходить из того, что данная работа относится к группе «политические идеологии». Это также можно понять уже из названия монографии.

⁵ Группа Political science library. URL: <https://m.vk.com/politicalbooksion?from=groups>.

⁶ Будущее свободы Ф. Закария. URL: https://m.vk.com/@politicalbooksion-buduschee-svobody-f-zakariya?context=author_page_date&ref=author_page.

⁷ Революция. Очень краткое введение Дж. Голдстоуна. URL: https://m.vk.com/@politicalbooksion-revoluciya-ochen-kratkoe-vvedenie-dzh-goldstouna?context=author_page_date&ref=author_page.

⁸ Ф. Фукуяма — «Отставание» // Political science library. URL: https://m.vk.com/wall-80080904_8208?from=wall-80080904#comments.

Формулировки хэштегов определены администрацией группы на основании изучения текстов работ, аннотаций к книгам и материалов, интерпретирующих сами политологические тексты. Все администраторы группы имеют политологическое образование, а, значит, обладают необходимыми компетенциями. На втором шаге анализа хэштеги были сгруппированы в соответствии со сферами политической науки (табл. 1). Таким образом, нам удастся увидеть тематическую структуру дискурса сообщества «Political science library».

Выяснить, какие посты и монографии наиболее востребованы среди подписчиков и посетителей публичной страницы можно по количеству лайков под записями в сообществе.

В рамках данного исследования в качестве эмпирической базы были взяты посты исключительно о книгах по политологии. Акцент на таком виде источников связан с тем, что монографии труднее всего найти в открытом доступе. Кроме того, именно такой жанр работ является источником наиболее фундаментального и систематизированного знания в сфере политической науки.

В качестве эмпирической базы брались записи, размещенные в 2019 г. Всего за этот период, было опубликовано 118 постов с монографиями, которые можно отнести к политической науке.

СФЕРЫ ПОЛИТОЛОГИИ В ДИСКУРСЕ ПУБЛИЧНОЙ СТРАНИЦЫ «POLITICAL SCIENCE LIBRARY»

Сначала необходимо определить, к каким сферам политической науки принадлежат те или иные посты, а также ответить на вопрос: представленность каких областей политической науки в дискурсе сообщества наибольшая.

Хэштеги и тематика текстов группы говорит о том, что больше всего в дискурсе «Political science library» представлено работ, связанных с политической историей (26 постов) и философией (26 постов). Это свидетельствует о том, что целевой аудиторией сообщества являются преимущественно те, кто изучает политологию, пишут статьи и диссертации — студенты, аспиранты, молодые ученые. Подтверждает этот тезис и относительная популярность категории «политическая теория» (10 постов), в которую вошли книги по академической политологии. В этой связи особенно ярким примером является публикация «Oxford Handbook of Political

Theory», которая получила 234 лайка и 45 репостов. По сравнению с другими публикациями, это не очень большое количество, однако сам факт публикации администрацией сообщества данного поста много говорит о целевой аудитории группы.

Также довольно востребована тема, связанная с политическими режимами, причем, как правило, в контексте демократизации и модернизации (20 постов). В российском политологическом сообществе наблюдается устойчивый интерес к темам демократии, политическому транзиту и модернизации. Есть много исследователей, у которых они находятся в фокусе внимания (А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, М. Г. Миронюк, О. И. Зазнаев и др.). Были и масштабные проекты, так или иначе связанные с темой демократии, например, составление «Политического атласа современности» под редакцией А. Ю. Мельвиля, а также дискуссии между американским и российским политологическими сообществами, результатом которых стала публикация коллективной монографии «Демократия в российском зеркале» [8]. Эта книга в 2019 г. была опубликована в группе «Political science library». Исследование показывает, что интерес к теме политических режимов не ослабевает и по сей день.

Отметим, что относительно популярной сферой политологического знания остается теория идеологий (10 постов). Причем данная категория политической науки представлена в сообществе различными типами: 4 поста посвящены книгам о национализме, 3 — о либерализме, и по 1 посту — об анархизме и консерватизме. А хэштег #идеология на первом месте идет лишь в записи про работу под редакцией Г. Никипорец-Такигава и Э. Паина «Интернет и идеологические движения в России».

Актуальной в политологическом дискурсе остается тема политических институтов и институционального подхода (6 постов). При этом примечательно, что из шести опубликованных монографий, связанных с институтами, две посвящены партиям и партийным системам, что нашло свое отражение и в хэштегах. Две опубликованные монографии связаны с существенным раскрытием институционального подхода («The Oxford Handbook of Political Institutions» и книга под редакцией С. В. Патрушева «Институциональная политология»). Еще две работы посвящены прикладным сюжетам, связанным

Таблица 1 / Table 1

Сферы политической науки и записи в «Political science library» / Fields of political science and entries in the “Political science library”

Сферы политологии	Хэштеги	Кол-во хэштегов	Общее кол-во хэштегов
Политическая философия	#политическая_философия	26	26
Политическая история	#политическая_история	24	26
	#революция	1	
	#власть	1	
Политические режимы	#демократия	12	20
	#демократизация	1	
	#политические_режимы	7	
Политическая теория	#политическая теория	10	10
Политические идеологии	#либерализм	3	10
	#анархизм	1	
	#консерватизм	1	
	#национализм	4	
	#идеология	1	
Политика памяти и идентичность	#национальная_идентичность	1	6
	#идентичность	2	
	#историческая_политика	1	
	#историческая_память	2	
Политические институты	#политические_институты	3	6
	#партийная_система	1	
	#институционализм	1	
	#политические_партии	1	
Международные отношения	#международные_отношения	4	4
Политическая этика	#политическая_этика	3	3
Политическая культура	#политическая_культура	2	2
Современная российская политика	#российская_политика	1	1
Сравнительная политология	#сравнительная_политология	1	1
Политическая конфликтология	#политическая_конфликтология	1	1
Государственное управление	#государственное_управление	1	1
Политическая социология	#политическая_социология	1	1

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

с политическими институтами (речь о книгах Ф. Фукуямы «Отставание» и М. Вироли «Свобода слуг»). Тема политических институтов в сообществе представлена наиболее комплексно (сквозь призму как институционального подхода, так и конкретных институтов, их функционирования и дисфункций). Такое разнообразие подчеркивает сложность сферы и интерес к ней у политологического сообщества, в том числе и в России.

Относительно заметной для сообщества стала тема идентичности и политики памяти (6 постов). Объединение этих двух, на первый взгляд, не совсем однородных тем, связано с несомненным влиянием политики памяти государства на формирование национальной идентичности [9, с. 9]. Эти сферы политической науки часто вполне оправданно рассматриваются отдельно. В сообществе по данной теме также опубликованы как теоретико-методологические работы (например, сборник статей «Методологические вопросы изучения политики памяти»), так и труды, связанные с конкретными проявлениями исторической памяти (М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира»).

Такие сферы политологического знания, как международные отношения (4 поста), политическая этика (3), политическая культура (2), политическая конфликтология (1), политическая социология (1), государственное управление (1) представлены значительно меньше. Примечательно, что многие из них, так или иначе, связаны с прикладными исследованиями политических процессов. Это подтверждает общую направленность группы на публикацию классических политологических работ, а не на современные исследования из текущей повестки дня. Однако обратная связь в виде лайков, комментариев и репостов говорит о востребованности подобного контента.

Также отметим, что такие сферы политической науки, как политическая теория и политическая история, демократизация и политическая культура относительно близки, следовательно, монографии часто касаются одновременно нескольких сфер политологии. Например, именно такая ситуация возникает в случае с книгой Р. Иглхарта и К. Ветцеля «Модернизация, культурные изменения и демократия», посвященной влиянию трансформации ценностных установок граждан на изменение

и демократизацию политических режимов [10]. В работе К. Скиннера «Макиавелли. Очень краткое введение», граница между политической философией и политической теорией фактически стирается.

Таким образом, в дискурсе Political science library доминирует контент по политической истории и философии. Книги, связанные с исследованием политических процессов (за исключением тем демократии, политического режима), выкладывались в свободный доступ существенно реже, чем теоретико-методологические работы. В то же время ряд сфер (идентичность и политические институты) представлены как в теоретическом, так и в прикладном аспектах.

КАКИЕ ПОСТЫ СООБЩЕСТВА НАИБОЛЕЕ ВОСТРЕБОВАНЫ У АУДИТОРИИ

Самые востребованные у аудитории сообщества книги и монографии определялись по количеству отметок «Мне нравится» под соответствующими постами. Также учитывалось количество просмотров и репостов. Результаты представлены в *табл. 2*.

Из данной таблицы видно, что наиболее популярным постом у посетителей и подписчиков публичной страницы стала запись, посвященная книге К. Скиннера «Макиавелли. Очень краткое введение». Это объясняется тем, что труды итальянского классика, такие как «Государь» и «История Флоренции» часто используют не только студенты-политологи, но и те, кто изучает социологию, теорию государственного управления, философию, культурологию и пр. Таким образом, контент, связанный с трудами Н. Макиавелли, всегда будет востребован теми, кто изучает социальные и гуманитарные науки. Кроме того, нерадивых студентов может привлечь название работы «Макиавелли. Очень краткое введение», так как оно наталкивает на мысль о том, что текст короткий, и после ознакомления с ним, читать тексты итальянского мыслителя уже необязательно. Представление о его воззрениях будет уже составлено.

Отметим и то, что пост по книге Б. Мурамладшего «Социальные основы диктатуры и демократии» был опубликован дважды в разное время: 30 января и 20 августа. В обе даты записи набрали довольно много отметок «Мне нравится» (418 и 635 соответственно).

Таблица 2 / Table 2

Наиболее популярные посты в сообществе «Political science library» за 2019 г. / The most popular posts in the “Political science library” community for 2019

№	Книга	Тематика	Лайки	Репосты	Просмотры
1	К. Скиннер «Макиавелли. Очень краткое введение»	Политическая теория	745	131	67
2	Дж. Голдстоун «Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850»	Политическая история	722	159	69
3	Б. Мур-младший «Социальные истоки диктатуры и демократии»	Политические режимы	635	132	62
4	Э. Хобсбаум «Нации и национализм после 1780 г.»	Политические идеологии	621	137	34
5	Д. Асеомглу, Дж. Робинсон «Экономические истоки диктатуры и демократии»	Политические режимы	538	94	58
6	П. Кеннеди «Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г.»	Политическая история	466	126	43
7	Н. Фергюсон «Империя. Чем современный мир обязан Британии»	Политическая история	455	114	48
8	П. Брендон «Упадок и разрушение Британской империи»	Политическая история	437	97	64
9	В. В. Согрин «Политическая история США»	Политическая история	428	87	41
10	Б. Мур-младший «Социальные основы диктатуры и демократии»	Политические режимы	418	96	43

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Наиболее популярной сферой политологических знаний за прошедший год в паблике «Political science library» стала политическая история. Среди десяти записей с наибольшим количеством лайков 5 посвящены именно ей. Примечательно, что тематика «исторических» работ так или иначе связана с событиями, происходившими в западных странах (Британия, США, Европа). Несмотря на то, что окружающая политико-экономическая реальность наполнена критикой западных режимов и политических систем, именно сюжеты, связанные с историей западных стран, вызывают интерес у людей, интересующихся политической наукой.

Последний тезис подтверждает и популярность у посетителей и подписчиков страницы темы политических режимов и теории демо-

кратии. Причина интереса к этой тематике и конкретно к постам, посвященным книгам Д. Асеомглу и Дж. Робинсона «Экономические истоки диктатуры и демократии» и Б. Мура-младшего «Социальные основы диктатуры и демократии» (5 и 3 места соответственно) заключается в их значимости для современной политической науки. Эти тексты и сегодня много цитируют. Кроме того, как уже упоминалось выше, тема политических режимов вызывает большой интерес в российском исследовательском сообществе по причине невозможности ее изучения во времена СССР и в попытке «догнать» западную политическую науку по данному направлению [11, с. 33].

Также в десятку наиболее популярных постов попала книга Э. Хобсбаума «Нации и национа-

лизм после 1780 г.», отнесенная к теме политических идеологий. Высокие показатели лайков и репостов и здесь довольно предсказуемы, так как речь идет о наиболее фундаментальном научном труде по национализму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, публичная страница «Political science library» может по праву считаться проводником, через который администрация группы свободно распространяет политологические знания в виде научной литературы, где особое место заняли фундаментальные научные труды и монографии. Кроме того, группа способствует развитию коммуникации между учеными и людьми, интересующимися политической наукой.

Исследование показало, что у посетителей страницы наиболее востребованы монографии по теме политической философии и истории. Отчасти это обусловлено тем, что администрация группы публикует больше постов о теоретических аспектах изучения политики. В то же время, среди десяти самых популярных монографий шесть связаны с теорией или историей. То есть спрос на такой контент у аудитории стабильно высокий. Также имеется устойчивый интерес к работам, рассказывающим о политических режимах. Монографий, связанных с наиболее

прикладными областями политической науки (политическая социология, государственное управление, международные отношения и др.), представлено меньше. Скорее всего, это объясняется спецификой группы, а также тем, что по вышеперечисленным темам довольно много информации в других источниках. Однако такие сферы политологического знания, как «политические институты» и «политика памяти и идентичность» представлены как академическими работами, так и прикладными исследованиями.

Важно отметить, что в сообществе представлено гораздо больше монографий на русском языке, чем на английском. За 2019 г. из 118 постов с монографиями только в 5 случаях опубликованы источники на иностранном языке, причем «Oxford Handbook of Political Theory» был размещен дважды. Одним из направлений развития публичной страницы «Political science library» может стать размещение большего количества монографий и статей именно на иностранных языках.

Публикация фундаментальных академических текстов в сообществе, в условиях недостатка качественных материалов в свободном доступе и дефиците ресурсов у студентов, делает «Political science library» ценным источником научной информации для всех интересующихся политической наукой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Патрушев С. В., Филиппова Л. Е. Институциональные факторы состояния политической науки в России: общая характеристика и проблемы. *Политическая наука*. 2020;(1):13–34.
2. Помигуев И. А. Роль молодежных политологических организаций в процессе формирования научных сетей. *Политическая наука*. 2020;(1):112–144.
3. Алексеев Д. В., Копылова П. С. Группы в социальных сетях как способ формирования сообщества молодых политологов: опыт дискурс анализа. *Политическая наука*. 2020;(1):281–304.
4. Scriven M. Reasoning. New York: McGraw-Hill; 1976. 272 p.
5. Романов П. В., Щепланова В. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИ (Дискурс-анализ газетных публикаций). *Полис. Политические исследования*. 2003;(6):144–154.
6. Кучукян А. В. Возможности методологии сетевого анализа в исследовании виртуальных молодежных сообществ. *Теория и практика общественного развития*. 2017;(4):24–26.
7. Бордовских А. И., Соловьев А. И. Политические сети как новый источник политического риска. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2015;(51):185–212.
8. Демократия в российском зеркале. А. М. Мигранян, А. Пшеворский, ред. М.: МГИМО-Университет; 2013. 519 с.
9. Малинова О. Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности. *Политическая наука*. 2005;(3):8–20.
10. Инглхарт Р., Ветцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство; 2011. 464 с.
11. История российской политической науки. Ю. С. Пивоваров, А. И. Соловьев, ред. М.: Аспект Пресс; 2015. 471 с.

REFERENCES

1. Patrushev S. V., Philippova L. E. Institutional factors of political science's condition in Russia: general characteristics and problems. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2020;(1):13–34. (In Russ.).
2. Pomiguyev I. A. The role of youth political science organization in the process of forming scientific networks. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2020;(1):112–144. (In Russ.).
3. Alekseev D. V., Kopylova P. S. Social networks' groups as a method for forming a community of youth political scientists: discourse analysis experience. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2020;(1):281–304. (In Russ.).
4. Scriven M. Reasoning. New York: McGraw-Hill; 1976. (In Russ.).
5. Romanov P. V., Scheblanova V. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Women terrorists in interpretive models of the Russian media (Discourse analysis of newspaper publications). *Polis. Politicheskie issledovaniya = Policy. Political Studies*. 2003;6: 144–154. (In Russ.).
6. Kuchukyan A. V. The opportunities of network analysis methodology in the study of virtual youth communities. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2017;4:24–26. (In Russ.).
7. Bordovskikh A. N., Solovyov A. I. Policy Networks as a New Source of Political Risk. Gosudarstvennoe upravlenie. *Elektronnyj vestnik = E-journal "Public Administration"*. 2015;51:185–212. (In Russ.).
8. Migranyan A. M., Przhhevorsky A., eds. *Democracy in the Russian Mirror*. Moscow: MGIMO-Universitet; 2013. (In Russ.).
9. Malinova O. Yu. Policy Research and Identity Discourse. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2005;3: 8–20. (In Russ.).
10. Inglehart R., Wetzell K. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2011. (In Russ.).
11. Pivovarova Yu. S., Soloviev A. I., eds. *History of Russian Political Science*. Moscow: Aspekt Press; 2015. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитрий Владимирович Алексеев — аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия

mityaalexeev@yandex.ru

Полина Сергеевна Копылова — магистрант, Финансовый университет, Москва, Россия

polya_kopylova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Dmitry V. Alekseev — postgraduate, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

mityaalexeev@yandex.ru

Polina S. Kopylova — undergraduate, The Financial University, Moscow, Russia

polya_kopylova@mail.ru

Статья поступила 15.02.2020; принята к публикации 15.04.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.02.2020; accepted for publication on 15.04.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-122-127

УДК 316.4.06(045)

Межэтнический негативизм: в поисках путей выхода

М.Р. Кармова^а, О.И. Максимова^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7096-4724>

АННОТАЦИЯ

Проблема межэтнического негативизма, возникшая в результате глобализационных изменений, остро стоит перед большинством стран мира, характеризующихся полиэтничностью и поликультурностью. Она вызывает рост социальной напряженности, приводит к увеличению числа межнациональных и межэтнических конфликтов. В статье приводятся данные социологических опросов в Российской Федерации и результаты исследований зарубежных стран, подтверждающие актуальность и глубину проблемы этнокультурных противоречий. Авторы изучают причины межэтнического негативизма и нетерпимости. В работе рассматриваются различные подходы к интеграции полиэтничного населения, ассимиляционная модель и модель признания различий – мультикультурализм – и их недостатки. Высказывается мысль о необходимости разработки новой модели, способной ослабить этнический негативизм и сформировать культуру межэтнического общения.

Ключевые слова: этнокультурный облик; однородный этнический состав; этнические общества; социальная напряженность; межэтническое согласие; социокультурная адаптация

Для цитирования: Кармова М.Р., Максимова О.И. Межэтнический негативизм: в поисках путей выхода. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):122-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-122-127

ORIGINAL PAPER

Interethnic Negativism: Searching for Exit Routes

M.R. Karmova^а, O.I. Maksimova^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7096-4724>

ABSTRACT

Many countries with multi-ethnicity and multiculturalism structure of the population, face today the problem of inter-ethnic negativism. It aroused as a result of globalisation change. Besides, it causes an increase in social tension and leads to an increase in inter-ethnic and inter-ethnic conflicts. The article presents the data of sociological surveys in the Russian Federation and the results of studies in foreign countries, confirming the relevance and depth of the problem of ethnic and cultural contradictions. The authors consider the causes of inter-ethnic negativity and intolerance. The paper examines various approaches to the integration of the multi-ethnic population, the assimilation model and the model of recognition of differences-multiculturalism, and their shortcomings. The authors suggest developing a new model able to weaken ethnic negativity and form a culture of interethnic communication.

Keywords: ethnocultural image; homogeneous ethnic composition; ethnic communities; social tension; interethnic concord; socio-cultural adaptation

For citation: Karmova M.R., Maksimova O.I. Interethnic negativism: Searching for of exit routes. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):122-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-122-127

Globalisation changes lead to increased migration processes, change the historical social and ethnocultural image of the state's population: they are becoming less and less uniform in their ethnic composition. Over the past 50 years, the number of international migrants has almost tripled. If in 1960, 75.5 million people were living outside the country of their birth throughout the world, then in 2000 it was 176.6 million, and at the end of 2009, there were already 213.9 million. According to UN experts, currently, every 35th inhabitant of the globe is an international migrant, and in the developed countries — already every tenth [1]. Thus, multi-ethnicity and multiculturalism are given that characterises most countries of the modern world. Such states are faced with an especially acute problem of the coexistence of several ethnic communities, since as a result of migration, ethnocultural contradictions between different groups of the population inevitably become aggravated, causing social tensions. Social tension, in turn, exacerbated by economic and political instability, leads to an increase in interethnic conflicts.

The multinational, multicultural and multi-confessional states fully apply to the Russian Federation. According to the 2010 All-Russian Population Census, representatives of more than 190 nationalities and ethnic communities live on its territory, “each of which is distinguished by its unique material and spiritual culture. The peoples traditionally living on Russian territory are indigenous peoples and have their historical role in the formation of Russian statehood” [2]. However, often socio-economic instability, a decrease in the standard of living of certain groups of the population, worsening of the crime situation, the threat of terrorism and religious extremism, intensify internal migration processes and force ethnic groups to leave their state (or administrative) entities. Their transfer to another cultural and linguistic reality sometimes leads to the generation of socio-cultural adaptation problems arising as a result of the difference in the cultures of the host society and other-ethnic migrants, their value systems, beliefs, and worldview features.

An example of this is the Saratov region, where more than 140 ethnic groups live. In contrast, the Russian population living on the territory of the main ethnic mass makes up 87.6 per cent of the

community. A cross-cultural study of the ethnic identity of Azerbaijanis, Armenians, Russians and Chechens living in this region was carried out. To assess the out-group, the broader concept of “people from the Caucasus” was used. One of the results of this study showed that the percentage of people who rated representatives of Caucasian ethnic groups from an extremely negative side among Russians was 9 per cent. Against the backdrop of the negative attitude towards the estimated representatives of Caucasian ethnic groups on the part of the in-group, the desire for ethnic isolation was manifested among 34 per cent of respondents. When assessing such a judgment as “persons of other nationalities should be limited in their right to reside in the territory of their country (republic)”, 48 per cent of Russians showed attitudes like national fanaticism. At the same time, from 23 per cent of answers from Armenians and up to 30 per cent of responses from Azerbaijanis and Chechens, negative assessments were revealed when characterising Russians. These indicators cannot but cause concern because they indicate “a high level of interethnic tension, a willingness to take any action in the name of ethnic interests, a denial of the right to use resources and social privileges to representatives of other nations” [3].

Moreover, according to indirect data, Russia has about 30 million people accumulated migration from neighbouring countries [4]. According to the indicators of the migration situation in the Russian Federation, only for January — March 2019, 8 704 649 citizens of foreign countries were registered with migration (<https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/17595161>). The inability of visitors to adapt to new conditions of a different cultural environment, their unwillingness to perceive the cultural identity of the host community on the one hand, and sometimes the categorical demand for the adoption of local cultural norms by the Russians on the other, do not contribute to maintaining interethnic harmony.

In this regard, the results of surveys of residents of the city of Yekaterinburg and foreign ethnic migrants from Central Asian countries are indicative. They show the forms of interaction between the host community and visitors from other countries, reveal the problems of mutual rejection, leading to the growth of social conflicts. Most Yekaterinburg residents negatively perceive

labour migrants from Central Asian countries and disagree with the need for their presence in the city: 60.2 per cent of respondents negatively relate to the fact that the number of non-Russian migrants in Yekaterinburg is growing, more than a third unequivocally consider them “strangers” (33.4 per cent). *Table 1* shows the readiness of migrants and residents of Yekaterinburg to change their cultural habits for a safe life.

Survey data showed that the degree of readiness for change for the sake of calm and peaceful coexistence among local residents and migrants varies significantly. Residents of Yekaterinburg, as representatives of the host community, do not consider it necessary to change their socio-cultural norms of behaviour radically. At the same time, only a small part of migrants (11.7%) express their willingness to change their behaviour in a foreign country, participating in cultural integration based on the norms of the local population.

A mirror image of the problem of interethnic interaction in Russia is the situation in Estonia, where Russians are an ethnic minority, accounting for 26 per cent of the population. In 2011, the American research Center for Strategic and International Studies (CSIS) published a report on the results of a sociological study. It showed that 34 per cent of Estonians are hostile to Russians living in Estonia, while a negative perception of Estonians is characteristic only of 8 per cent of representatives of the Russian ethnic group [5].

Obviously, Russia is not alone in spreading anti-migrant sentiments. According to the European sociological survey conducted in 2008 and 2010. In 30 European countries, 21 per cent of the population approved the eviction of migrants in our country (*table 2*). In Israel, Hungary, Portugal, as can be seen from the results of the survey, this figure is even higher [6].

In the UK, according to a Polish study, in recent years, emigrants from this country, especially after the decision to leave the United Kingdom from the European Union, are increasingly experiencing a hostile attitude, faced with racism and xenophobia [7].

It should be noted that there is no single modern society that is entirely free from xenophobia and “would not experience from time to time bursts of aggression against its “strangers”. The absence of barriers between those who are considered the majority of the population, “ours” and “not ours”, indifference, or weak repulsion

(or someone else’s attractiveness) would mean utter atrophy, amorphous social and ethnic solidarity relations, the indistinguishability of the important and the unimportant. It is challenging, if not impossible, to imagine such an anomic situation. A society without xenophobia is a utopia of an absolutely closed and isolated island community, something like the life of a tribe, squeezed into the dense forests of an abandoned mountain plateau, unaware of the road to its neighbours” [8].

Alertness, negative stereotypes, prejudice, rejection of an alien culture or lifestyle are not new. They are inherent in human nature. According to Walter Bagehot, British economist and political philosopher of the 19th century, who wrote in 1874 the essay “The Metaphysical Basis of Tolerance” humanity was originally characterised by intolerance and persecution, which were laid down by nature. In the 20th century, specialists in child psychology conducted experiments related to a comparative analysis of intolerance in children and adults. They reiterated W. Bagehot’s findings that “intolerant behaviour in society is constantly reproduced due to the indestructibility of infantile complexes generated by the need for faith, sacred customs and rituals, replacing a rational discussion of complex social problems” [9]. Interethnic negativity can be traced even in relations between neighbouring countries that have existed side by side for centuries. It is enough to recall the Portuguese proverb “From Spain, neither the good wind nor the wife” or “sworn friendship” of the inhabitants of Great Britain and France. When it comes to the attitude of the indigenous population towards ethnic minorities, it tends only to intensify. Numerous studies conducted in different countries confirm the existence of this phenomenon. For example, in Canada, the first country to enact a law on multiculturalism as an official state policy in 1988, negative stereotypes regarding the ethnic minorities of Canadian society are still prevalent among Anglo-Canadians [10]. In the Netherlands, the degree of confidence in the ethnic minority and the desire to communicate with its representatives on the part of the indigenous population is extremely small [11].

An example is Australia, the classic country of emigration. Nowadays, it takes 8th place in the world in the number of emigrants, which make up 29% of the population, while the number of original inhabitants is 2.8%. The country has extensive experience in terms of building the

Table 1

The readiness of migrants and residents of Yekaterinburg to change their cultural habits for a safe life, %

Variants of answer	Residents of Yekaterinburg	Migrants
Absolutely not ready to change my cultural habits	74.2	16.5
For the sake of safety, partially ready to change my cultural habits	12.2	35.5
Ready to change my culture cardinally	0.2	11.7
Do not know	12.6	35.1
Have no answer	0.8	1.3

Source: [4].

communication skills of citizens: the educational policy there is based on the recognition that multilingualism and political culture determine the socio-cultural situation. The training aimed at the formation of traditional types of communicative competence for Western countries is carried out, taking into account the tasks of intercultural communication. However, studies have shown that, even when the state has a mutual integration policy and implementation, children from the Anglo-Australian in-group of the ethnic majority rated themselves more positively than children from two other out-groups of the ethnic minority, natives of the Pacific Islands and Aboriginal [12].

Interethnic negativity manifests itself in social and economic spheres, at the household level and in business. Studies in this area have found that, for example, in China, in the practice of providing trade loans, there is a prejudice towards firms managed by compatriots from ethnic minorities [13]. In Israel, in turn, the results of a survey of the ethnic majority of this country showed a lack of confidence in Israeli Arabs, Bedouins and Palestinians, ethnic minority groups when it comes to activities related to deferred payments or payment of risky assets [14].

As you can see, the problems associated with the ethnic rejection of the minority by the majority, with intercultural communications and massive international migrations are relevant for most states, if only because there are practically no mono-ethnic countries in the world.

Throughout its history of development, multinational states have sought cultural homogeneity and single national state identity. There are different approaches to the integration of a

Table 2

**Isolationism against migrants
None of the migrants to be allowed to enter the country, % of responses**

The Russian Federation	21.7
Israel	33.2
Hungary	32.1
Czech Republic	24.4
Portugal	22.6
Estonia	16.6

Source: ESS 2010.

multi-ethnic population: an assimilation model and a model for recognising differences. In the first case, migrants themselves generally bear the burden and experience the hardships of the integration process; in the second case, the emphasis is shifted to creating conditions for integration, i.e. on the efforts of the host.

In the late XIX – early XX centuries, the model of ethnic assimilation prevailed as an integration model in Europe and the USA. However, with its help, it was not possible to solve the problem of the formation of a single national identity, “including on an equal footing the identities of all citizens of the country”. The growth of interethnic and racial tensions in countries adhering to the policy of a “melting pot” meant that this theory did not work either for immigrants or an indigenous, racially different population” [15].

The search for new approaches to interaction with foreign ethnic populations in these countries

led to the concept of multiculturalism. However, it was also ineffective due to the opposition of the standards of this policy and the values of national cultural and religious identity [16]. The multicultural policy led to a split in society, which formed the basis of its failure and recognition of multiculturalism as failed. Many European leaders have criticised the policy of multiculturalism. For example, British Prime Minister D. Cameron said: “Following the doctrine of state multiculturalism, we have contributed to the fact that different cultures lived an independent life, separately from each other and outside the mainstream of culture. We did not offer them a vision of the society to which they would like to belong. We were tolerant of these isolated communities whose behaviour was completely contrary to our values” (<https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference>). A. Merkel said: “Attempts to build a multicultural society in Germany, in which representatives of different cultures will “live in complete agreement”, have completely failed” [17]. Both American researchers and public figures noted the negative consequences of such a cultural policy. S. Huntington, for example, considers the policy of multiculturalism, implemented in the context of increasing ethnic heterogeneity of the United States, as “the desire to revise the American political, social and cultural history from the point of view of the” non-European “population of the

country” [18]. With this approach to the integration of a multi-ethnic population, the focus of migration policy problems is shifted to the socio-cultural sphere; new challenges arise in the interaction of societies with different traditions and cultures of interethnic interactions. There is a need to form a new cultural picture of the world, which is a combination of knowledge and ideas about the values of one’s own culture and the culture of other ethnic groups.

It implies an understanding of national features, the characteristics of ethnic and religious mentality, knowledge of each other’s traditions and customs. A new cultural picture of the world should serve as the basis for dialogue, within the framework of which interaction, interpenetration, mutual influence and mutual enrichment of multinational cultures, openness, preservation of national traditions of ethnic groups and orientation to preserve the diversity of life, but not to deny ethnic differences and the desire to erase them. “Such a multicultural environment is an effective tool for recognising the cultural identity of peoples and creating political tolerance, provides national integration and identification” [19]. It may serve as a successful alternative to ethnocentrism and ethno-isolationism, weaken ethnic negativity, reduce conflict potential, reduce the preconditions for interethnic confrontation, and create a culture of interethnic communication [20].

REFERENCES

1. Gerasimova O. E. Models of ethnic structure of society: problems and prospects. *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of culture*. 2013;(199):85–99.
2. Noyanzina O. E., Maksimov M. B., Khodorenko O. V., Surtaeva O. V., Vasilkina M. E. Multinational nature of modern society as a condition for the formation of the national identity of the population of the Russian Federation. *News of Altai State University*. 2015;3(87):180–184.
3. Gritsenko V. V. Collection of scientific papers edited by O. E. Huhlaev. Moscow City University of Psychology and Education. URL: <http://dogmon.org/sbornik-nauchnih-trudov-pod-red-o-e-huhlaeva.html>.
4. Britvina I. B., Shumilova P. A. Cultural identity and problems of adaptation of foreign migrants in Russia. *Vestnik RUDN. Series: Sociology*. 2017;17(3):317–326.
5. Conley H., Gerber T. Russian Soft Power in the 21st Century. Center for Strategic and International Studies; 2011.
6. Drobizheva L. M. Resource of interethnic harmony and balance of intolerance in modern Russian society. *World of Russia*. 2012;(4):91–110.
7. Rzepnikowska A. Racism and xenophobia experienced by Polish migrants in the UK before and after Brexit vote. (2018). URL: https://www.researchgate.net/publication/324523715_Racism_and_xenophobia_experienced_by_Polish_migrants_in_the_UK_before_and_after_Brexit_vote.
8. Gudkov L. D. Why don’t we like visitors? *World of Russia*. 2007;(2):48–83.
9. Gutorov V. A. Methodological aspects of the analysis of the formation of a tolerant social environment in multicultural societies. *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of culture*. 2013;(199):41–72.

10. Kil H., Noels K. A., Lascano D. V., Schweickart O. English Canadians` cultural stereotypes of ethnic minority groups: Implications of stereotype content for acculturation ideologies and immigration attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*. 2019;(70):104–118.
11. Tolsma J., van der Meer T. W.G. Trust and contact in diverse neighbourhoods: *An interplay of four ethnicity effects*. *Social Science Research*. 2018;(73):92–106.
12. Griffiths J., Nesdale D. Can also be and out-group of ethnic majority and minority children. November 2006. *International Journal of Intercultural Relations*. 2006;30(6):735–749.
13. Yano G., Shiraishi M. Trade Credit and Ethnicity: The Case of Ethnic Minority Area in China. (2015). URL: https://www.researchgate.net/publication/282412329_Trade_Credit_and_Ethnic_Minority_Area_in_China.
14. Malul M., Rosenboim M., Shavit T. Costs of Mistrust between Ethnic Majority and Minorities: Evidence from Israel. *Review of Social Economy*. 2010;68(4):447–464.
15. Shchedrin O. V. Is a multicultural model of integration of migrants in Russia possible? *Sociological research*. 2004;(11):67–75.
16. Popov A. V. Multiculturalism and national identity in the context of modernity. *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of culture*. 2013;(199):73–84.
17. Merkel A. Attempts to build a multicultural society in Germany ultimately failed. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20101017070445.shtml>.
18. Huntington S. The Hispanic challenge. URL: <http://cyber.law.harvard.edu/blogs/gems/culturalagency1/SamuelHuntingtonTheHispanicC.pdf>.
19. Chaim Gans. On Kymlicka’s Multicultural Odysseys. Book Symposium on Will Kymlicka’s “Multicultural Odysseys”. *Jerusalem Review of Legal Studies*. 2010;(2):65–66.
20. Karmova M. R., Maksimova O. I. Problems of Interethnic Communication: Is Russia Alone? Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue: From Conflict to Mutual Understanding. Second International Scientific-Practical Conference Materials. Moscow State Pedagogical University. Moscow; 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марьяна Ризоновна Кармова — старший преподаватель Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
mkarmova@fa.ru

Ольга Игоревна Максимова — старший преподаватель Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
oimaksimova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Mariana R. Karmova — Senior Lecturer, Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia
mkarmova@fa.ru

Olga I. Maksimova — Senior Lecturer, Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia
oimaksimova@fa.ru

Статья поступила 24.03.2020; принята к публикации 15.04.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 24.03.2020; accepted for publication on 15.04.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-128-131
УДК 32.019.51(045)

Принципы стабильности ресурсов в условиях информационных войн

Д.Э. Ковригин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-9880-1137>

АННОТАЦИЯ

В наши дни многократно усилилась значимость информационных систем, ставших неотъемлемой частью жизни человечества. В современных конфликтах информационные атаки перешли из разряда вспомогательных средств в основные. Умелое управление потоками информации определяет не только специфику, но иногда и результат реальных конфликтов. При этом различные акторы непрерывно ведут между собой войны в информационном пространстве. В конфликте на уровне государств они представляют свою идеологию и образ будущего. Противостояние идет одновременно между всеми государствами, и ни одна сторона априори не может победить. В ходе подобного бесконечного противостояния особо актуальной становится проблема поддержания ресурсной стабильности. Целью данной работы является выделение базовых принципов информационной политики государства.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии; информационные атаки; кибербезопасность; гибридная война; информационные ресурсы

Для цитирования: Ковригин Д.Э. Принципы стабильности ресурсов в условиях информационных войн. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):128-131. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-128-131

ORIGINAL PAPER

Principles of Stability of Resources in the Conditions of Information Wars

D.E. Kovrigin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9880-1137>

ABSTRACT

Today, the importance of information systems, which have become an integral part of human life, has increased many times. During this process, information attacks moved from the category of auxiliary tools to the category of main ones. Now skilful management of information flows determines not only the specifics but sometimes the outcome/result of wars. At the present stage, States are constantly waging wars among themselves in the information space. Each state represents its ideology and image of the future. The confrontation is going on simultaneously between all States, and no side can win a priori. In the course of such an endless confrontation, the problem of maintaining resource stability becomes particularly urgent. The purpose of this work is to highlight the basic principles of the state's information policy.

Keywords: information and communication technologies; information attacks; cybersecurity; hybrid warfare; information resources

For citation: Kovrigin D.E. Principles of stability of resources in the conditions of information wars. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):128-131. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-128-131

К началу XXI в. государства стали постепенно отказываться от ведения крупномасштабных военных кампаний, так как ущерб, наносимый ими, огромен. Ставка сделана на типы силовой активности, в последнее время обобщенно называемые термином «гибридная война». Впервые об этой концепции написали Джеймс Н. Мэттис и Фрэнк Г. Хоффман в статье, опубликованной 8 ноября 2005 г., «Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars». В ней говорится о том, что существуют как традиционные, так и нетрадиционные методы ведения войны. В классическом формате ведения войны, по заявлению авторов, «...очевидно, что Соединенные Штаты будут доминировать над обычными противниками в обозримом будущем» [1]. Но противник может использовать неожиданные сочетания технологий и тактики, — такие методы ведения войны, как организация беспорядков, терроризм, нелимитированное насилие, партизанская война, наркопреступность становятся все более изощренными и являются серьезной угрозой безопасности США в глобальном масштабе. Действия врага, полагают Д. Н. Мэттис и Ф. Г. Хоффман, направлены на аккумуляцию эффекта нескольких тактических действий, при этом они усиливают результат через СМИ, ведя информационную войну.

Таким образом, методы информационного воздействия являются неотъемлемым элементом гибридной войны. Более того: там, где возможно обмениваться информацией, можно вести информационные боевые действия [2, 3].

Представления об информационной войне в общем виде сформировались в конце XX в. и в теорию гибридных войн интегрировались в сложившемся виде. Сам термин предложил использовать еще в 1976 г. Томас Рон [4]. Информационная война определяется им как воздействие на гражданское население, власти и вооруженные силы с помощью распространения специально подготовленной информации. К ней относятся действия, направленные на достижение превосходства путем нанесения ущерба информации и информационным системам противника. Благодаря новым коммуникационным технологиям в XX и XXI вв. данный тип войны вышел на передний план [5].

Следует учитывать, что в организации внутренней связи различные страны в той или иной степени зависимы от других государств.

Например, около 45% внутреннего канадского трафика проходит через США, и лишь затем возвращаются в Канаду. С Российской Федерацией ситуация схожая: «25% потока информации покидает территорию России, проходит через Швецию, чтобы снова закончить маршрут в России» (<https://internetintel.oracle.com/blog-single.html?id=Analysis+by+Oracle+Internet+Intelligence+Highlights+China%E2%80%99s+Unique+Approach+to+Connecting+to+...>). Единственным, имеющим возможность частично функционировать в неглобальной сети (без подключения к западным сервисам), является китайский интернет. В соответствии с отчетами Oracle, в Китае очень мало точек подключения к глобальному интернету, также на территории этой страны не функционируют иностранные операторы связи. Таким образом, внутренний трафик никогда не покидает пределы КНР. Но даже это полностью не способно защитить китайский интернет от внешних угроз.

В таком контексте необходимо решать вопрос о тех ресурсах, которые могут привлечь большинство государств для ведения информационной войны. Речь не идет о таких технологических гигантах, как США, или о государствах, количественно подавляющих многие внешние проблемы, например, о Китае. Мы говорим о государствах, не контролирующих разработку технологий и производство технических средств, т.е. занимающих оборонительную позицию. И их единственный ресурс — генерирование информации в таком количестве, чтобы этого оказалось достаточно для стабилизации внутренней ситуации и оперативной закрытости коммуникационной системы от внешнего информационного давления.

Задача должна решаться как технически, так и средствами, предлагаемыми семиотическим подходом к организации и развитию массовых коммуникаций. В общем виде задача определяется как необходимость поддержания многообразия информационных потоков — то есть создание системы, которая характеризуется множественностью средств производства информации, различной ее направленностью, а также наличием совокупности информационных пространств и пространств общественных дискуссий [7].

Наиболее комфортной базовой концепцией, позволяющей описать оптимальную модель «защитного» многообразия информационных

потоков, представляется теория социальных систем Н. Лумана. Основными принципами ресурсной стабильности коммуникационных процессов в таком случае являются следующие:

1. *Стремление к информационному разнообразию.* Полная информационная изоляция населения была трудно осуществима даже в период холодной войны. На современном этапе создание изолированного информационного пространства — еще более сложная задача. Человек, получив доступ к иностранным СМИ и увидев иную медиареальность, только в силу впечатления от количественного разнообразия будет склонен воспринимать эту иную реальность как систему коммуникативных способов представлений, становящихся основанием для его действий [8]. В связи с этим, в любом полагающем себя независимым информационном пространстве необходимо стремиться к созданию системы оснований действия через поддержание количественной вариативности, разнообразия. Это особенно важно, если учесть, что количественное уменьшение в общественной коммуникации числа структурированных суждений (мнений) разрушает ее способность адаптировать управленческую систему к новым вызовам. Данная позиция логически подводит к следующему пункту.

2. *Изложение мнения в нескольких версиях (стремление к вариативному идеологическому спектру интерпретаций).* Под этим понимается создание диапазона мнений и интерпретаций, в котором официальная позиция по определенному вопросу может варьироваться. Одна жестко сформулированная позиция значительно более уязвима для критики, чем несколько различных. Для субъекта принятия решения желательно не поддерживать полностью ни одно из них, что оставляет пространство для маневров в случае изменения политической ситуации. Даже полная смена политического курса в подобном случае пройдет относительно спокойно.

3. *Институциональная разведенность каналов трансляции мнений.* Необходимо создавать специализированные информационные каналы для представителей различных социальных групп и интересов. Подобные каналы дают системный контроль за специфической информацией, получаемой социальными группами. Используя язык, актуальный для определенных сообществ, государство способно проецировать свои идеи с меньшими транзакционными издержками.

4. *Дублирование возможной позиции внешнего давления внутренними структурами.* Здесь можно воспользоваться понятием о «структурном дрейфе», разработанном по отношению к биологическим системам У. Матурано и Ф. Варела [6]. В случае межкультурных коммуникаций структурный дрейф описывает ситуацию, когда одна культура пытается заимствовать у другой что-то одно, например, технологию производства, но вместо этого мигрирует связанная группа культурных концептов, начинающая системное развитие уже неподконтрольное заимствовавшей ее культуре.

Проиллюстрируем данный процесс на условном примере времен холодной войны. Предположим, что граждане некоей страны с авторитарным политическим режимом, знакомясь с самопрезентацией американской политической системы, могли предположить, что доступность благ для жителей США связана не с долгим развитием экономики страны, а с их двухпартийной системой. Таким образом, у этих граждан возникли ассоциативные связи между благами, предоставляемыми государством и идеологическим окрасом его политики. Предположим, что отсутствие многопартийности стало поводом для длительного системного пропагандистского воздействия со стороны условных США. Естественно, что государству, желающему заполучить технологии без привязки к социальным изменениям, в этом случае выгоднее иметь на своей территории некоторое количество партий с различной политической направленностью, показывая тем самым своим гражданам отсутствие связи между социальными благами и той или иной политической доктриной. Но если сама возможность многопартийности не представлена в авторитарной культуре хотя бы в виде актуализируемого исторического экскурса, то у такого государства нет ресурсов информационного противостояния внешнему воздействию, и его общество будет «инфицировано» факторами, задающими неконтролируемое субъектами власти развитие.

Все вышеобозначенное приводит нас к признанию того, что в современных условиях конфликты не могут быть окончательно выиграны ни одной из сторон, поэтому ведутся непрерывно и являются фоном для всех политических событий. Для оборонительной позиции на первое место выходит разумный менеджмент информационных ресурсов государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars. URL: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>.
2. Штофер Л. Л. Информационная война как радикальная форма политической борьбы. *Гуманитарий Юга России*. 2018;7(4):158–174.
3. Юрков Д. В. Проблемы информационно-психологической безопасности общества в контексте обеспечения национальных интересов России в информационной сфере. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2016;(1):39–49.
4. Кихтан В. В., Качмазова З. Н. Информационная война: понятие, содержание и основные формы проявления. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2018;2(2):228–235.
5. Гладкова Л. А. Глобальная информационная война. *Социально-гуманитарные знания*. 2016;(1):36–44.
6. Обзор монографии: Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Пер. с англ. *Социологический журнал*. 2003;(2):168–179.
7. Мирзаев А. А. Информационное многообразие и проблемы патриотического воспитания будущих специалистов в условиях вуза. *Человек и образование*. 2018;3(56):118–122.
8. Луман Н. Реальность массмедиа. Пер. с нем. М.: Праксис; 2005. 256 с.

REFERENCES

1. Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars. URL: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf> (accessed on 17. 02. 2020).
2. Stover L. L. Information warfare as a radical form of political struggle. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2018;7(4):158–174. (In Russ.).
3. Yurkov D. V. Problems of information and psychological security of society in the context of ensuring national interests of Russia in the information sphere. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie*. 2016;(1):39–49. (In Russ.).
4. Kihtan V. V., Kachmazova Z. N. Information war: concept, content and main forms of manifestation. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*. 2018;2(2):228–235. (In Russ.).
5. Gladkova L. A. Global information war. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2016;(1):36–44. (In Russ.).
6. Review of the monograph: Maturana W., Varela F. Tree of knowledge. Translated from English. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2003;(2):168–179. (In Russ.).
7. Mirzaev A. A. Information diversity and problems of Patriotic education of future specialists in the conditions of higher education. *Chelovek i obrazovanie*. 2018;3(56):118–122. (In Russ.).
8. Luman N. The reality of mass media. Moscow: Praxis; 2005. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Эльдарович Ковригин — студент 4-го курса бакалавриата факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
dmitrykovr@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry E. Kovrigin — 4th-year undergraduate student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
dmitrykovr@gmail.com

Статья поступила 25.03.2020; принята к публикации 20.04.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.03.2020; accepted for publication on 20.04.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-132-135

УДК 31(045)

Цифровые инструменты социально-экономического развития региона

А.Ж. Сейдалин

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-6577-3010>

АННОТАЦИЯ

В развитом государстве научный прогресс не должен отставать от прогресса технологического, поскольку, только используя наиболее современные технологии, можно обеспечить реализацию максимально эффективного менеджмента во всех сферах деятельности общества, сокращая бюрократические процедуры, ускоряя процессы предоставления услуг населению и в целом снижая влияние человеческого фактора на те аспекты, которые представляются возможным и необходимым переложить на цифровые системы.

Ключевые слова: цифровые инструменты; борьба с бюрократией; повышение эффективности работы государственных органов; Big Data; региональное управление

Для цитирования: Сейдалин А. Ж. Цифровые инструменты социально-экономического развития региона. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):132-135. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-132-135

ORIGINAL PAPER

Digital tools of Socio-economic Development of the Region

A. Zh. Seidalin

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6577-3010>

ABSTRACT

In a developed country, the development of science should not lag behind technological progress. The only implementation of the most modern technologies can ensure the implementation of the most effective management in all areas of society, reducing bureaucratisation processes, accelerating the process of providing services to the population, and generally reducing the human factor on those aspects that are possible and necessary to shift to digital systems.

Keywords: digital tools; the fight against bureaucracy; improving the efficiency of government agencies; Big Data; regional management

For citation: Seidalin A. Zh. Digital tools of socio-economic development of the region. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):132-135. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-132-135

В наше время телекоммуникационные и информационные технологии становятся неотъемлемой частью жизни каждого человека и социально-экономической системы. Стремительное развитие компьютерной техники и ИТ послужило толчком к формированию общества, стремящегося к совершенствованию и взаимодействию бизнеса, власти, гражданского общества и науки. Производство электроники, разработка и продажа программного обеспечения и информационных систем, массовое распространение персональных компьютеров, а также развитие экономических отношений в конкурентной среде — все это послужило формированию новой концепции современности — цифровой экономики [1]. Однако государственное управление не имеет права отставать от бизнеса в сфере применения современных технологий, что хорошо заметно по развитым западным странам, например Великобритании.

Социально-экономическое развитие современного государства в целом и субъектов Федерации в частности невозможно без применения цифровых инструментов в государственном и региональном управлении. Данная технология даст возможность не только существенно сократить расходы, что позволит перенаправить денежные средства на более приоритетные задачи, но и:

а) сократить время на выполнение целого ряда функций, таких как аналитика, сбор статистических данных, обработка обширных массивов данных в сжатые сроки и др.;

б) полностью или практически полностью исключить человеческий фактор, что позволит значительно сократить количество ошибок, свойственных человеку при обработке обширного объема данных, либо же в случае выполнения монотонной, однообразной работы на протяжении большого временного периода, что свойственно многим работникам министерств, агентств и ведомств.

Ряд вышеназванных факторов, безусловно, косвенно ведет к более эффективному оказанию государственных услуг населению, выполнению органами власти своих функций в более короткие сроки и с большей эффективностью, а также к повышению ротации на руководящих, а не на низших должностях, поскольку для эффективного использования цифровых инструментов требуется несложное повыше-

ние квалификации, в то время как для эффективного управления в условиях применения цифровых инструментов нужно постоянное совершенствование навыков и умение отслеживать современные тренды развития цифровых технологий [2].

Социально-экономическое развитие современного государства в целом и субъектов Федерации в частности невозможно без применения цифровых инструментов в государственном и региональном управлении.

Законодательная и научная ниши Российской Федерации в сфере цифровых инструментов в государственном управлении пока не заполнены, в чем выражается явное отставание, в то время как цифровые инструменты в экономике, согласно научным статьям, монографиям и прочим работам, весьма четко описаны. Под инструментом в данном случае понимается средство, используемое для воздействия, создания или преобразования предмета (объекта), а также для решения специализированных задач. Такие инструменты цифровой экономики, как большие данные, искусственный интеллект, машинное обучение, киберфизические системы, системы мониторинга, блокчейн, нейронные сети, робототехника, 3D-моделирование, виртуальная реальность, облачные вычисления и многие другие способствуют цифровизации и интеграции всех потоков данных для создания информационного общества [3].

Соответственно, возникает необходимость внедрения научного понятия «цифровой инструмент в государственном управлении», обусловленная, как минимум, тремя следующими приоритетными факторами:

1) без внедрения научно-обоснованного понятия невозможно рассмотрение тех технологий, совокупность которых подразумевается под этим термином;

2) следовательно, без научного обоснования понятия невозможно его закрепление в нормативно-правовых актах;

Определение цифровых инструментов / Identification of digital tools

Инструмент	Сущность	Источник
Big data	Структурированные и неструктурированные данные огромных объемов и значительного многообразия, эффективно обрабатываемые горизонтально масштабируемыми программными инструментами	Романенко Е.В. [3]
Портал госуслуг (ЕПГУ)	Федеральная государственная информационная система, обеспечивающая гражданам, предпринимателям и юридическим лицам доступ к сведениям о государственных и муниципальных учреждениях и оказываемых ими электронных услугах	Официальный портал государственных услуг. URL: https://www.gosuslugi.ru/
Корпоративные системы (1С, SAP, бухсофт)	Программы, позволяющие автоматизировать учет и облегчить управление компанией	Официальный сайт 1С. URL: http://1c.ru/

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

3) в свою очередь, без закрепления в НПА единого понятия цифровых инструментов в госуправлении и государственной кадровой политике невозможно их развитие, поскольку каждый орган/субъект сможет трактовать понятие по-своему, вследствие чего будут развиваться не те направления, которые изначально подразумевались государством, а те, развитие которых будет наиболее заметным в работе органа и простым для предоставления отчетов о выполнении целей и достижении задач государственной политики [4].

Автор статьи предлагает для лаконичности, достоверности и доходчивости использовать следующее определение цифровых инструментов в государственном управлении: Под цифровыми инструментами государственного управления в целом необходимо понимать современные цифровые технологии, позволяющие снизить уровень бюрократизации, затраты времени, понизить сложность восприятия и реализации процессов, а также автоматизировать чисто механический труд». В качестве примеров можно привести: Big data, портал госуслуг, программы по типу 1С, и т.д. (см. таблицу).

Далее, приняв и утвердив понятие цифровых инструментов сперва как научное, а после

и как нормативно-правовое, необходимо будет развиваться в этом направлении, привлекая специалистов, которые будут способны разработать и внедрить программы/онлайн-ресурсы для достижения вышеуказанных целей.

Ожидаемыми результатами внедрения цифровых инструментов государственного управления в качестве работающих программ/онлайн-ресурсов на региональном уровне станут:

- сокращение бюрократизации;
- снижение коррупции;
- снижение влияния человеческого фактора;
- оптимизация процессов государственного управления и отбора кандидатов на госслужбу;
- уменьшение штата госслужащих.

Это приведет к экономии бюджетных средств, а следовательно, и к улучшению экономического развития региона, поскольку свободные средства будут направлены на более приоритетные задачи по типу развития региональной экономики, научной сферы [5].

В заключение хотелось бы подчеркнуть необходимость продолжения научных изысканий в выбранной автором тематике, поскольку раскрыть полную глубину исследуемого вопроса в рамках одной научной статьи не представляется возможным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смотрицкая И. И. Государственное управление в условиях развития цифровой экономики: стратегические вызовы и риски. *Этап: Экономическая теория, анализ, практика*. 2018;(4):60–72.
2. Руденко Г. Цифровые технологии: новые возможности для бизнеса. *Эффективное антикризисное управление*. 2014;1(82):642–47.
3. Романенко Е. В. Место Big Data в современной социально-экономической жизни общества. *Инновационная наука*. 2016;(4–3):143–145.
4. Нестеренко Е. А., Козлова А. С. Направления развития цифровой экономики и цифровых технологий в России. *Экономическая безопасность и качество*. 2018;2(31):9–14.
5. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Ефремов А. А., Клочкова Е. Н., Талапина Э. В., Старцев Я. Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2019. 114 с.

REFERENCES

1. Smotrinskaya I. I. Public administration in the conditions of digital economy development: strategic challenges and risks. *Etap: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. 2018;(4):60–72. (In Russ.).
2. Rudenko G. Digital technologies: new business opportunities. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie*. 2014;1(82):642–47. (In Russ.).
3. Romanenko E. V. The Place of Big Data in the modern socio-economic life of society. *Innovatsionnaya nauka*. 2016;(4–3):143–145. (In Russ.).
4. Nesterenko E. A., Kozlova A. S. Trends in the development of the digital economy and digital technologies in Russia. *Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo*. 2018;2(31):9–14. (In Russ.).
5. Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N., Efremov A. A., Klochkova E. N., Talapina E. V., Startsev Ya. Yu. Digital future of public administration by results. Moscow: Delo Publishing House of Ranepa; 2019. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асхат Жанабаевич Сейдалин — студент-магистрант 1-го курса факультета «Государственное управление и финансовый контроль», Финансовый университет, Москва, Россия
askhat-seidalin@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Askhat Zh. Seidalin — 1st-year master's student, Faculty of Public Administration and Financial Control, Financial University, Moscow, Russia
askhat-seidalin@rambler.ru

Статья поступила 20.04.2020; принята к публикации 10.05.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.04.2020; accepted for publication on 10.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-136-141
УДК 323(045)

Трансформация политической элиты Республики Дагестан в 2017–2020 годах

К.М. Курбанова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3360-0200>

АННОТАЦИЯ

Определяющим фактором развития любого региона Российской Федерации является влияние его элиты на внутреннюю политику и экономику, а также на процесс взаимодействия с федеральным Центром. Особенно это характерно для национальных республик. Политическая элита региона представляет собой социальную группу, оказывающую влияние на процесс управления территорией и принятие властных решений в регионе. В статье рассмотрена трансформация политической элиты Республики Дагестан в 2017–2020 гг. Анализ региональной элиты Республики Дагестан проводился на базе ресурсно-акторного подхода. В результате проведенного анализа были выявлены новые властные акторы, которые играют значимую, а в некоторых случаях — определяющую роль в политическом и социально-экономическом развитии республики.

Ключевые слова: политическая элита; национальные кланы; группы влияния; кадровые перестановки; политическое влияние; ресурсный потенциал

Для цитирования: Курбанова К.М. Трансформация политической элиты Республики Дагестан в 2017–2020 годах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):136-141. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-136-141

ORIGINAL PAPER

Transformation of the Political Elite of the Republic of Dagestan in 2017–2020

K.M. Kurbanova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3360-0200>

ABSTRACT

The role of the political elite of the region in interaction with the Federal centre, especially for the national republics that are part of our country, is a determining factor in the development of any region of the Russian Federation. The political elite of the region is a social group that influences the process of territorial administration and decision-making in the region. The article considers the transformation of the political elite of the Republic of Dagestan in 2017–2020. The analysis of the regional elite of the Republic of Dagestan was carried out based on a resource-actor approach. As a result of the study conducted by the author, new political actors who play a decisive role in the socio-political development of the republic were identified.

Keywords: political elite; national clans; influence groups; personnel changes; political influence; resource potential

For citation: Kurbanova K.M. Transformation of the political elite of the Republic of Dagestan in 2017–2020. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):136-141. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-136-141

Республика Дагестан — субъект Российской Федерации, который имеет ряд существенных особенностей:

- Регион является одной из самых многонациональных республик России.
- Формирование политической элиты с начала 1990-х гг. происходило на основе вхождения в нее старой партийной элиты, после чего последовало полное формирование клановой системы региональной власти [1].
- Практически все годы постсоветского времени рекрутирование политической элиты оставалось неизменным, а именно статусные назначения происходили с учетом основного фактора — принадлежности кандидата к одному из влиятельных кланов в республике [2].
- В 2017 г. произошла смена руководства республики¹ из Центра — впервые за все годы существования Российской Федерации главой Дагестана стал «варяг», не представляющий ни одну из титульных национальностей.

Исходя из всех вышеперечисленных характеристик, интересно выяснить, каково сейчас взаимодействие политических элит в регионе? Какие существуют группы влияния в Республике Дагестан, и как происходила поэтапная трансформация элиты в регионе с 2017 г.?

Дагестан является регионом с ярко выраженной клановой структурой, потому что в республике отсутствует какая-либо доминирующая по численности народность, а выделение основных игроков в политике и отнесение их к тому или иному клану осуществляется именно по национальному фактору [3].

Прежде всего, нужно отметить постепенное разложение клановой структуры, — последним влиятельным кланом на республиканском уровне был мекегинский². Клановая система формирования основных групп влияния в Республике Дагестан мешает оптимизации системы власти в республике. Клановые группы представляют собой группы с неформальными родственными и дружескими связями. Отношения внутри носят преимущественно иерархический и патрон-

клиентелистский характер³. В рамках Дагестана это зачастую связано еще с национальностью представителей и общим территориальным происхождением [4].

Основными критериями отнесения политического деятеля к элите Республики Дагестан являются:

- Уровень материального благосостояния политика.
- Родственные и дружеские отношения с правящим кланом, — доверие руководства и включение в команду обусловлены именно этим критерием.

Статусные позиции в политике и бизнесе региона напрямую связаны со вторым критерием: основные должности и возможность контролировать ресурсы передаются только близким родственникам, друзьям и землякам [5]. Важно отметить, что должность, которую занимает человек, не является гарантией вхождения в круг политической элиты региона, которая принимает основные решения в республике [6].

К счастью, сегодня человек может получить высокую должность не из-за принадлежности к клану, а с успехом проявив себя в работе или добившись уважения от республиканского руководства в решении каких-либо вопросов [7].

Для Дагестана характерно также то, что местные политики на федеральном уровне обычно лояльно относятся к решениям Центра, но внутри республики идет очень жесткая борьба за влияние между лидерами национальных кланов [8]. Таким образом, имеет место внутренняя сплоченность групп дагестанской политической элиты, которые преследуют корпоративные интересы, совокупность же интересов этих кланов представляет собой очень сложный баланс [1].

Анализ формирования и состояния политической элиты РД показывает, что в республике есть две основные нации и, соответственно, два основных клана на их базе: аварцы (аварский клан) и даргинцы (мекегинский клан). Но также претендентами на свою долю во власти являются лидеры лакской, кумыкской, лезгинской и азербайджанской общин. После назначения на пост главы Республики Владимира Абдуалиевича Васильева произошла кадровая чистка

¹ Как управляется Дагестан. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3430228>.

² Путеводитель по дагестанским кланам. URL: <https://chernovik.net/content/inye-smi/putevoditel-po-dagestanskim-klanam>.

³ «Самые влиятельные люди России — 2003». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19656224>.

в регионе, т.е. были сняты с должностей многие руководители различных районов, ведомств, департаментов, — в особенности те, кто занимал статусные должности в правительственных и административных структурах. Однако нельзя утверждать, что влияние представителей национальных групп в регионе полностью отошло на второй план, — некоторые из них до сих пор находятся у власти и даже входят в команду нового главы Дагестана [9].

Кадровые перестановки и громкие аресты, которые произошли после назначения В.А. Васильева, привели к позитивным изменениям в Республике Дагестан, в частности, был нанесен мощный удар по коррупции.

На сегодняшний день в Дагестане утратили былое влияние практически все кланы, которые формировались на протяжении долгого времени. В табл. 1 и 2 представлена информация о новом правительстве, сформированном В.А. Васильевым после прихода к власти в 2017 г. Был проведен сравнительный анализ, который показал, насколько изменилось положение дагестанской региональной элиты. Так, например, в табл. 2, видно, кто остался у власти и сохранил свое влияние, несмотря на все коррупционные скандалы и аресты.

Среди аварцев свое влияние сохранил лишь Сайгидпаша Умаханов, министр промышленности и энергетики Республики Дагестан⁴, и лишь его сыновья, возможно, являются претендентами на высокие должности в Правительстве РД. Один из них — Умаханов Якуб Сайгидпашаевич — самый молодой депутат Народного Собрания Дагестана, руководитель отделения МФЦ города Хасавюрт, признанного лучшим в республике.

У даргинцев традиционно было влияние в рамках двух основных кланов. Левашинский клан имел вес во времена альянса Магомедовых с экс-мэром Махачкалы Саидом Амировым. Однако после ухода Магомедали Магомедова в 2006 г. с поста главы Республики позиции клана серьезно ослабли. А в 2013 г. клановый союз рухнул, поскольку ушел в отставку Магомедсалам Магомедов, и был арестован Саид Амиров. Считается, что в настоящее время клан представляет собой только ближайшее окружение Магомедали Магомедова.

Таблица 1 / Table 1

Группа В.А. Васильева / V.A. Vasiliev Group

Фамилия	Должность
Здунов А.А.	Председатель Правительства Республики Дагестан
Иванов В.В.	Руководитель Администрации Главы и Правительства Республики Дагестан
Деревянко В.В.	Первый заместитель Руководителя Администрации Главы и Правительства Республики Дагестан
Карибов А.Ш.	Первый заместитель Председателя Правительства Республики Дагестан (с 2013 г.)
Гусейнов Г.Г.	Первый заместитель Председателя Правительства Республики Дагестан
Шихсаидов Х.З.	Председатель НС РД
Ахмедов С.С.	Первый заместитель НС РД
Иванов В.В.	руководитель Администрации Главы и Правительства Республики Дагестан
Умаханов С.	Министр промышленности и энергетики Дагестана с 2018 г.

⁴ Умаханов Сайгидпаша Дарбишевич URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/239383/>.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author

Таблица 2 / Table 2

Представители национальной элиты, которые остались в топе дагестанской элиты после прихода к власти В.А. Васильева / Representatives of the national elite who remained in the top of the Dagestani elite after V.A. Vasiliev came to power

Фамилия, национальность	Должность
Амучи Амутинов (лакец)	Лидер лакской группы в республике. Депутат Народного Собрания Республики Дагестан, член Комитета по межнациональным отношениям, делам общественных и религиозных объединений, также является Председателем Лакского национального Совета
Сайгидпаша Умаханов (аварец)	Министр промышленности и энергетики Дагестана с 2018 г. Выступал против клановой системы в Дагестане и призывал назначить русского в качестве главы республики
Шихсаидов Х.З. (кумык)	Председатель Народного Собрания РД. Является формальным и неформальным лидером среди кумыков. Занимает должность Председателя Народного Собрания Республики Дагестан. Сам спикер никогда не позиционировал себя как лидер кумыкского народа, не участвовал в мероприятиях кумыкского национального движения и национально-культурных автономий. Ударом по позициям Шихсаидова стал арест его сына по обвинению в коррупции
Зайдин Джамбулатов (кумык)	Племянник Хизри Шихсаидова (сын сестры). Является ректором Дагестанского государственного аграрного университета. Ранее вуз возглавлял его отец Магомед Джамбулатов
Сулейман Керимов (лезгин)	Этнический лезгин, известный российский олигарх. Особым авторитетом пользуется в Южном Дагестане, в районах, населенных лезгинами и говорящими на языках лезгийской группы
Магомед Садулаев (лезгин)	Представитель землячества из Чародинского района. Депутат 5-го созыва, Член Комитета по аграрной политике от партии «Единая Россия»

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author

Еще один даргинский клан — мекегинский, который сейчас практически полностью вытеснен из местной политики и бизнеса. В клан традиционно входили уроженцы даргинского села Мекеги. Клан усилился после разгрома «левашинцев» в 2013 г., в частности, на его представителей опирался в свое время Рамазан Абдулатипов. Однако в 2018 г. клан был фактически ликвидирован в результате следственных действий Генпрокуратуры.

Лакцы всегда имели влияние только на 5 районов в республике, где в большинстве и проживали представители этого народа. Сейчас они занимают несколько министерских позиций, а также имеют представительство в Государственной Думе Российской Федерации. В будущую элиту может войти сын экс-министра государственного имущества Республики

Дагестан Марата Сиражудиновича Ильясова — Саид Ильясов. Эта семья всегда имела большее влияние в республике, так отец М. С. Ильясова был главным банкиром республики и в 1992–2013 гг. возглавлял Национальный банк Дагестана. Сам Саид Ильясов также является зятем начальника Управления по вопросам государственной службы, кадров и государственным наградам Администрации Главы и Правительства РД. Таким образом, Саид Ильясов имеет возможность войти в будущую политическую элиту Республики Дагестан.

Основной семьей, которая всегда претендует на лидерские позиции в кумыкском этносе, является клан Шихсаидовых. Однако, в связи с последними событиями, позиции Шихсаидовых сильно ослабли, хотя Хизри Шихсаидов сохранил свои полномочия и должность

Председателя Народного собрания Республики Дагестан.

Лидером лезгинского этноса является российский предприниматель, политик, член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от Республики Дагестан Сулейман Абусаидович Керимов. Примечательно, что его сын Саид уже в 2014 г. стал владельцем сети кинотеатров «Синема Парк», а также владельцем компании Wandle Holdings, через которую он с 2015 г. контролирует крупнейшую золотодобывающую компанию России ПАО «Полюс». Саид Сулейманович контролирует компанию «Грандеко», которой принадлежат Международный аэропорт Махачкала, «Национальная КиноСеть» (НКС), элитный коттеджный поселок в Подмосковье Заречье-Эстейт и компания «Эйр синема». Таким образом, он может со временем войти в политическую элиту Республики Дагестан, продолжая дело своего отца.

Азербайджанский клан полностью теряет свое влияние, поскольку устранены его ключевые игроки. Курбан Курбанов, прежний лидер клана, имевший ведущие позиции в регионе, был подвергнут уголовному преследованию⁵.

Ранее Курбан Курбанов был главой Дербентского района и провел очень жесткую вертикаль власти. В целях усиления своего клана он объединил его с другими влиятельными кланами Дербента, которые успели создать для себя достаточно удобные позиции в постперестроечный период. Курбанов сложил полномочия в 2014 г. в связи с уголовным делом из-за превышения должностных полномочий и конфликта с бывшим Главой Республики Рамазаном Абдулатиповым.

Что же касается общего настроения населения Дагестана, то в целом и реформы, и кадровые чистки, начавшиеся при В.А. Васильеве, были восприняты позитивно. Ведь коррупционная система, долгие годы процветавшая в республике, тормозила его политическое и социально-экономическое развитие [10]. В настоящее время команда Васильева, которая строится на наднациональных и профессиональных принципах — признанный лидер региональной элиты. Именно она ныне имеет основные рычаги влияния на политико-экономическое положение региона. Представители кланов, которые в недавнем времени имели высокий статус и влияние, оставшиеся в республике у власти, заняли лоялистские позиции ради сохранения положения при новом руководстве.

⁵ В Дагестане задержан глава Дербентского района Курбан Курбанов. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/250053/>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алигаджиева М. А. Клановое и этническое размывание политической элиты Дагестана. *Власть*. 2019;(1):24–28.
2. Алигаджиева М. А. Национально-политические элиты Дагестана: специфика их формирования и функционирования. *Власть*. 2014;(9):198–200.
3. Баранов А. В. Региональные политические режимы России в системе властных отношений: проблемы типологии. *Человек. Сообщество. Управление*. 2012;(4):62–73.
4. Кузьмин А. С. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации. *Полис*. 2002;(3):142–155.
5. Медушевский А. Н. Тенденции развития региональных политических режимов. Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте: сб. докладов. межрегион. семинара (Великий Новгород, март 2000 г.) М.: Изд-во Центра конституционных исследований МОНФ; 2000.
6. Туровский Р. Ф. Структурирование власти в российских регионах: между консолидацией и конкуренцией элит. Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. статей. М.: РОССПЭН; 2011.
7. Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа. *Полис*. 2009;(2):77–95.
8. Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в современной России: сравнительный анализ. *Вестник РГНФ*. 2013;(1):73–82.
9. Гельман В., Рыженков С., Бри М., ред. Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Весь мир; 2000.
10. Гайворонский Ю. О. Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения. *Полития*. 2015;2(77):21–37.

REFERENCES

1. Aligadzhieva M. A. Clan and ethnic erosion of the political elite of Dagestan. *Vlast*. 2019;(1):24–28. (In Russ.).
2. Aligadzhieva M. A. National and political elites of Dagestan: specifics of their formation and functioning. *Vlast*. 2014;(9):198–200. (In Russ.).
3. Baranov A. V. Regional political regimes of Russia in the system of power relations: problems of typology. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2012;(4):62–73. (In Russ.).
4. Kuzmin A. S. Regional political regimes in post-Soviet Russia: the experience of typologisation. *Polis*. 2002;3:142–155. (In Russ.).
5. Medushevsky A. N. Trends in the development of regional political regimes. In: Russian constitutionalism: the political regime in the regional context: a collection of reports. Moscow: Publishing House of the centre for constitutional studies; 2000. (In Russ.).
6. Turovsky R. F. Structuring power in Russian regions: between consolidation and competition of elites. Elites and society in a comparative dimension: a collection of articles. Moscow: ROSSPEN; 2011. (In Russ.).
7. Turovsky R. F. Regional political regimes in Russia: towards a methodology of analysis. Moscow; 2009. (In Russ.).
8. Turovsky R. F. Regional political regimes in modern Russia: a comparative analysis. *Bulletin of RHF*. 2013;1:73–82. (In Russ.).
9. Gelman V., Ryzhenkov S., BRI M., ed. Russia of regions: the transformation of political regimes; 2000. (In Russ.).
10. Gaivoronsky Y. O. Regional political regimes in Russia: conceptual innovations and measurement opportunities. *Politiya*. 2015;2(77):21–37. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карина Мурадовна Курбанова — студентка 4-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
karina.kurbanova.20.00@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Karina M. Kurbanova — 4th-year student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
karina.kurbanova.20.00@mail.ru

Статья поступила 20.04.2020; принята к публикации 10.05.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.04.2020; accepted for publication on 10.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Адаптация национальной экономики к мировому экономическому кризису: банковский сектор РФ vs коронавирус

А.Д. Осинин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-0692-2607>

АННОТАЦИЯ

Распространившаяся по всему миру пандемия коронавируса повлекла за собой ухудшение экономической ситуации, а также обострение существующих социально-экономических проблем. В то же время неспособность наднациональных структур ответить на текущую ситуацию поставила под сомнение перспективы глобализованного мира. По сути, современные реалии таковы, что искать выход из экономического кризиса каждому государству придется самостоятельно, — это касается как крупных игроков, так и членов наднациональных объединений, например, ЕС. Поэтому перед государствами стоит задача формирования национального плана по адаптации к текущей ситуации, минимизации издержек и потерь, а также принятию конкретных мер для выхода на докоронавирусные показатели. Учитывая масштабы РФ и дифференцированный уровень развития российских регионов, эффективной представляется проработка региональных рычагов стимулирования экономической деятельности. В качестве такого рычага автор предлагает развитие регионального банковского сектора, целью которого является стимулирование региональной финансово-экономической активности, в том числе создание условий для ведения бизнеса.

Ключевые слова: региональные банки; развитие регионов; национальные проекты; ЦБ РФ; Базель III; экономический кризис; банковская система России

Для цитирования: Осинин А.Д. Адаптация национальной экономики к мировому экономическому кризису: банковский сектор РФ vs коронавирус. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):142-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-142-146

Adaptation of the National Economy to the Global Economic Crisis: The Banking Sector of the Russian Federation vs Coronavirus

A.D. Osinin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0692-2607>

ABSTRACT

The worldwide spread of the coronavirus caused a worsening of the economic situation, as well as an aggravation of existing socio-economic problems. At the same time, the inability of supranational structures to respond to the current situation cast doubt on the prospects of a globalized world. So, modern realities lead to the fact that each state will have to seek a way out of the economic crisis on its own, this applies to both large players and members of supranational associations as European Union. Therefore, the main task of states is to formulate a national plan to adapt to the current situation, minimize costs and losses, and also take specific measures to reach pre-coronavirus indicators. Given the scale of the Russian Federation and the differentiated level of development of the Russian regions, it seems effective to work out regional levers to stimulate economic activity. In this case, the author proposes the development of the regional banking sector, the purpose of which is to stimulate regional financial and economic activity, including creating conditions for business.

Keywords: regional banks; regional development; national projects; Central Bank of the Russian Federation; Basel III; economic crisis; Russian banking system

For citation: Osinin A.D. Adaptation of the national economy to the global economic crisis: The banking sector of the Russian Federation vs coronavirus. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):142-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-142-146

Ситуация с пандемией коронавируса, охватившая мир в 2020 г., стала шоком как для наднациональных структур (показав их аморфность и неспособность решать вопросы такого масштаба), так и для национальных правительств. В итоге уже первые месяцы жизни государств в новых реалиях показали, что глобализированный мир не способен реагировать на подобные вызовы среды. Так что адаптироваться к новым условиям и искать выходы из кризисной ситуации каждая страна будет самостоятельно. В то же время нужно признать, что сильнее всего сложившаяся ситуация сказывается именно на финансово-экономическом секторе, — это видно как на примере зарубежных акторов, так и на примере РФ.

Обращаясь к российской ситуации, можно отметить, что нивелирование результатов экономического шока в большей степени возложено на банковский сектор РФ. Для стимулирования кредитования реального сектора и системно-значимых организаций банком ВЭБ. РФ были выданы государственные гарантии, но он априори один решить проблему в масштабах всей страны не сможет. А в условиях, когда спрогнозировать переход к докоронавирусным экономическим показателям невозможно, необходимо рассматривать как можно больше вариантов развития экономической ситуации и сценариев восстановления экономики. Более того, текущий экономический кризис только увеличивает социально-экономическую дифференциацию российских регионов. Соответственно, актуальной становится проблема формирования региональных программ поддержки и стимулирования экономики через региональный банковский сектор. Но созданы ли необходимые институциональные условия для стимулирования региональной банковской активности? Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к анализу банковского сектора России за последние несколько лет.

Так, согласно годовому отчету Центрального банка Российской Федерации (далее ЦБ РФ или Банк России) за 2019 г., на территории Российской Федерации на 01.01.2020 г. действовало 412 кредитных организаций¹. В течение 2019 г. ЦБ аннулировал 42 лицензии кредитных

организаций — на одну меньше, чем в 2018 г. Основной причиной аннулирования лицензий является несоблюдение «минимальных требований» (нормативы достаточности банковского капитала, нормативы ликвидности и др.)², установленных Банком России. Такая тенденция сокращения банковского сектора наблюдается многие годы, что связано с ускоренным внедрением нормативов достаточности капитала Базель-III³, обязательными требованиями самого Центрального банка, которые являются достаточно высокими, а также с нестабильной экономической ситуацией в стране [1]. Сложившиеся условия делают непривлекательной банковскую деятельность как вид бизнеса в нашей стране и не вызывают желание у инвесторов открывать новые кредитные организации. Что подтверждается данными Банка России, согласно которым, в течение 2019 г. была вновь создана только одна кредитная организация. Более того, это единственная вновь созданная организация за последние 4 года.

Также из отчета ЦБ видно, что в 2019 г. кредитные организации оптимизировали свои региональные сети, сокращая количество представительств, структурных подразделений, дополнительных офисов, операционных касс и операционных офисов. Эти вынужденные меры осуществляются исходя из невыгодности их содержания, и несмотря на то, что многие кредитные организации пытаются внедрить новые финансовые технологии и инструменты, на самом деле они уменьшают свое присутствие в регионах, что, конечно же, сказывается на финансовом развитии и стабильности в регионе.

В сложившейся ситуации Банку России необходимо создать привлекательные условия для развития именно региональных банков. В настоящее время в международной практике есть много положительных примеров. Один из них — банковская система Соединенных Штатов Америки, которая основана на *принципе параллелизма*. Данный принцип заключается в одновременном взаимодействии и взаи-

² Инструкция Банка России от 28.06.2017 № 180-И «Об обязательных нормативах банков». URL: www.cbr.ru/publ/Vestnik/ves170804_065-66.pdf.

³ Прим.: Базель III это международные требования к кредитным организациям, которые были разработаны Базельским комитетом по банковскому надзору для укрепления финансовых систем. URL: https://www.banki.ru/wikibank/bazel_iii/.

¹ Годовой отчет. 2019 год. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27873/ar_2019.pdf.

мосвязях федеральной банковской системы и банковской системы штатов. Таким образом, крупные национальные банки входят в банковскую систему ФРС США и соответствуют устанавливаемым ею требованиям. А банковская система штатов состоит из органов управления, созданных в каждом штате отдельно, и кредитных организаций штатов, которые осуществляют свою деятельность в пределах территории штата. К примеру, регулятором банковской системы в штате Калифорния выступает Департамент финансовых учреждений Калифорнии, в штате Техас — Департамент банковской деятельности Техаса и т.д. Банки штатов становятся членами Федеральной резервной системы (ФРС) по собственному желанию. В таком случае деятельность банка регулируется также ФРС. Данное распределение ролей регулятора децентрализует банковскую систему и приводит к дуализму правового регулирования. В каждом штате существуют собственные требования к кредитным организациям, которые основываются на специфике экономической деятельности, на финансовом положении и уровне развития региона. Например, в маленьком и экономически слабом штате Вермонт для получения лицензии кредитора необходимо иметь капитал в размере 25 тыс. долл., а в штате Гавайи нужно — как минимум 5 млн долл. [2]. Таким образом, банковская система США очень адаптивна и способна подстраиваться под экономическую конъюнктуру региона.

Центральному Банку совсем необязательно полностью перестраивать сложившуюся систему, создавать отдельные органы управления в регионах и разрабатывать новое законодательство. Регулятор уже ведет развитие существующей модели в данном направлении. Так, с 2018 г. действует упрощенная система регулирования для региональных банков, согласно которой региональные банки должны работать на территории конкретного региона. Им запрещено открывать филиалы за его пределами, осуществлять трансграничные операции и обслуживать нерезидентов. Более того, межбанковские операции должны проводиться только через центрального контрагента. Кроме того, были введены регулятивные послабления, которые заключаются в сокращении числа обязательных нормативов до пяти, а также в упрощении требований к раскрытию инфор-

мации [3]. Упрощенная система регулирования действует уже более двух лет, но как видно из годового отчета Центрального Банка за 2019 г., должного эффекта эта система не достигла, прежде всего потому, что условия, создаваемые ЦБ РФ, не учитывают экономические особенности регионов.

ЦБ может попробовать перенять опыт своих западных коллег и усовершенствовать действующую банковскую систему. Для этого ему необходимо передать полномочия по регулированию деятельности региональных кредитных организаций в ведомство своих региональных отделений, которые на основе экономической специфики региона будут адаптировать требования Центрального Банка РФ под каждый конкретный субъект. При правильной реализации данной модели и создании инвестиционно-привлекательных требований к кредитным организациям это поспособствует значительному развитию банковского сектора в регионах Российской Федерации, сделает действующую модель банковской системы более гибкой и адаптивной.

Регионы России очень сильно отличаются друг от друга, имеют совершенно разные темпы кредитования, спрос на заемные средства и т.д. Развитие регионального банковского сектора поспособствует увеличению ликвидности организаций в регионе путем пополнения оборотных средств с помощью заемных ресурсов, выхода из теневого сектора экономики (увеличение безналичных расчетов и возможностей для надзора), улучшения условий для малого и среднего бизнеса (создание зарплатных проектов, предоставление услуг эквайринга)⁴ и др. Более того, обновленный подход ЦБ к регионам сделает их привлекательными для создания новых предприятий и поспособствует реализации национальных проектов, которые являются основными направлениями национальной политики на ближайшие пять лет.

На примере конкретного кейса рассмотрим вышеуказанные аспекты. Так, еще в 2013 г. Президент РФ В. Путин инициировал создание территорий опережающего развития (ТОР) на Дальнем Востоке и в Сибири, задачей которых было стимулирование темпов экономическо-

⁴ Под эквайринг понимается комплекс услуг по приему банковских карт к оплате в торговой точке. URL: <https://www.banki.ru/wikibank/ekvayring/>.

го роста и привлечение инвестиций путем серьезных льгот для резидентов, в том числе налоговых преференций и особого порядка пользования землей.

Казалось бы, созданы все условия для привлечения бизнеса. Но как показала практика, идущий в регион бизнес натывается на камень преткновения в лице кредитных организаций. И если крупный бизнес способен привлечь средства московских банков, то малому и среднему бизнесу сделать это непросто. Например, в 2018 г. на территории ТОР в Хабаровском крае было инициировано создание четырех новых производств компаниями ООО «Инвестор Д», ООО «Фридман Фиш», ООО «Агрохаб» и ООО «Экструдированные корма». Однако приступить к их созданию на практике компании не смогли из-за отсутствия финансовых средств, причиной которого является невозможность привлечь заемные средства. Крупные банки типа МСП банка и государственного «Россельхозбанка», работающие на территории ТОР, данным предприятиям отказали⁵. В настоящее время подобных примеров достаточно, особенно на Дальнем Востоке, так как там создано порядка 20 ТОР, где организации собирают большой объем государственно-частных инвестиций⁶. Но данного объема недостаточно для реализации проектов, т. е. необходимо привлечение заемных средств. Поэтому начать реализацию программы трансформации российской банковской системы было бы целесообразно с тех регионов, где действуют ТОРы, т. е. уже созданы условия для бизнеса. Например, на Дальнем Востоке наиболее перспективными регионами являются: Приморский край, Хабаровский край, Амурская область. Данные территории наиболее удалены от финансовых центров России и имеют высокую потребность в существенном улучшении финансового сектора в регионе. А сложившиеся факторы создают большие барьеры не только для создания и реализации проектов, но и для поступающих инвестиций, потому что создают риски затягивания или отмены проекта для

инвесторов. Поэтому особенно важно создать региональные каналы привлечения заемных финансовых средств. Даже на этом примере понятна актуальность активизации регионального банковского сектора. И, как показывает практика, местные банки готовы к сотрудничеству с региональными властями через поддержку социальных программ и программ льготного кредитования.

ЦБ может попробовать перенять опыт своих западных коллег и усовершенствовать действующую банковскую систему. Для этого ему необходимо передать полномочия по регулированию деятельности региональных кредитных организаций в ведомство своих региональных отделений, которые на основе экономической специфики региона будут адаптировать требования Центрального Банка РФ под каждый конкретный субъект.

Исходя из вышесказанного, государству в первую очередь необходимо понять социально-экономическую важность создания и развития региональных кредитных организаций — как это скажется на развитии регионов. В свою очередь, региональные банки для успешного функционирования должны жестко соблюдать принципы сегментации и определять своих целевых клиентов, а также минимизировать расходы. Тем самым региональные банки должны реализовывать стратегию фокусирования на определенной группе клиентов и максимизировать взаимодействие с ней, закладывая издержки в себестоимость своих продуктов. Банкам, осуществляющим свою деятельность в пределах одного региона, гораздо проще проявлять гибкость, индивидуальность и оперативность, а также выявлять особенности экономического развития конкретного региона и существующих в нем потребностей.

⁵ Проекты четырех резидентов ТОР в Хабаровском крае не стартовали из-за финансовых проблем. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2018/04/18/81736/>.

⁶ В 2018 г. на проекты выделено 7,4 млрд рублей бюджетных средств, а частных — 34 млрд рублей (5,8% от общего показателя по ДФО). URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2018/04/18/81736/>.

Таким образом, стимулирование региональной банковской активности является одной из наиболее актуальных и эффективных мер в условиях формирования программы по выходу из экономического кризиса. Среди первых шагов ЦБ в этом направлении можно выделить снижение требований к достаточности капитала банка в регионе, а также снижение нормативов ликвидности (для того чтобы

стимулировать кредитование долгих инфраструктурных проектов). Так как у региональных банков отсутствует доступ к дешевому капиталу, то основной объем привлеченных средств — это деньги вкладчиков. Поэтому необходимо обязать региональные банки стать участниками системы страхования вкладов, что также повысит привлекательность депозитов и защитит частный капитал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ларионова И. В. и др. О приведении банковского регулирования в соответствие со стандартами Базельского комитета по банковскому надзору (Базель III) в условиях нестабильной экономической ситуации. Монография. И. В. Ларионова, ред. М.: КНОРУС; 2018.
2. Халилова М. Х., Пономарев С. А. Оценка институциональной достаточности капитала банков в мире и в России. *Финансы и кредит*. 2016;(46):2–9.
3. Антонюк О. А. Региональные банки: игра по новым правилам. *Общество: политика, экономика, право*. 2018;(5):59–62.

REFERENCES

1. Larionova I. V. et al. On bringing banking regulation in line with the standards of the Basel Committee on banking supervision (Basel III) in an unstable economic situation. Monograph. I. V. Larionova, ed. Moscow: KNORUS; 2018. (In Russ.).
2. Khalilova M. Kh., Ponomarev S. A. Assessment of institutional capital adequacy of banks in the world and Russia. *Finansy i kredit*. 2016;(46):2–9. (In Russ.).
3. Antonyuk O. A. Regional banks: playing by new rules. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2018;(5):59–62. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антон Дмитриевич Осинин — магистрант 2-го курса факультета финансовых рынков имени профессора В. С. Геращенко, Финансовый университет, Москва, Россия
antonosinin@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anton D. Osinin — 2nd-year master's student, Faculty of Financial Markets, Financial University, Moscow, Russia
antonosinin@gmail.com

Статья поступила 19.04.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 19.04.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-147-149
УДК 32.019.51(045)

Волонтерство как инструмент вовлечения в систему государственной молодежной политики

К.Т. Лукьяненко

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2556-7295>

АННОТАЦИЯ

В настоящее время, когда в Российской Федерации наблюдается рост социальной и политической активности молодежи, возрастает важность увеличения качественного ее охвата государственной молодежной политикой. В данном контексте особую роль приобретает волонтерство как действенный инструмент по вовлечению молодых людей в систему государственной молодежной политики и решению государственно-ориентированных задач. В данной статье рассматриваются перспективы развития волонтерства, в том числе, в условиях экстренной мобилизации по борьбе с коронавирусной пандемией.

Ключевые слова: молодежная политика; волонтерство; мобилизация; социальные процессы; внутренняя политика; общественные проекты; COVID-19

Для цитирования: Лукьяненко К.Т. Волонтерство как инструмент вовлечения в систему государственной молодежной политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):147-149. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-147-149

ORIGINAL PAPER

Volunteering as a Tool for Involvement in the System of State Youth Policy

K.T. Lukianenko

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2556-7295>

ABSTRACT

Currently, in the Russian Federation, there is an increase in the social and political activity of youth, the importance of increasing the quality coverage of youth with state youth policy is growing. In this context, volunteering takes on a unique role as an effective toolkit for involving youth in the system of state youth policy, as well as solving state-oriented tasks. This article discusses the prospects for the development of volunteering in the Russian Federation for involving young people in solving state-oriented tasks, including in conditions of emergency mobilization using the example of a coronavirus pandemic.

Keywords: youth policy; volunteering; mobilization; social processes; domestic policy; social projects; COVID-19

For citation: Lukianenko K.T. Volunteering as a tool for involvement in the system of state youth policy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):147-149. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-147-149

На протяжении последних лет в Российской Федерации растет социально-политическая активность молодежи [1]. В этой связи возникают новые задачи, заложенные в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года*.

Несомненно, для успешного осуществления государственной молодежной политики (далее — ГМП) необходимо увеличивать качественный охват

и уровень вовлечения в нее молодежи. В данном контексте особую роль приобретает волонтерство.

В качестве главной отличительной особенности волонтерства от классических инструментов вовлечения молодежи в систему ГМП можно назвать объединяющий фактор на базе неполитической повестки по реализации альтруистических акций. Это при должном позиционировании позволяет вовлекать в подконтрольные государству волонтерские процессы (движения, акции) людей изначально аполитичных или даже негативно настроенных к режиму, которые ранее не попадали в сферу влияния системы ГМП через классические

* Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р.

инструменты вовлечения (например, форумные кампании, патриотические акции и т.д.).

Таким образом, при выстраивании правильного позиционирования того или иного волонтерского объединения или акции, можно в короткие сроки мобилизовать ранее не затронутую ГМП молодежную аудиторию через неполитическую повестку, выстроить управляемую систему и постепенно вовлекать молодых людей в проекты реализации ГМП.

Фактически волонтерство можно охарактеризовать в качестве объединяющего признака, через который организуется, активизируется и концентрируется аудитория для дальнейшего вовлечения в работу в рамках системы государственной политики [2]. После формального объединения вокруг нейтральной социально-ориентированной повестки к волонтерам уже могут применяться стандартные инструменты ГМП с учетом фокуса их интересов и при соблюдении умеренного дистанцирования от государства в своем позиционировании. По итогам данных действий ранее нейтрально или негативно настроенная по отношению к системе ГМП молодежь по факту становится ее составным элементом, трансформируя свое отношение к системе и образуя позитивный общественный фон.

В Российской Федерации на современном этапе волонтерство как системное направление стало активно прорабатываться государством в 2016 г. по итогам Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (<https://tass.ru/info/5870697>). После этого был реализован комплекс мероприятий, направленных на развитие волонтерского движения в стране [3]. При этом выделились ключевые государственные субъекты принятия решений по развитию и координации системы волонтерства в Российской Федерации. Среди них — Управление Президента Российской Федерации по общественным проектам, Федеральное агентство по делам молодежи и ФГБУ «Роспатриотцентр».

В качестве наиболее массовых и показательных реализованных волонтерских акций в Российской Федерации за последние годы можно выделить проведение Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 2017 г. и чемпионата мира по футболу в 2018 г. При этом, согласно Отчету об итогах деятельности Федерального агентства по делам молодежи за 2018 г., суммарное количество участников форумной кампании составило 800 тыс. человек (<https://fadm.gov.ru/documents/download/857/>).

Данные акции позволили поступательно нарабатывать обширную базу активистов в различных регионах России с целью их дальнейшего вовлече-

ния в государственно-ориентированные процессы по мере необходимости, как на федеральном, так и на региональных уровнях.

Ярким примером оперативной мобилизации молодежи для государственных нужд через волонтерскую повестку является Всероссийская волонтерская акция «Мы вместе», которая реализуется на территории Российской Федерации с марта 2020 г., и целью которой является поддержка пожилых, маломобильных граждан и медицинских сотрудников во время пандемии коронавируса (<https://new.dobro.ru/news/7944-akciya-vzaimopomoshi>). Данная акция в сжатые сроки мобилизовала более 100 тыс. человек по стране (<https://мывместе2020.рф>), а средний возраст волонтера, согласно данным портала «Добро в России», составляет 25 лет. В рамках проведения акции сформированы федеральный и региональные координационные штабы. В качестве основных инструментов вовлечения волонтеров в акцию «Мы вместе» можно выделить СМИ, социальные сети, наружную рекламу, информирование населения через органы государственной власти, использование ранее наработанного волонтерского актива органами ГМП и др.

Помимо социально-значимых результатов реализации данной акции можно выделить следующие:

- увеличение количества волонтеров как социально-активной группы за счет притока новых людей, в том числе ранее не задействованных в системе ГМП и волонтерстве за счет объединяющей повестки перед лицом общей угрозы обществу;
- апробацию механизма экстренной мобилизации социально-активной части граждан в отдельных регионах с наличием координационных центров по управлению их действиями;
- апробацию механизма масштабной мобилизации граждан на решение социально-значимой проблематики через побуждающую агитацию в СМИ, социальных сетях и иных коммуникационных площадках;
- приобретение опыта формирования позитивного общественного мнения у части населения и смещения фокуса внимания части общества на позитивный контент в условиях социально-экономической нестабильности;
- повышение электоральной лояльности к действующей власти со стороны волонтеров — участников акции за счет вовлеченности в совместные действия;
- иные результаты.

В текущих условиях наблюдается развитие системы координации волонтерства в Российской

Федерации и повышение количественного охвата лиц, вовлеченных в волонтерскую деятельность.

Несомненно, опыт проведения столь масштабных акций формирует предпосылки для дальнейшего использования наработанного человеческого ресурса для решения задач, которые могут преследовать как реализацию целей, заложенных в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, так и иных, в том числе, политических целей. При этом волонтеры как потенциально главная социальная сила могут быть эффективно мобилизованы через объединяющую социально-значимую повестку при выстраивании соответствующего позиционирования в общественном сознании.

Путем развития и вовлечения молодежи в волонтерскую деятельность государство создает действенный механизм для формирования базы социально-активных людей, которые могут быть при необходимости мобилизованы для решения возникающих социально-значимых проблем, а также для создания потенциальной общественно-политической силы. В условиях смещения приори-

тетных направлений деятельности государства в сторону социальной политики волонтеры могут стать важными субъектами реализации государственных задач в социальной сфере. Успешный опыт координации деятельности волонтеров в условиях коронавирусной пандемии на федеральном и региональных уровнях подтверждает действенность данной тенденции.

Участившиеся случаи возникновения социального напряжения на почве экологических конфликтов также позволяют допустить возможную потенциальную роль координируемых государством волонтеров в решении и осуществлении контроля во время локальных экологических кризисов и иных социальных конфликтов.

Таким образом, существующие тенденции подтверждают высокие перспективы использования волонтерства как действенного инструмента вовлечения молодежи в систему ГМП, а также закладывают организационные и методологические основы для последующей активизации волонтеров в качестве координируемой силы, направленной на решение социальных и государственно-ориентированных задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаматонова Г.Л. Социально-политическая активность молодежи в современной России: состояние и тенденции развития. *Социальные и гуманитарные знания*. 2018;4(2):82–87.
2. Васильковская М.И. Институт молодежного волонтерства как социально-культурный феномен. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2018;9(2):8–14.
3. Российское добровольчество: тенденции и характеристики. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2019;4(56):165–174.

REFERENCES

1. Shamatonova G.L. Socio-political activity of youth in modern Russia: Status and development trends. *Sotsialnye i humanitarnye znaniya*. 2018;4(2):82–87. (In Russ.).
2. Vasilkovskaya M.I. Institute of youth volunteerism as a socio-cultural phenomenon. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*. 2018;9(2):8–14. (In Russ.).
3. Russian volunteerism: trends and characteristics. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2019;4(56):165–174. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирилл Тимурович Лукьяненко — студент 4-го курса факультета государственного управления и финансового контроля, Финансовый университета, Москва, Россия
Lukianenko0817@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kirill T. Lukyanenko — 4th-year student, Faculty of Public Administration and Financial Control, Financial University, Moscow, Russia
Lukianenko0817@mail.ru

Статья поступила 05.05.2020; принята к публикации 20.05.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 05.05.2020; accepted for publication on 20.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

26 апреля 2020 г. нас постигла тяжелая утрата. Скончался давний друг нашего вуза и факультета, член международного совета журнала «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета», известный журналист, политический и общественный деятель Европы Джульетто Кьеза. Своими политическими работами, а также политической публицистикой синьор Кьеза внес существенный вклад в современное обществознание. Кроме того, он вел активную общественную деятельность, направленную на утверждение принципов мира и справедливости в международных отношениях. Нередко ради этого Джульетто Кьеза шел против правил, разоблачал ложь и двуличие современной цивилизации, бросал резкие обвинения сильным мира сего. Особо хочется отметить, что он поддерживал Россию и ее геополитические интересы, любил нашу культуру. Джульетто Кьеза искренне считал Россию частью Большой Европы и активно выступал за развитие российско-европейского партнерства. Мы всегда будем помнить это...

*А.Б. Шатилов, главный редактор,
декан факультета социологии и политологии*